

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №7 2019 ГАЗЕТА

Баянғали Алимжанов / Разрешите жить

АЛИМЖАНОВ Баянгали Токанович

Казахский поэт, драматург, акын, сказитель. Родился в 1954 году в городе Степняк Акмолинской области. Окончил филологический факультет Казахского государственного университета.

Автор тридцати восьми книг, четырёх художественных и шести документальных фильмов. Многократный победитель конкурсов сказителей (жырши). В Казахстане издано его собрание сочинений в 12 томах. Произведения Баянгали Алимжанова переведены на многие языки мира.

ДЕЛА
ЛИТЕРАТУРНЫЕ

ДВУРЕЧИЕ БАЯНА

Впервые по-настоящему я его даже не увидел, а — услышал. Мы оказались за одним «круглым», но прямо-таки огромным столом в Национальной библиотеке в Астане, на международном конгрессе, посвященном чтению в современном мире. Реликту в реликте — и что касается чтения, и что касается мира в мире. Выступали разные замечательные международные ораторы. Я добросовестно слушал их. Но когда дали слово очередному из них, я, честно говоря, вздрогнул. И, похоже, не один я. Оратор — запел! Причем запел не канонически, в духе предыдущих выступающих, а необычно страстно и даже азартно. Оказывается, он ошеломил нас всех куском «Манаса» — симпозиум-то международный. Я читал этот фольклорный шедевр и даже в свое время издавал его на русском языке, но в таком, певческом, в какой-то степени даже яростном, исполнении услышал его впервые. Ни слова не понимая ни по-казахски, ни по-киргизски, я вместе с тем сразу сообразил, о какой батальной сцене пел покамест невидимый

для меня в гуще других фигур человек. Сражение добра и зла, света и тьмы — его голос, его настрой и просто его дар прекрасно выражали это животрепещущее противоборство.

Баянгали Алимжанов не просто поэт и прозаик, он — еще больше — *жырау*. То есть импровизатор и даже — еще больше — *манасчи*, человек, наизусть знающий от строчки до строчки великий киргизский эпос «Манас» и способный прекрасно исполнять его даже без музыкального сопровождения перед любой аудиторией: от руководителей государств до рядовых крестьян и чабанов, не говоря уже о высокопоставленных участниках всевозможных международных коллоквиумов.

Мы познакомились. Невысокий, ладный крепыш с очень живыми, не по-азиатски большими глазами, очень импульсивный, хотя уже и в серьезных летах, с крепкой рукой: боксер, как бы оправдываясь, скажет он мне после рукопожатия.

Еще больше, чем это первое крепкое, по-мальчишески искреннее рукопожатие, сразу же

сблизило нас и то, что у нас оказался общий, хотя, увы, уже и покойный, друг — Рахимжан Отарбаев. Прекрасный современный, нехрестоматийный казахстанский писатель, до срока сгоревший и в своем творчестве, и в своей судьбе. У них, мне показалось, есть что-то общее — оба порывисты, откровенны, порой безапелляционны. Но в творчестве они разные. Рахимжан ходил по земле: был очень приметлив, едок, умел самую прозаичную мелочь возвести в скульптурную художественную деталь. Баянгали — со временем я его стал называть на русский, сказительный манер просто «Баян» — витает в облаках. Да, он и в своей прозе больше поэт. Чудесное романтическое слово, очень часто с природным казахским акцентом, точнее — оттенком. Его проза тяготеет к сказке. Не зря одна из его главных вещей так и называется — *Сказ*. О чем бы он ни писал — о войне, которая смертно опалила и его отца, о далеком ли прошлом, о ближнем — о временах позднего СССР и о перестройке, — но всегда проникновеннее всего возвращается к детству. К аульной природе, к людям земли и степи, которые в его исполнении непременно оказыва-

СКАЗ СТОЛЕТНЕГО СТЕПНЯКА

Роман

История войны должна учить нас миру, история вражды — дружбе.

Бодан Белого царя

Я зовусь Асанбай Бектемиров, сын Аманжола. Родился ровно в тысяча девятисотом году в степном крае Кенаши, что означает «горькое раздолье».

«Ровесник века!» — говорят про меня. Даже многие придают этому сакральное значение и относятся с трепетным уважением. Столетний самоходный старец, слегка опирающийся на крепкую березовую палку, да еще не сильно выживший из ума — все-таки редкость.

Однажды мы с внуками и правнуками посетили музей. Среди множества диковинных экспонатов особенно выделялись балбал тас — каменные изваяния. Эти странные старинные скульптуры особенно

заинтересовали моих потомков, они стали внимательно их осматривать.

Вдруг один закричал:

— Ата! Дед! Смотри! Они похожи на тебя!

Вначале я засмеялся, но, присмотревшись, оторопел. Неожиданное сравнение ребенка потрясло меня. Изъеденные ветрами многих веков, обожженные жарким солнцем, пропитанные запахом полыни и ковыля, закаленные самим временем, балбалы выражали спокойствие и терпимость степи, скрывали тайны вечности. И мое дубленое, морщинистое, широкое лицо, на котором лежали отпечатки пережитого — крови и пота, ярости и милосердия, огня и

ветра, — наверное, казалось юному поколению частицей древности.

Таким я был в семьдесят лет, таким же остался и в девяносто! Казалось, время застыло на моем лице.

А теперь исполняется сто лет! За это бурное двадцатое столетие произошло столько противоречивых, потрясающих и умопомрачительных событий, что и пересказать невозможно.

Я давно хотел рассказать людям о пережитом и увиденном, но только значимом. Да, именно значимом, ибо все, что ты увидел и пережил, не всегда имеет значение для других. Но приходилось долго молчать. Во-первых, во времена железного занавеса и стального порядка было что скрывать, а во-вторых, взяться за перо — дело не простое, порою даже неподвластное многим. Однажды один из моих отпрысков подсказал идею — простую и очень доступную.

— Рассказывайте свою историю нам, а мы в это время включим диктофон! — убеждал он меня с жаром. — А затем наберем сказанное на компьютере, по ходу подотредактируем, приведем в систему, запишем на флэшку и распечатаем в нескольких экземплярах — вот ваша книга и готова!

— Ну, ты умница, прям как прадед! — засмеялся я.

Одни говорят, что человек становится с годами мудрее. Другие же считают, что старики глупеют с каждым днем.

Наверное, правы и те, и другие. Почему? Да потому, что с каждым днем старцы забывают все больше и больше, теряют свои знания. Проще говоря, скудеет их память, глупеют они потихоньку. Но, с другой стороны, история и опыт жизни, отшлифованные временем, становятся настоящим алмазом!

Итак, долгими зимними вечерами, после сытного ужина из конины, начал я свои рассказы по порядку, стараясь сохранить хронологию событий. В первое время очень стеснялся диктофона, начал кашлять, сбивался и повторялся. Но затем привык, и слова потекли свободно, а внуки, правнуки и праправнуки слушали мой сказ с раскрытыми от удивления ртами. Наверное, престарелый ата-дед, которого они считали почти святым духом — аруахом, предстал теперь перед ними в совсем ином свете. Но, кажется, они меня зауважали еще больше!

— Ата! Как вы остались живы вообще?! И дожили до ста лет в добром здравии и ясном сознании?! — удивленно восклицали милые потомки.

— Я сам удивляюсь этому! Наверное, Всевышний хотел, чтобы вы появились на свет. И закалил, провел живым-здоровым через огонь и воду безбожников!

Но были и моменты, когда они просто не понимали сути сказанного. Наша история, тесно связанная с политической жизнью общества, была для них

незнакомой и загадочной. Кажется, что прошло-то всего несколько десятков лет, все так очевидно и понятно. Ан нет, оказывается, для нового поколения это уже хорошо забытое, точнее, совсем неизвестное прошлое. И они перебивали меня расспросами, и я не сердился на них за это. Даже был приятен их интерес к событиям и духу моего времени. Поэтому, по ходу повествования, приходилось совершать краткие экскурсы в историю и делиться своими соображениями насчет тех или иных явлений.

Когда закончил свой рассказ, продлившийся целую долгую зиму, милые потомки постарались и напечатали его на компьютере. Они хотели приукрасить и придать ему художественный вид, но я категорически запретил.

— Лучше естественная дедовская речь, чем приукрашенная фальшивка! — сказал я им. — Правда прекрасна в любой форме! Принимайте ее такой, какая она есть! А кому не нравится, пусть не читает. Не обижусь. Буду только рад, если история столетнего степняка заинтересует людей и останется в памяти потомков!

Они еще больше обрадовались и напечатали мой сказ в первоизданном виде, лишь слегка подкорректировав, за что я был благодарен им и благословил.

Время, в которое мы жили, было удивительное и сложное. Наступил двадцатый век, цивилизация всюю громыхала железными колесами, растаптывая все доброе старое, аэропланы рассекали небо, корабли бороздили океан. В то же время мы, кочевники, добродушные дети природы, даже не подозревали об этом и жили примерно так, как жили наши предки в старину.

Аульная вольница нам нравилась больше всего на свете. Мы чувствовали себя свободными людьми и очень гордились этим.

«Да не свободны казахи! — глубоко вздыхал в своих песнях акын-бард. — Мы — бодан, подданные Белого царя!»

Степняки, затаив дыхание, слушали, цокали языком, теребили бороды. Некоторые утирали слезы.

«После Кенесары-хана и Наурызбай-батыра покинул нас непокорный дух кокборы — синегривого волка!» — горестно покачивали головой аксакалы — белобородые старцы.

Нам было непонятно само слово «бодан» — подданные. Даже интересно было забавляться, произнося слово на разный лад. Откуда было детскому сознанию понять смысл этого понятия?

Позже, когда подрос, начал недоумевать: почему мы бодан и кто нас делает бодан? Как может один народ быть бодан другого народа?

Со временем начал понимать всю ужасающую суть, политический смысл бодан-подданства: быть подданными царя чужой империи, значит, не иметь своего государства, быть вечно зависимыми! То, что

мы чувствовали себя свободными в степи, было свободой условной.

Наша степь фактически стала колонией русской империи!

И это понимание, как осколок вражеского снаряда, глубоко изранив душу, терзало меня на протяжении почти всей моей столетней жизни.

Но в начале жизненного пути мы, дети природы, этого не понимали и оттого были по-своему счастливы.

Аульная вольница

Мы происходим из древнего казахского рода керей — ашамайлы, аксары, акымбет. Из нашего рода аксары-кереев вышел Марал ишан — святой, целитель, мусульманский религиозный деятель, духовный вдохновитель национально-освободительного движения Кенесары-хана и Наурызбай-батыра. В настоящее время мавзолеей Марал ишана в Кармакчи, на просторах Сырдарьи — место поклонения паломников. Люди приезжают сюда со всех концов света, ночуют и молятся Всевышнему, прося помощи. И тяжело больные чудом выздоравливают.

Происходит от аксары-кереев и святой, целитель Салык мулла. Сказывают в народе, что буйные сумасшедшие вмиг успокаивались, как только переступали порог дома муллы. И до сих пор, если кто-то, проезжая мимо его могилы на Кокшетаушине, не помолится, то с ним случается беда. Так один проезжал мимо на телеге, пьян был, громко смеялся и матерился, приехал домой, и у него рот искривился, язык отнялся! Мать быстро зарезала барана, поклонилась могиле святого, попросила прощения — и сын выздоровел!

К нашему роду относится также величайший певец казахской степи, композитор, поэт Биржан-сал. Легенда гласит, что в тихую лунную ночь, когда пел Биржан-сал на возвышенности Беркутты — Орлиная, его голос был слышен в окрестных аулах и долетал аж за пятнадцать верст, до самой сопки Намазгул. А когда он брал самые высокие ноты и распевался во всю мощь своего божественного голоса, пролетающая в небе птица камнем падала вниз и лишь у самой земли успевала раскрыть крылья и опять взлететь ввысь вместе с дивной мелодией.

Нас было семеро: пятеро братьев и две сестры. Самый младший наш брат умер еще в колыбели. В самом начале двадцатого века какая-то непонятная эпидемия косила казахские аулы. Случалось, что за один день хоронили по нескольку детей из одной семьи! Мы тоже переболели, но чудом остались живы. Наверное, это была корь или обычная краснуха. Но что поделаешь, медицина царской России почти не доходила до степной глубинки, и дети были бес-

сильны против заразы. В основном нас тогда спасала от многих болезней чистота крови, жесткий естественный отбор и природная закалка с самого рождения. Мы росли в довольно суровых условиях, питались натуральной пищей и были в постоянном движении. Спокойное величие степи сызмальства учило нас выдержке. И эта выдержка не раз спасала меня в бешеном водовороте событий.

Мы, аульные дети, любили степь и целыми днями бродили по окрестностям, играли в разные забавные игры. Иногда даже, подражая взрослым, охотились на сурков и барсуков. Летом мы жили в юртах на джайляу — летнем пастбище. Весной кочевали все вместе, весь род, аул. Нам, детям, было очень весело после зимних морозов и буранов резвиться в цветущей степи.

Я помню, как возле аула, на склоне холма, паслась наша стреноженная синяя кобыла. К ней был привязан маленький рыженький жеребенок. Отец с матерью ходили доить кобылу. Я не отставал от них. Для меня, шестилетнего, это было целое путешествие. Лето только начиналось, и степь расцветала. Порхали бабочки, прыгали кузнечики, висели в воздухе стрекозы... Я гонялся за ними, а они разлетались в разные стороны. Их песня, многоголосый хор степи, звучит до сих пор в ушах. Пахло полынью и ковылем. Я вдыхал полной грудью аромат степного разнотравья и пьянел от радости. Жеребенок, отвязанный от кобылы, подходил ко мне. Я обнимал нежно его шею. Отец держал кобылу, а мать доила ее в деревянное ведро. Запах саумала, свежего кобыльего молока, щекотал нос, будоражил кровь. Маленький аул лежал как на ладони. Высокое небо было чистым, редкие белые облака тихо плыли в дальние края. Солнце светило весело и грело нас своими добрыми лучами. Отец с матерью ласково смотрели на меня. И был я безмерно счастлив!

Эта картина из далекого детства, малюсенький кусочек долгой жизни, иногда всплывает из глубины памяти и стоит перед глазами, согревая душу. Тогда на мои старые глаза наворачиваются слезы, и не могу понять толком, то ли от счастья, то ли от тоски. Безвозвратно ушедший миг жизни возвращается неожиданно и дарит теплый свет далекого счастливого детства, в то же время подвергая сладкому сожалению о навсегда прошедшем!

Меня иногда спрашивают любопытные ученые о самом раннем впечатлении, которое помню до сих пор. Наверное, им интересно, с какого возраста столетний степняк помнит свою жизнь? Ответ повергает их в шок! Я помню одно событие, а ведь тогда мне было два с половиной года! Правда, более подробно об этом рассказали потом родители. Бегал я тогда перед юртой, а старшие сидели на траве и слушали рассказы легендарного Курентай-батыра — богатыря, приехавшего в гости из соседнего аула. Тут при-

бежал наш большой черный баран. Он был очень сильным и бодливым, и даже старшие остерегались его. А я, побежав ему навстречу, споткнулся и упал прямо перед ним. Увидев человечка на четвереньках, баран принял это как вызов. И вот чудо — я помню этот момент — черный баран сначала понюхал мою голову, потом стал отступать, чтобы боднуть. Я громко заплакал, стоя перед ним. Баран замешкался. В это время раздались крики взрослых — отец и мать бежали ко мне. Вот это помню точно! А остальное потом много раз пересказывали родители. Оказывается, баран отпрянул, вспугнутый отчаянными криками, но в следующий миг опять приготовился к удару. И тут между мной и бараном первым оказался старый Курентай-батыр, которому было уже тогда восемьдесят пять. «Мы даже толком не поняли, как он успел!» — удивлялись потом родители. Когда мать, вся в слезах, успела оттащить меня, старый Курентай спокойно схватил одной рукой за рога бодливого барана и сильно дернул. Одним мощным рывком старец свернул ему шею, и отцу пришлось быстренько зарезать барана. Родители не только не сожалели, но были рады этому. «Курбандык — жертва!» — сказали они и угостили мясом весь аул. Все говорили, что Аллах сохранил мне жизнь, и благословили, предрекая долголетие.

Одно из самых ярких впечатлений детства — дружба со стригунками. Почти каждый аульный мальчонок, даже из бедной семьи, имел своего «боевого коня» — стригунка. А кто постарше, ездили на тай — годовалой лошади. Обученные, смиренные, такие милые, они становились нашими верными друзьями и, как тогда казалось, навеки. Мы любили кататься верхом по широким раздольям, устраивали байге — скачки. Ветер свистел в ушах, земля, казалось, летела навстречу, а мы, покоряя пространство, срастались со своими стригунками, чувствовали себя единым целым, как кентавры!

Иногда, подражая взрослым, устраивали кокпар — конную спортивную игру, где группа всадников борется за тушу козла, стараясь вырвать ее из рук противника и ускакать. Только вместо козла делили высушенную шкуру. Это была потеха, не сравнимая ни с чем! Бывало, вцепившись в шкуру и не желая отдавать ее сопернику, не справлялись с более сильным старшим противником и соскальзывали со стригунка на траву! Детские голоса и веселый смех наполняли степь, оглашая весь мир, что здесь живут потомки кочевников — вольные дети великой степи!

Эта была самая счастливая пора нашей жизни.

На таком ровном месте — мы со своими сверстниками играли в сака. Сака, или своимий асык, коленный сустав ноги коровы, была основной убойной силой этой старинной игры степняков. А костяшки из ноги коров и лошадей, по которым бьют сака, назывались дый. Цель игры состоит в

том, чтобы, бросая свой сака, выбить альчики играющих. Тот, кому удастся это сделать, забирает себе выбитый дый. Кроме того, каждый участник игры должен иметь свой собственный сака и несколько дыев: по очереди каждый бросает сака в воздух и, если сака падает и встанет ребром — алшы или тайкы, или встанет перпендикулярно — омп, то хозяин получает право бить по дьям. А если сака падает на спину или ничком, то хозяин пропускает ход. Получивший право бить мальчик долго, аккуратно прицеливается и, виртуозно прокрутив сака вокруг своей оси, пускает его со всей силы в сторону диев. Когда сака попадает точно по центру близкого поставленного друг от друга диев, несколько диев разлетаются в разные стороны. Атаковавший измеряет расстояние от линии до каждого улетевшего дья ступнями. По предварительному уговору, если дый полетит на три или пять ступней, то бросавший считается выигравшим. А если нет, то он ставится опять на кон. Игра продолжается до тех пор, пока на кону остаются дьи. Игра очень подвижная, требующая смекалки и ловкости, скорости и выносливости, очень полезная для здоровья и физической подготовки детей. Когда игроки входили в азарт, то спорили по поводу и без, кричали до хрипоты и от радости от успеха, и от досады. Интересно, но в тот момент и вправду казалось, что нет ничего важнее в мире, чем победа в этой игре! Какими мы были наивными и чистыми душой!

Уставшие от детских игр, мы любили молча посидеть на холме, предаваясь своим размышлениям. Как волны могучего океана качались ковчиги, унося наши детские фантазии в неизведанные дали, а запах полыни щекотал нос. Этот аромат степи на всю жизнь остался в памяти, впился в кровь и душу.

Меня тогда сильно, неимоверно сильно тянуло к путешествиям и приключениям. Особенно это проявлялось на закате. Закат солнца в степи неповторим. Глядя на красный горизонт, смутно чувствуя величие и таинство мира, я вздыхал, не постигая причину своего томления.

Ночью мы любили смотреть на звездное небо. Звезды манили к себе. Особенно поражал воображение Млечный Путь — Кус жолы — Птичий путь.

Казахи называют Большую Медведицу Жетикаракшы, то есть Семь разбойников, Полярную звезду — Темирказык, Железный кол. А самые крайние две звезды на конце ковшика Малой Медведицы — Ак боз ат — Белый конь, и Кок боз ат — Сивый конь. Мифология кочевников гласит, что семеро разбойников веками пытаются украсть этих коней, привязанных к Темирказык — Железному колу. И не могут, потому что Темирказык кружится вокруг своей оси, уводя коней от приближающихся к ним разбойников. Кружатся вечно Жетикаракшы-разбойники вокруг Темирказык. По древнему верованию, если се-

меро разбойников украдут коней, то случится катастрофа во Вселенной. Но люди верят, что незаблennyй Темирказык — Полярная звезда — не позволит этого.

Ох, как мне хотелось улететь в небеса, блуждать до утра среди ярчайших звезд, прикоснуться к ним, погладить ладонью Темирказык и покататься на Ак боз ат и Кок боз ат!

Из уст в уста передавали наши предки свою историю — легенды и предания, притчи и мифы.

Иногда в наш глухой аул заезжали жыршы — сказители. Вечерами мы слушали их сказания о батырах — эпических героях. Завораживающие поэтические слова древности проникали в наши юные души, а певучие голоса степных рапсодов уносили вглубь веков. А мы, дети, буквально прилипали к сказителю, жадно ловя каждое его слово и музыку речи, пропитываясь силой аруахов — духов предков.

Сейчас думаю, что из уст в уста передавали наши предки свою историю. Легенды и предания, притчи и мифы — это некий энергетический сгусток времени. Запечатлевая эпоху в эпосе словом, народ сохранял свою историческую память, оберегал самобытность. Тогда мы этого не понимали, но чувствовали что-то таинственное, глубокое в древних сказаниях и песнях.

Из рассказов аксакалов — белобородых старцев и жыршы-сказителей — мы узнали, что казахи не всегда были боданы Белого царя. У нас была своя славная древняя история, уходящая корнями в незапамятные глубины тысячелетий.

Мой отец Аманжол не был сказителем, но он знал наизусть много песен и легенд, которые вечерами рассказывал нам. Иногда он читал из книжек, напечатанных в Казани арабской вязью и хранимых в деревянном сундуке, казахские песни о батырах, притчи о пророках и мусульманских святых. От пожелтевших страниц тоненьких книжек веяло чем-то таинственным, старинным, непостижимым детскому разумению, но близким душе.

Отец рассказывал о миссионерах, о переводах Библии на казахский язык. Он разъяснял, что эти миссионеры, под видом просветителей и этнографов, преследовали далекоидущие цели. Они старались распространять и насаждать религиозные предания и притчи христианства среди казахов, чтобы затем легче было их крестить!

Передовые, грамотные деятели степи своевременно поняли подоплеку такой деятельности и начали издавать книги, пропагандирующие духовные ценности ислама. Сказители-жыршы начали создавать и сказывать дастаны — эпические поэмы о пророке Мухаммеде алейхиссалям, мусульманских и национальных героев. Это было протестом против религиозной экспансии, надежным духовным щитом национального самосознания.

Отец рассказывал нам, как наш прапрадед Бектемир был прозван в народе Шораяк — хромой Бектемир-батыр. Однажды в бою с джунгарами он был ранен в бедро вражеской стрелой. После ожесточенной битвы воины возвращались домой. А у Бектемир-батыра нога опухла и начала гноиться — наверное, началась гангрена. И тогда он сам себе отрубил ногу острой саблей и остался жив!

Наш дом в зимовке был построен из сосновых бревен — невысокие две половинки, разделенные большой печью, и сенек — сени. Он считался редкостью среди казахов в те времена, потому что большинство людей жили в основном в глиняных мазанках, а очень бедные даже в землянках. Потолок нашего уютного дома был выложен оструганными досками. Никто их не красил, и доски были вдоль и поперек расписаны естественными узорами — те места, где росли сучки, представлялись нашему взору загадочными картинками. Я долго рассматривал потолок родного дома, каждый раз по-новому представляя узоры из завитушек. То виделась мне сказочная крепость, а вот батыр-богатырь скачет, чтобы завоевать ее. То представлялся зверек, то птица-самрук, то девица прекрасная, идущая за водой. Или вдруг картинка превращалась в джалмауз — бабу-ягу и гналась за детьми чабана. Таким образом наш потолок развивал детскую фантазию. Сейчас думаю, наше воображение было тогда для нас неким телевидением, интернетом, виртуальным миром.

Окна нашего дома были маленькими. Зимой, когда свирепствовали лютые морозы, мы, все братья и сестры, любили смотреть в окно. Мороз рисовал красивые узоры, мы продували в них дырочки и как в глазок глядели на заснеженную степь. В дни, когда бушевал буран — снежный ураган, нас, особенно меня и Салима, невозможно было оторвать от окна. Я буквально примерзал к окну и улетал вместе с метелью в дальние края! Вот так мы росли, глядя на большой мир через маленькое окошко родного дома!

Мать топила печь березовыми поленьями, и мы любили смотреть на пылающий огонь. Дрова трещали, огонь набирал силу, в доме становилось теплее. Когда огонь угасал, мать раскладывала красные, большие угли ровными рядами и ставила на них таба — чугунную круглую сковородку с тестом. Скоро выпечка была готова, и мы с шумом ели горячий таба нан — домашний хлеб с маслом. Хлеб был вкусным, корки хрустели на зубах, доставляя не сравнимое ни с чем удовольствие. Мы благодарили родителей, и мать, счастливая, радостно смотрела на нас и тихо говорила: «Шукр, алла, тауба!» Отец умиротворенно подкручивал усы и попивал айран из деревянной миски — аяк.

Наша мать Батима была из рода аргын, караул. Иногда, развеселившись, она затягивала старинные песни.

Четыре стены дома были как четыре стороны света. Мы играли то в одной, то в другой стороне и каждый раз как будто заново открывали себе новый мир.

Я помню до сих пор, как в детстве с младшим братом Салимом ездили погостить к старшей сестре Мариям. Она с мужем и детьми жила возле горы Макпал, за аулом Кудукагаш, на опушке соснового бора.

В ауле было много баранов. Нас привозил туда из нашего аула, очень далекого, как тогда нам казалось, кто-нибудь из старших и оставлял на несколько недель. Ну, эти сорок—пятьдесят километров для нас, детей, были действительно дальним путешествием. Тогда не было машин, техники. Преодолев этот дальний путь на конных санях, мы, степняки, всюду наслаждались дивной лесной природой!

Часто с племянниками уходили в лес, вооружившись топором, лопатой и палками. Чистый белый снег, как раскрытая книга, был полон узоров сложного письма — звериных и птичьих следов. Мы старались их прочесть и выследить кого-нибудь. В пылу азарта доходили до окраины поляны, останавливались посреди высоких сосен и, вдыхая морозную свежесть соснового бора, застывали в блаженстве. Лес дышал здоровьем и заряжал нас неповторимой энергетикой. Младший брат Салим, непоседа и озорник, все время норовивший разгрести снежные сугробы в поисках зверьков, тоже останавливался возле сломанного большого дерева. Я глядел на вершины деревьев, и казалось, вечно молодые, зеленые кроны величественных сосен плывут вместе с белыми, густыми облаками. От тишины шумела в ушах кровь и кружилась голова, и так хотелось уплыть вместе с облаками в дальние, таинственные края. Но я понимал, что это невозможно, и мысленно просил облака передать привет народам, обитающим в далеких странах. Иногда нарушал тишину стук дятла по дереву: тук-тук! Мы прислушивались: не выдержав мороза, с треском ломался сук и падал шумно оземь.

Возвращались домой в сумерках, усталые, но довольные путешествием в лес, с покрасневшими от мороза лицами. Сестра Мариям кормила нас мясом и горячим бульоном. Наевшись, мы ложились поудобнее вокруг бабушки Алтын, свекрови сестры, и просили ее, чтобы она рассказала нам сказки.

Бабушка Алтын была доброй, светлой женщиной. Она носила жаулык — головной убор из белой ткани, укрывающий ее голову, шею и плечи. Открытым оставалось только лицо. Глаза Алтын-апа наполнялись теплым светом, она увлеченно рассказывала древние сказки и сказания. При свете керосиновой лампы наши собственные тени в мазанке были похожими на что угодно, а в полутемных уголках как будто бродили тени сказочных персонажей.

Много интересных сказок Степи и Востока рассказала нам Алтын-апа, и я благодарен ей до сих пор.

Когда вспоминаю старую сказочницу, снова чувствую себя тем маленьким десятилетним мальчиком, внимательно слушающим ее проникновенную речь. Иногда кажется, что самыми счастливыми мгновениями моей жизни были эти зимние вечера сказок в старой зимовке.

Одна притча врезалась в память на всю жизнь. Однажды к пророку Мухаммеду аллеихиссалам обратился богатырь Хазрет Гали — Азрет Али. Он сказал, что чувствует себя настолько сильным, что смог бы поднять Землю и прокрутить ее над головой как мячик, если бы Всевышний дал ему ручку от Земли. Пророк многозначительно улыбнулся, но ничего не сказал. Азрет Али поехал дальше. И вот он едет в степи на своем скакуне Дульдуде и встречает белобородого старика. Поздоровался с ним. Аксакал вежливо ответил на его приветствие, положил свою маленькую суму на землю. Чуть поговорив с Али о том о сем, старик попросил силача подать ему суму, так как ему трудно нагибаться. Али, не слезая с коня, хотел кончиком кнута поднять суму. Но это ему не удалось! Удивленный Али нагнулся и мизинцем хотел поднять суму. Опять не смог! Раздосадованный герой схватил железной рукой поклажу старца и рванул, но сума даже не сдвинулась с места. Кровь ударила в голову Али, и он в ярости, со всей своей могучей силой начал тянуть эту злосчастную суму, опершись ногами в стремя. Да потянул он с такой силой, что боевой конь, легендарный Дульдудь, по колону вошел в землю! Но сума даже не сдвинулась с места. Тут аксакал подошел к Али, извинился за беспокойство, легким движением двух пальцев закинул суму на плечи и пошел своей дорогой!

Растерянный Али примчался к пророку и попросил разгадать эту таинственную историю.

Пророк лучезарно улыбнулся и молвил:

— Ты же возгордился, посчитал себя сильным и думал, что сможешь повертеть Землю над головой? Так вот Аллах дал тебе потрогать ручку Земли, чтобы ты понял свою гордыню и покаялся!

Тут Азрет Али понял все...

Глубокий, многозначительный смысл этой притчи, как мне кажется, должен дойти до каждого землянина от мала до велика. Никому не дано брать за ручку земной шар и вертеть им как захочется, то есть вершить судьбу планеты! Только Всевышний определяет судьбу Земли и Вселенной! А люди должны жить в мире и согласии в этом общем ковчеге человечества, бороздящем безграничный океан Космоса!

Было еще одно яркое впечатление — русские переселенцы. Говорят, вначале наши встретили их враждебно. Читали, что они враги, чужеземцы, и пришло отбирать наши земли. Отдельные отчаянные храбрецы вредили им как могли, а при удобном случае даже убивали их. В народе ходили легенды, что Курентай-батыр долго воевал с пришельцами, но,

наконец поняв, что невозможно остановить русское переселение в наш край, смирился с неизбежным.

Со временем все начали привыкать к новому соседству. Постепенно стали общаться, обмениваться бытовой утварью, перенимать опыт жизни друг у друга.

Наш отец Аманжол, ярый противник царской колонизации, ко всеобщему удивлению, подружился с переселенцем Майдайкиным из поселения у озера Жокей — Джукей. Места здесь красивые, земли плодородные, раньше они принадлежали казахам. Но царские власти просто забрали эти земли. В те времена все красивые и плодородные земли прибирали к рукам русские казаки и переселенцы.

Майдайкин был огромным, крепким мужиком. Помню, ходил он вразвалочку неторопливыми большими шагами. Говорил громко и четко. Аульчане дали ему кличку Сары-орыс — Желтый русский. Удивительно, вроде все русские светлые, и всех можно было бы назвать желтыми, но Майдайкин был действительно самым ярким Сары-орыс — Желтым русским. У него не только кожа, но и волосы были золотистыми. Он привык к своей кликухе и даже обижался, когда при нем кто-то из казахов нечаянно обронял поговорку: Сары орыстын бари орыс — все русские желтые! То есть давал понять, что здесь только он настоящий Сары-орыс! Моего отца Аманжола и Майдайкина казахи прозвали тамыром. Почему-то так повелось в народе, если казах дружит с русским, его называют тамыр. Тамыр означает, во-первых, корень, во-вторых, кровяной сосуд — вена, артерия. Думается мне, что этим многогранным словом подчеркивается важность казахско-русской дружбы, вот, мол, срослись корнями, стали кровными братьями. Ну, что бы там ни говорили, в случае с нашим «сары-орыс» в этом была доля правды.

Часто он бывал у нас. Отец тоже навещал его и каждый раз привозил какие-то диковинные вещи. Они просто обменивались.

Однажды он взял меня и Салима с собой. Для нас это было открытием целого нового мира! Мы увидели такие вещи, о существовании которых и не подозревали. Нас удивили вещи из железа — орудия труда. Соха — плуг так поразил нас, что мы пытались им пахать землю. Я стал конем, впрягался и старался сдвинуть с места тяжеленный плуг, а Салим ловко управлял! Но больше всего нас потрясло ружье Майдайкина.

Наш кровник дал нам подержать его. Мы с Салимом наперебой хватали ружье, держали в руках так и эдак, но не знали, что с ним делать. Я взял ружье за ствол и хотел помахать как соилом — боевой палкой, а Салим в свою очередь взялся за приклад и сделал несколько колющих движений, как с найза — копьем. Майдайкин засмеялся и показал, как и чем заряжается ружье, как прицеливаться и стрелять. Мы

тогда толком не понимали, что такое огнестрельное оружие, но интуитивно чувствовали страшную силу, затаенную в гладком, холодном металле. Салим оказался проворнее, быстро смекнул, что к чему, и начал изображать стрельбу — палить от руки, не прицеливаясь, и громко, азартно произнося при этом «пух, пах, пух!». Отец любовался его ловкими движениями, а Сары-орыс, Желтый русский, крутил усы и качал головой. Да, это была первая встреча наивных степных детей с ружьем, и теперь я понимаю, почему так загрустил наш тамыр Майдайкин.

Нас пригласили к столу. Жена Майдайкина разливала чай из толстого блестящего самовара и угощала нас горячими пирожками с квашеной капустой. Мы с Салимом впервые ели пирожки, они были необыкновенно вкусными.

Отец беседовал со своим тамыром. Мы ничего не понимали, но помню, иногда они начинали спорить на повышенных тонах, и нам становилось не по себе. Уже потом, по дороге в аул, отец нам пересказывал суть разговора.

— Тамыр говорит: пойми ты наконец, Аманжол, меня правильно и раз и навсегда запомни — не от сладкой жизни русский мужик оторвался от родной земли и пришел в твои степи! Нас тоже закинули сюда силой! Да и еще показывает при этом пальцем наверх. Догадывайся, мол, кто!

— Кто?! — шумно спрашиваем мы с Салимом.

— Ясно, кто... Белый царь, их батюшка!

Отец только грустно хмыкнул. Мы тогда толком не понимали, зачем все эти споры и разговоры.

Отец рано начал учить нас читать и писать. Быстро, азартно я научился грамоте — арабские литеры излучали свет знания. Мне очень нравилось расшифровывать арабскую вязь, по буквам, по слогам складывать целое слово, затем предложение и вникать в их смысл.

Повзрослев, я открыл для себя кириллицу — русскую письменность — и совершенно новый мир.

Ярость народная

В 1914 году началась Первая мировая война — царская Империя воевала с кайзеровской Германией. Никто в ауле не понимал, что там происходит и что это за война. До нас доходили только слухи, которые разносила по степи с быстротой телеграфа устная народная почта узункулак — длинное ухо. Согласно слухам, русские воевали с немцами. Мы же вообще не знали, кто такие немцы, где они живут и что им нужно.

Помню, как остряки из нашего рода керей на все лады коверкали новое слово Германия: Кермания, Кереймания! Объясняли просто: гер-, как и кер- происходит от слова Керей, а ман — по-немецки че-

людей. Кер-ман, Керейман, керей-человек — такое объяснение нравилось всем, и мы шутили, что керманцы на самом деле керейманцы, то есть происходят они от кереев! Тогда мы даже не подозревали, как тесно впоследствии сплетутся наши судьбы с Германией.

В июне 1916 года вся степь была потрясена указом Белого царя о мобилизации казахов в возрасте от девятнадцати до тридцати одного года на черновые работы на фронтах Первой мировой войны. Печально известный в истории Июньский указ стал настоящей трагедией для казахов. Народ не хотел отдавать своих детей на верную гибель и вспомнил клятву царя о том, что Русская империя не будет брать казахов на воинскую службу. Даже попытались напомнить генерал-губернатору, что царь-самодержец собственноручно подписал и поставил свою высочайшую печать на клятве, написанной на собачьей шкуре. Но собачья шкура потерялась, Белый царь забыл свою клятву, и казахи восстали.

Где-то вычитал, что за время колонизации казахской степи царской Россией произошло около трехсот национально-освободительных восстаний, больших и малых. И одними из самых крупных были восстания 1916 года, когда в разных частях бескрайней степи вспыхивали огни национально-освободительных войн казахов против царского империализма. Некоторые исследователи-новаторы считают, что царская власть сама Указом спровоцировала восстание казахов, чтобы закрыть свои долги перед союзниками: «Вот, мол, у нас неполадки, бунт, война, а по договору при таких сложных политических ситуациях внутри страны все долги данной страны списываются!»

Эта версия кажется тоже правдоподобной. Версия — версией, а фактически — степняки воевали против произвола царизма.

Но силы были совсем не равны. Царская империя, воюющая с кайзеровской Германией и испытывающая большие трудности на фронте, все равно находила силы для подавления восстания. Карательные отряды, оснащенные пушками, пулеметами и лучшим стрелковым оружием того времени — пятизарядной винтовкой бесатар, — безжалостно расстреливали конницу восставших казахов, вооруженных в лучшем случае саблями, пиками и луками, а в большинстве своем — просто березовыми длинными боевыми палками — соилами. Немало молодых джигитов-удальцов погибло от пуль и картечи карателей. Почти все восстания были жестоко подавлены за короткий срок, а многих народных вождей расстреляли и повесили без суда и следствия. Участников, попавших в плен, заточили в остроги и после мучительных допросов казнили или отправляли в Сибирь. Но немало повстанцев, оставшихся в живых после военных столкновений, ушли за кордон в Ки-

тай. Были случаи, когда предводители некоторых родов ясно понимали, что найза, копые, и соил, боевая березовая палка, против пушки и пулемета — гиблое дело, и уходили без боя и без жертв со всем своим родом. Вот теперь, спустя десятилетия возвращаются на свою родину, теперь уже новую страну, независимую республику Казахстан потомки ушедших поневоле на чужбину казахов. Их называют оралманы — возвратившиеся. Сколько испытаний выпало на долю этих людей, наших братьев!

Единственным неподавленным восстанием казахов было восстание жителей Тургайской степи под предводительством Амангельды-батыра Иманова, ополченцы которого победоносно, со своим знаменем влились в ряды сначала Февральской, а затем Октябрьской революции и активно участвовали в установлении Советской власти в степи. Но, в конце концов, кровожадные борцы бурного времени подлостью и обманом убили батыра Амангельды, его гибель окутана многослойной тайной. Поговаривают в народе, что и красным, и белым не нужен был герой-казак, свободный, непокорный, во главе многотысячной боеспособной армии! Ясно одно — батыр Амангельды является народным героем, а легенды и сказания ставят его образ в один ряд с самыми свободолюбивыми сыновьями степи.

Это уже история, и сейчас можно спокойно поразмышлять, так и эдак оправдывая кровопролитие, а в то время было все не так просто. Мой отец Аманжол в самом начале восстания примкнул к отряду повстанцев и начал воевать за правое дело.

Однажды восставшие джигиты напали на одно маленькое поселение переселенцев. Мы со старшими братьями — двадцатилетним Алимжаном и девятнадцатилетним Мейрамбаем — тоже были в отряде. Но наше присутствие ничего не решало, да и оружия у нас не было. Мы присоединились к повстанцам из чистого любопытства и азарта. Сейчас, думаю, отец просто хотел, чтобы юнцы почувствовали войну и закалились.

Поселение было почти пустым, жители уехали подальше из этих опасных мест. Жилым оставался только один дом. Повстанцы с гиком пустили коней вскачь, устрашающе взмахивая саблями и пиками, вмиг окружили дом, застав хозяев врасплох. И тут джигиты вытащили из дома вместе с хозяином нашего тамыра Майдайкина! Вероятно, он вместе с семьей приехал сюда погостить.

Джигиты, опьяненные жадой крови, решили быстро расправиться с жителями. Для них переселенцы были олицетворением всего зла, творимого царской властью. Всадники начали ломать деревянную ограду и колотить соилами по дому, разбивая окна и ломая крышу. Майдайкин, увидев нас, обрадовался было, но несколько всадников окружили его плотным кольцом и начали хлестать кнутом. Отец

решительно заступился за своего тамыра и кричал на джигитов, требуя прекратить избиение. Но не все слушались его. Некоторые горячие головы собирались накинуть аркан на шею Сары-орыс — Желтого русского и пустить коня вскачь.

Майдайкин отбивался огромными ручищами, мешая жесткому аркану из конских волос затянуться на мускулистой шее. Но один ловкач ухитрился все-таки подобраться сзади и накинуть петлю. Майдайкин напряг всю свою богатырскую силу, не давая опрокинуть себя и стараясь разорвать смертельную удавку. Но аркан из конских волос не могут разорвать даже лошади, и Майдайкин начал задыхаться. Кровавая пена потекла изо рта. Его жена рыдала во весь голос, а двое взрослых сыновей молча смотрели, сверкая глазами в бессилии. И когда Майдайкин уже начал храпеть, теряя сознание и медленно опускаясь на землю, блеснула сабля в руках нашего отца Аманжолы — он перерезал аркан. Отец решительно приставил острую саблю к горлу разгоряченного джигита и сказал:

— Не трогайте моего тамыра! Не он виноват во всем этом! Или мы уйдем отсюда с миром, или я убью вас!

Отец имел вес среди сородичей, и они послушались его. Удалось ему спасти всю семью Майдайкина и хозяев дома от неминуемой гибели.

Освобожденного Майдайкина обняли жена и дети, и он молча, взглядом, поблагодарил отца. Отец лишь грустно кивнул ему в ответ, и мы покинули поселение.

Суровая реальность остудила наш пыл. Вот она какая, война, и победа на войне! Оказалось, что, побеждая, приходится кого-то бить, а то и убивать. Героизм, воспетый в эпических сказаниях и песнях, имеет и обратную сторону — трагедию, а торжество и слава победителя держатся на плаче и крови побежденного!

Вскоре война разгорелась вовсю. Отец со своими джигитами решил уйти в Тургайские степи, чтобы присоединиться к армии Амангельды-батыра. Он велел всем нам, братьям, остаться в ауле и охранять род. Слово отца было законом для казахов, и мы беспрекословно исполнили его волю.

Совсем недавно довелось прочитать в одной исторической статье того времени о том, что вопрос восстаний и карательных операций в казахской степи рассматривался в Государственной Думе. Депутаты с болью говорили о том, что в результате столкновений туземцев и переселенцев, карательных действий правительственных войск погибли десятки тысяч казахов и тысячи русских. Они напрямую обвиняли царскую власть в том, что она, издав незаконный указ и исполняя его бесчеловечными методами, допустила беспорядки и беззаконие в степи, приведшие к массовому кровопролитию в империи.

Конечно, хорошо, что депутаты осудили эти бесчеловечные действия властей, но не уверен, что это как-то изменило ситуацию: в степи узункулак — длинное ухо вместе с ветром донес до каждого аула слова царского губернатора, который прямо заявил представителям казахов: «Вы вздумали восстать — так мы уничтожим вас всех, никого не оставим в живых — ни женщин, ни детей, ни стариков!»

И карательные отряды творили в степи чудовищные преступления, уничтожая невинных мирных жителей. Они рыскали по степи, как голодные волчьи стаи, в поисках казахских аулов. Местные казаки присоединялись к ним и указывали путь, так как хорошо знали местность. Они безжалостно карали всех, кого подозревали, без суда и следствия.

Наш второй старший брат Мейрамбай случайно попался им в руки. Он ехал в степи после свидания с невестой. Была глубокая осень, и свадьба должна была состояться весной следующего года. По пути домой Мейрамбай остановился у небольшого водоема — томара, чтобы напоить коня. Только он слез с лошади, как из камыша выскочили несколько вооруженных карателей и окружили его. Один сразу вырвал из его рук поводья и забрал коня. А остальные, хохоча, стали издеваться над девятнадцатилетним парнем, угрожая шашками и штыками, примкнутыми к винтовкам. Мейрамбай отступал от разящих острых клинков и оказался на краю невысокого обрыва. Но изверги продолжали его теснить, опрокинув в воду. Вода была достаточно глубокой, выше роста человека, и Мейрамбай нырнул с головой. Захлебываясь, он попытался выйти на берег. Но каратели преградили ему путь острыми штыками и держали в воде, наслаждаясь своей находчивостью и силой. Наш брат нащупал ногами дно и терпел это унижение. Наконец каратели уехали, захватив лошадь своей жертвы. Как только они скрылись из виду, Мейрамбай вылез из томара, выжал свою одежду и побежал в сторону аула. Но путь был далек, холодный осенний ветер насквозь пронизал молодое крепкое тело. Да, царские каратели знали свое дело. Изощренность этого злодеяния заключалась в том, что без единого выстрела, без малейшей царапинки жертва все же была обречена. Ледяная вода и осенняя прохлада сделают свое страшное дело с пешим джигитом в мокрой одежде в открытом поле.

Мейрамбай добрался до родной юрты лишь под утро. Весь посиневший от холода, теряя сознание, он успел рассказать о злодействе карателей и проститься с нами. Тело его буквально горело, и он бредил.

Наш любимый брат Мейрамбай умер через несколько дней от воспаления легких. Весть о гибели Мейрамбая быстро облетела степь. Народ разделял наше горе, облегчая тяжесть утраты. Мне было тогда шестнадцать, а Салиму пятнадцать лет. Мы были так потрясены этой смертью, что боль утраты на всю

жизнь осталась в сердце. Я впервые пережил потерю близкого человека в родном доме. Мать плакала навзрыд, ее плач разрывал душу. Мулла неустанно повторял салауат — ля иляха илля аллах — и это как-то успокаивало нас, смиряя с необратимостью судьбы. До сих пор, когда вспоминается то далекое событие, на мои старые глаза наворачиваются слезы и слышится плач моей матери Батимы.

Эта смерть еще более ожесточила нас, и мы стали с новой силой ненавидеть царских карателей и колонизаторов. Но силы были неравны — огнестрельные железные ружья, плод цивилизации, были направлены на усмирение и уничтожение нашего добродушного народа, детей природы.

Отец так и не вернулся. Ему было сорок пять лет. Оказывается, их отряд был разгромлен в кровавой, неравной битве с вооруженным до зубов карательным отрядом. До нас дошли слухи, что наш отец погиб в той бойне. Так и остался навеки лежать в степи со своими боевыми братьями. Через год приехал к нам в аул очевидец тех событий, хромой инвалид, чтобы сообщить о гибели отца. Прочитав аят из Корана, он подробно рассказал о гибели степняков в той ужасной мясорубке. Глухим, подавленным голосом поведал он мне, как повстанцы, попавшие в засаду, самоотверженно сражались против пулеметов и пушек, заряженных картечью.

— Много ли ума и умения надо, чтобы расстреливать всадников, вооруженных в основном соилом и найза? — вопрошал хромой, обращая свой взор куда-то вдаль. — Винтовки били залпами, пулеметы строчили, грохали пушки. И за короткое время бесстрашные кочевники, сотрясающие своими уран, боевыми кличами, и топотом копыт разгоряченных тулпаров, скакунов, всю степь, были уничтожены. Почти все полегли, обняв навеки полынь и ковыль родной степи. Лишь некоторым отчаянным, везучим удалцам удалось добраться до стрелков и ударом соила разmozжить головы противника. Я летел рядом с твоим отцом Аманжолом и видел, как на полном скаку он высоко поднял копьё и успел бросить его в пушкаря. Но тот успел выстрелить. Копьё Аманжолы вонзилось ему в горло, а картечь буквально срезала твоего отца как травинку. Меня тяжело ранило в бедро, я упал с коня и потерял сознание. Как видишь, выжил все-таки.

Эта картина запечатлелась в памяти, всю жизнь я представляю себе отца, отчаянно скачущего, истекая кровью, на русскую пушку с высоко поднятым острым копьём.

— Да, горжусь своим отцом! — говорил с болью Салим. — Но не буду вот так открыто, прямо, хоть и героически, бросаться с пикой на пушку! Я буду гибким, хитрым воином! Лучше обойду эту пушку, найду с тыла и перебью всех пушкарей или пальну по ней с еще большего орудия!

Салим сдержал свое слово. Он стал опытным, хитрым, закаленным в огне воином.

После подавления восстания, нашего старшего брата, двадцатилетнего Алимжана, забрали-таки на фронт. Мы получили от него два письма, потом связь прервалась, и от брата больше не было ни весточки! Вскоре в России произошли такие события, что властям было не до нашего брата. Мы надеялись и надеемся до сих пор, что он остался жив, попал в водоворот событий и выплыл на какой-нибудь берег — свой или чужой. Лишь бы жив был наш любимый брат! Дома перечитывали много раз его письма, написанные красивой арабской вязью, и старались понять, в какой переплет попал Алимжан. Судя по его письмам, дела на фронте были неважные.

Алимжан писал, что жив, здоров, да только досадно, что не отдают им павших лошадей. Русские солдаты не ели конину, и убитых животных наспех закапывали или просто оставляли на радость падальщикам. Но никому в голову не приходило отдать их казахским тыловым рабочим! Решили бы проблему питания. Но господа офицеры не утруждали себя заботой о каких-то кочевниках.

Несколько лет назад прочитал статью о жизни черновых рабочих на фронтах Первой мировой войны. Оказывается, к рабочим применялся тюремный режим, их вели на работу под конвоем, при малейшей провинности наказывали. Вспоминая доброго брата Алимжана, бесследно исчезнувшего на полях кровопролитной войны, сочувствовал ему.

Гражданская анархия

В начале семнадцатого года грянул гром: свергли царя Николая!

Степь всполошилась — казалось, мир перевернулся! Эта была Февральская буржуазная революция 1917 года, в результате которой была установлена власть Временного правительства, суть которой стала понятна потом спустя годы: установилось в стране конституционное правление.

Февральская революция остановила карательные действия в степи. Карательные отряды, собиравшиеся учинить кровавую расправу, готовившиеся нанести последний решающий удар по безоружным казахским аулам и плохо вооруженным повстанческим отрядам, остановились в растерянности. Огромная империя была обезглавлена.

Мы толком не успели ничего понять, как обрушилась вторая громовая весть: произошла Октябрьская революция, свергнувшая Временное правительство и установившая диктатуру пролетариата!

Степь опять забурлила. Появились первые буревестники революции, предвестники больших перемен и тяжелейших бедствий. Горлопаны и краснобаи

разглагольствовали: пришла пора разрушить до основания старый и построить новый, справедливый мир! Мы, казахская беднота, предводимая российским и всемирным пролетариатом, во главе с великим вождем товарищем Лениным, должны уничтожить и изгнать баев и всех угнетателей трудового народа и самим взять власть в свои руки! Правда, пока дело не дошло до активных действий, только разделилась степь на множество противоборствующих лагерей.

Представители национальной партии казахов — алашордынцы пытались указать народу свой путь.

— Мы, казахи, единое целое! Нас и так мало, чтобы разделяться на бедных и богатых и уничтожать друг друга! Все казахи братья, один род, один народ!

Алашордынцы стали предвестниками национального возрождения казахов.

Это сейчас, почти сто лет спустя, осмысливаем, систематизируем события того смутного времени. Но тогда, в гуще событий, никакой четкой системы и понимания происходящего не было. Был кавардак, хаос, беспорядок. Голод, холод, бойня. Русская революция перевернула и нашу спокойную степь, бросив все живое в кровавый майдан — поле сражений Гражданской войны, превратив родовую, братскую жизнь мирных казахов в сплошной кошмар. Шатающимся по степи агрессорам явно нравилась гражданская анархия. Лихие и ничего не боящиеся, они коварно атаковали наши аулы. Разрывались снаряды, строчили пулеметы, свистели стальные шашки над степью, и смерть косила наш народ без разбора.

Все понятия о добре и зле потеряли смысл, судьбы тысяч, миллионов людей перемешались. Страх и ужас, неверие в будущее царили в душе каждого из нас. Никто ничего толком не понимал: кто враг, кто друг, куда идти, с кем идти? Пока мы разбирались в этой новой жизни, нас агитировали разные авантюристы, монархисты и анархисты, социалисты и сождеповцы. Все сыпали красивыми словами, интересными идеями о свободе, равенстве и братстве, завораживая светлым будущим, где не будет царей и богачей. Но ближе всех, понятнее и роднее были свои националисты-казахи, которые призывали к национальному единству, свободе и автономии.

Власти менялись в степи, как калейдоскоп — не успевали установить одну, приходила другая. Царскую власть заменило временное буржуазное правительство, затем совдепы, алашордынцы, белые, колчаковцы, анненковцы, красные... Народ совсем запутался и не знал, кому верить и с кем идти.

Салим воодушевленно поддерживал идеи Алашорды.

— Каждому народу — своя автономия! Это же здорово! Ленин дает свободу угнетенным народам

Российской империи, и мы должны этим воспользоваться, чтобы создать свое государство!

Эта идея нравилась многим. Мы верили и надеялись. Но и сомнения нередко овладевали нами. Я тоже часто задавал вопрос самому себе, степи, небу, ветру: как нам быть? После мучительных раздумий нашелся вроде верный ответ — будь вместе со своим народом! Береги свой народ, борись за его свободу и счастье! Но как быть, если родной народ раскололся на части — одни примкнули к белым, другие к красным, а третьи к националистам — алашордынцам. Причем это было не просто идейное разногласие, а вооруженная борьба, братоубийственная бойня. И как можно стрелять в брата казаха за счастье другого брата казаха?! Голова раскалывалась, душа раздиралась, но четкого ответа так и не нашел — ни тогда, ни сейчас! Разум отказывался понимать, душа не принимала этот раздор — для меня все казахи были братьями, единым целым. Но лицемерные, коварные политики не позволяли нам оставаться едиными братьями, сея раздор. Всё, что мог сделать лично — никогда не стрелял в казаха, будь он белым или красным, богатым или бедным.

В то время отдаленная от центра местность, где мы обосновались, называлась Койтас — Овцекамень. Природные валуны, ростом с баранов, иногда даже с верблюдов, наполовину зарытые глубоко в землю, были настоящим чудом природы. В чистом поле, в ровной, как гладь моря, безбрежной степи вдруг возникают эти чудесные койтасы — овцекамни и тянутся до самого горизонта. Каждый камень имеет свою, отличную от других форму, созданную природой и отточенную ветром времени. Откуда они — упали с небес или выросли из-под земли? На это никто не может ответить до сих пор.

Мы перекочевали сюда, спасаясь от карателей, и остались жить. Койтасы послужили кочевникам в смутное время укрытием, крепостью. Целые аулы могли спрятаться там и от белых, и от красных.

А прятаться было от чего. Не было в то время никакого порядка или закона в степи. При встрече с белыми или красными часто все зависело от их настроения. Если командир вооруженного отряда был не в духе, мог сорваться, запросто вырезать, сжечь, уничтожить весь аул. Без суда и следствия, безо всякой моральной ответственности делали всё, что хотели. А в хорошем расположении духа забирали, что нужно, и уходили. Такое было время.

Старейшина нашего аула, седобородый аксакал Малай ата был мудрецом. Ему было семьдесят лет, и он казался нам незыблемым столпом степной нравственности, олицетворением святой древности и оплотом рода. Густая, белая как снег борода доставала аж до пояса! Когда он заходил в юрту, становилось светлее и теплее, и мы чувствовали сильнейшую мощь, исходящую от этого незаурядного человека.

Когда он степенно шел, легкий ветерок самал играл с его бородой, и мы застывали на месте, замороженные этим величественным зрелищем. Нам он казался святым аруахом — духом предков. Он и был аруахом, духом нашего рода, хотя был обычным человеком, из плоти и крови. До сих пор видится мне Малай ата, шагающий по степи. Я счастливо вздыхаю, чувствуя прилив сил, как в далеком прошлом.

Он был справедливым и мудрым, знал множество легенд и хорошо разбирался в политике, самоотверженно боролся за сохранение нашего рода.

— Какая разница, какого цвета захватчик? Белый или красный, желтый или зеленый — все равно захватчик есть захватчик! — говорил он. — Так вот, придут белые — встречаем в белой юрте, за белым дастарханом. Накормим, напоим, что просят — все отдадим! Да ведь и дураку ясно, не отдашь по доброй воле — заберут насильно, а то и пристрелят, чтобы не скулил. За ними потянутся красные — тоже так поступим. Спросят, с кем вы, киваем — с вами! Скажешь — ах, какой двуличный человек! Только дурак бывает честен с врагом! А для чего буду лгать, вертеться? Чтобы спасти аул от кровавой расправы! Чтобы сохранить род! Хотя в этом роду полно и дураков, которые пошли на поводу у чужаков и по их приказу вырубают свои корни!

Я слушал его раскрыв рот, внимал каждому слову.

— Неужели ты и вправду думаешь, что бородастые вожди-чужаки болеют за наш народ больше, чем свои родные белобородые аксакалы?! Скажи честно, ты веришь в эту власть инородного сброда?!

Слова аксакала задевали за живое, и я решительно качал головой: нет!

— Ты будь честен и предан только Всевышнему и своему народу! А с политиканами и чужими будь осторожнее. Ты не обязан быть честным и искренним с нечестивцами и подлецами! А врагов вообще надо обманывать всегда, если хочешь выжить в такое жестокое время! — учил меня жизни Малай ата.

Откровения аксакала заставляли меня по-новому взглянуть на происходящие глобальные перемены в стране.

— Это не наш путь! И не наша война! Наш народ пошел по чужому пути, принял чужую войну и начал истреблять друг друга! И жить-то стали по чужим законам! Боюсь, что это так просто не пройдет и нас ждет много потрясений!

Время показало правоту мудреца. Чего только не пережили наши аулы, наш народ. У нас не было достаточно оружия, кроме двух старых охотничьих ружей и горстки патронов. Да хоть и вооруженные, что мы могли бы сделать с обученными отрядами Белой и Красной армий?!

Волею судьбы я остался за старшего в семье. Мне было восемнадцать лет, и, как все молодые, я рвался в гущу событий, хотел бороться за справедливый,

новый мир вместе с алашордынцами с оружием в руках. Но надо было исполнить наказ отца — охранять аул, заботиться о матери и сохранить род. В ауле было двенадцать юрт и человек семьдесят, в основном женщины, дети, молодежь и несколько пожилых мужчин. Многие ушли на войну. Груз ответственности заставил быстро возмужать и остепениться. Как мог, придерживал и Салима от опрометчивых поступков. Он был только на год младше, но, чувствуя, что за все отвечает старший брат, вел себя иногда безрассудно. Отчаянный сорвиголова рвался в ряды алашордынского полка. До поры до времени мне удавалось его удерживать дома, но в восемнадцатом году, когда ему исполнилось семнадцать лет, он все-таки ушел в ряды своих единомышленников бороться за свободу и равенство казахов. Вернулся он домой почти через год, на побывку. А через несколько дней нагрянули гости.

Два отряда, красиво, цепочкой, заехали с двух сторон в аул. Шестеро красных и шестеро белых. Красными мы называли советских, а беляками — по привычке всех, кто был против власти рабочих и крестьян.

Встретили мы гостей и с радостью, и с тревогой. Дело в том, что во главе каждого отряда стояли наши родственники. Акимжан и Каримжан — доводились нам троюродными братьями, которых мы давно не видели. Соскучившись, они решили навестить родных в мирном ауле, а заодно и себя показать, а если получится, перетянуть всю родню на свою сторону. Наши деды были родными братьями. В отличие от меня, Бектемирова, носящего имя прапрадеда, они носили фамилию Абжанов и Абишев, так звали их дедов. Но история распорядилась так, что троюродные братья оказались по разную сторону баррикады и стали врагами.

Мне пришлось приложить все свое дипломатическое умение, чтобы усадить воинственно настроенных вооруженных гостей за одним столом. На самое почетное место — торь — претендентов было двое. Мне пришлось усадить их рядом, причем таким образом, чтобы оба заняли центральное место. А бойцы расположились по обе стороны стола возле своих предводителей. Оба новоиспеченных спесивых «генерала» довольно заулыбались, но напряжение сохранялось. Чем меньше начальник, тем выше его гонор. И братья, служившие чужим властям, добившиеся маленьких чинов, находящиеся всегда под давлением вышестоящих начальников, здесь, в ауле, почувствовав себя важными персонами, распрямили спины. Они даже не скрывали этого, чинно показывая всем своим видом превосходство над бедными сородичами.

Мы сидели смирно, не смея шелохнуться. Напряжение было такое, что мне было слышно биение собственного сердца. Был один очень щепетильный

момент, когда подали табак — деревянное блюдо с мясом. Все напряглись еще больше. Вопрос был в том, кому достанется голова барана. По древнему обычаю кочевников, голова подается самому почетному гостю — главе рода, свату, старшему по возрасту. И тот, кто разделяет голову, считается главным по жизни. Но это в мирное время. А как быть с военными, враждующими меж собой, готовыми при первом же подозрительном движении противника открыть пальбу?! Получается, если подам голову красному комиссару, то все решат, что желаю им победы и власти. А если ублажу белых, то автоматически перейду в разряд врагов красных. Лучше дать бы каждому по голове! Но ни в коем случае обычай казахов не позволяет подавать две головы в одном блюде. Вот такой переплет!

Я принял единственно верное решение. Голову барана предложил Акимжану, который был на два года старше Каримжана. Уважение к старшим — неопровержимый закон степи, и никто открыто не смел оспаривать первенство, данное Всевышним. Беляки-казахи посветлели челом, посчитав это за добрый знак, за большее к себе уважение. Красные молча переглянулись, выразив взглядом, что еще видно будет, кто и чью голову будет разделять.

Красные и белые, шестеро на шестеро, при оружии, сидели за столом и ели из одного блюда жирную баранину вперемежку с копченой кониной и запивали все кумысом. Все были одеты в военную форму. С каждой стороны присутствовали трое казахов и трое русских. Два брата — Акимжан и Каримжан, каждый во главе своего отряда, сидели рядом и мирно уплетали копченые казы-карта и свежую баранину.

— Где Салим? Что-то не видно нашего баловня? — вдруг ласково спросил Каримжан.

Вопрос вполне естественный, но я немного замялся. Дело в том, что алашордынец Салим был против всех. Перед приездом красно-белых братьев я его отправил подальше от аула, чтобы вспыльчивый удалец не натворил бед.

— Да он... сами понимаете, молодость — огонь, вихрь... Охотится, наверно, за красной лисицей в степи!

Что меня заставило сказать про лисицу, да и еще красную, сам не понимаю. Сказал бы просто — с девушками встречается, и баста!

— Почему-то все хотят поохотиться на красных! — попытался пошутить Акимжан.

— Да только сами потом покраснеют! — не растерялся с ответом Каримжан.

— Знаем мы ваших! Сколько красных побелело в степи — никому не известно! — резко отрезал Акимжан, и в его голосе прозвучали железные нотки.

Всем было понятно, что они имели в виду. Каримжан намекал на пролитую ими кровь белых, а Акимжан напоминал ему, сколько красных полегло

от пули беляков и окуталось белым саваном или, хуже того, осталось лежать в степи без могилы, и их кости белеют в лунную ночь.

Момент был напряженный, но выручил малый из отряда красных. Видать, он недавно примкнул к ним, потому что был больше похож на аульного увальня, чем на вышколенного рядового Красной Армии.

— Вот, готов! Давайте начнем! — воскликнул он, показывая всем чисто объеденный жилик — среднюю берцовую кость лошади.

Бить жилик — азартное состязание северных казахов. Обычно бьют его кулаком, обмотанным полотенцем, о бок топора, положенного плашмя на землю. Но мастера любят обострить состязание, и бьют голой рукой только по одному разу за круг, причем без тыкыл — предварительного постукивания кости для определения по звуку слабого места. Тогда задача усложняется, и, бывало, кость ходит по кругу целенькой по нескольку раз.

При виде жилика джигиты встрепенулись, расправили плечи и приготовились к состязанию. Увальень-красноармеец положил топор плашмя на землю и пустил кость по кругу. Казахи начали состязание, нанося один за другим точные, выверенные удары по кости. Кость оказалась крепкой, да и джигиты вначале били не во всю силу, боясь повредить руку. И тут, не выдержав, один из беляков-русских тоже вступил в состязание.

— А нам можно? — громко спросил он. — Что-то долго возитесь с костяшкой!

— Конечно! — загалдели красно-белые казахи дружно. На миг все даже забыли, что они враги.

— Давай, Костя, покажи кости! — завопил косоглазый рыжий беляк, уверенный в мощи своего соратника.

Белый обладал богатырским сложением — просто громила! Он засучил рукава, протер ладони, сжал огромный правый кулачище и со всего размаху звезданул по кости. Жилик ударился о бок топора, послышался хруст. Мы подумали — всё, сломал парень жилик. Но в следующий миг он ахнул, заматерился, хватаясь левой рукой за правую. Жилик лежал целенький, а рука громилы была сломана. Видать, не рассчитал точку удара, полагаясь на свою дикую силу. Что поделаешь, перетянули ему руку тряпьем, дали выпить пиалу водки и велели терпеть.

Наконец жилик сломал увальень из аула точным ударом. Красные возликовали, белые пригорюнились. Я быстро включился в разговор, превратив все в шутку, мол, ваша голова, а у них — жилик. Это было справедливо, и казахи одобрительно загудели.

Равновесие было достигнуто, и противники, подняв пиалы, произнесли дружественный тост.

— Выпьем за то, чтобы вы покраснели! — пошутили красные.

Это означало: пусть прольется ваша кровь.

— За то, чтобы вы побелели! — оплатили белые. То есть пусть ваши кости белеют на солнце.

Какие времена, такие и пожелания!

Все захотели и дружно выпили. И я выпил с ними. Выпивка всегда сближала людей, как-то сглаживала шероховатости в отношениях, и для нас напиток наших неожиданных гостей имело прямо-таки жизненно важное значение — в душе мы надеялись, что русские — и красные, и белые — не будут просто так стрелять в тех, с кем выпили.

И в это время случилось то, чего я больше всего боялся. Дверь распахнулась, и вошел Салим.

Он тихо поздоровался с гостями и сел рядом со мной, по-казахски поджав ноги, в позе лотоса. В руках он держал камчу — кнут, казахскую нагайку. Рукоять искусно вырезана из тобылгы — иволги, длина которой была равна локтю хозяина без учета кисти рук. Сам кнут был шестиполосный, то есть сплетён из шести полос выделанной кожи вола, длина которых превышала длину рукояти ровно на один хват ладони. Степные мастера говорили, что при таком размере удар обладателя камчи будет самым оптимальным. К тому же воинственный Салим велел вплести в кончик камчи кусок свинца овальной, как пуля, формы. Он мог одним точным, молниеносным ударом по локтю или коленке заставить врага выть от боли, вылететь из седла и кататься по земле. А то мог и убить одним ударом по виску или по темени, по почке или по печени. Несведущие не знали, какое смертоносное оружие носит с собой наивный с виду аульный балагур.

Держать камчу в руках во время дебатов на суде судей-ораторов, биев считалось нормой, и когда человеку было что сказать, он поднимал камчу или бросал в круг, прося слова. Во время словесных баталий ораторов камча была неизменным атрибутом степной демократии, этикета кочевников. А для Салима была еще и смертельным оружием.

После обмена любезностями между братьями начался разговор, которого я так боялся и избегал как мог. Первым начал Салим. Он говорил резко и отрывисто.

— Скажите мне, — обратился он к братьям. — Вот вы воюете за что?

— Мы хотим восстановить монархию, навести порядок в Российской империи и в степи! — ответил белый Акимжан.

— Мы пришли освободить братьев бедняков от ига баев — богачей и болыс — волостных правителей! — говорил красный Каримжан.

— Вы оба заблуждаетесь! Мы прошли монархию и не хотим обратно в рабство! — отрезал Салим. — И с красными нам не по пути! Потому что власть Советов не дает нам национальной независимости! А цель нашей Алашорды именно свобода нашего народа!

— Бред! Пустая фантазия! — воскликнул возмущенно Акимжан.

— Политическая ситуация не позволит казахам жить отдельно от России! Центр не допустит создания государства Алашорды! — более сдержанно сказал Каримжан.

— А мы просить никого не собираемся! — завелся пуше прежнего Салим. — Мы кровью и потом будем добиваться своей цели!

— А сил у вас хватит? Откуда такая спесь у тебя, братишка? Посмотри по сторонам, оцени ситуацию, взвесь все за и против! Подумай, прежде чем хвататься за оружие! — уже более спокойно сказал Акимжан.

— Вот все беды нашего народа из-за таких, как вы! — не унимался мой юный брат. — Если бы объединились, стали бы единым каменным кулаком — добились бы свободы!

— Ой, нет, братишка айналайын! — Каримжан начал грамотно излагать свою позицию. — Даже в том случае, если вся степь, все казахи объединятся, мы не добьемся независимости военным путем! Единственно верный путь к светлому будущему — путь социализма! И мы, казахская беднота, вместе с русским рабочим классом, в союзе с крестьянством, под предводительством великого вождя всемирного пролетариата Ленина будем бороться за свое счастье!

— Беднота, говоришь? А как быть богатым, знатным казахам? Ты что, хочешь их всех закопать? — возразил Акимжан.

— Кто не с нами — тот против нас! — отрезал Каримжан.

— Вот ваша беда! — махнул своим кнутом Салим. — Это вы разделили наш народ на богатых и бедных и допустили братоубийственную войну! А мы, алашордынцы, за национальное единство и братство всех казахов, независимо от происхождения и состояния!

Разговор начал перерастать в ссору, но тут включился мудрый Малай ата.

— Эй, сабыр, сабыр — спокойствие! — произнес тихо аксакал. — Хорошо, вы встретились в родном ауле! Иначе перебили бы друг друга где-то в степи, а, бауырлар — братья?! И чего бы добились? Может, вы думаете, что совершаете благое дело. Но суть в другом. Империи нужно было разделить нацию, стравить братьев. Вот им на руку идея классового боя! Это не наш путь! Не наш выбор! Нам ее навязали извне, сверху. Навязали насильно, политической хитростью, изощренным коварством и жестокостью. К сожалению, мы вошли в этот адский круговорот и не можем выйти оттуда. Так хотя бы оставьте людей, насколько это возможно, и никогда, ни в коем случае не стреляйте в братьев своих!

Все умолкли в глубокой задумчивости — жестокая правда жизни давила на нас, и в то же время мудрые слова, кажется, дошли до каждого.

Тогда я кипел от негодования. Был недоволен братьями и про себя обвинял их. А теперь... Лежат они рядом, на родовом кладбище аула Булакбасы, что означает Исток родника. Начало жизни и конец жизни. Мирно покоятся на клочке земли буйные братья, которые не смогли ужиться на этом свете из-за идеологических, политических разногласий, привнесенных царскими и коммунистическими колонизаторами. Но я их не осуждаю. Даже не смею этого делать. Сегодня многие псевдоисторики и популисты разных мастей, невежды и однополушарные мыслители, психопаты и истерики с кровавой пеной у рта обсуждают и осуждают прошлое. А если подумать серьезно, особенно сложной и противоречивой была история казахского народа в первой половине двадцатого века, когда все смешалось в кровавой бойне. И моим землякам тогда было от силы тридцать, а то и двадцать с небольшим лет. Ведь зеленые юнцы, а тут такое навалилось на их неокрепшие спины и не вполне созревшие умы. На их месте волей-неволей можно было натворить всякого.

Отец нашего троюродного старшего брата Акимжана был состоятельным человеком. И поддерживал царскую власть. Акимжан воевал на стороне белых и в двадцатом году погиб в бою на родной земле.

Второй троюродный старший брат Каримжан был предан идеям большевиков о равенстве и братстве людей. Он остался круглой сиротой в раннем детстве — родителей разом скосила брюшная эпидемия, точного названия которой никто в ауле толком не знал. Каримжан с детства испытал на своей шкуре все тяготы бедности. Тяжелейшие условия жизни не сломили, а закалили его характер — он вырос жилистым, крепким джигитом со стальными нервами. Стойкость и твердость убеждений, выработанные с детства, острота ума и языка выдвинули его в самые первые ряды революционной власти, которую он встретил с воодушевлением.

К чести Каримжана, он был не слепым фанатиком коммунистических идей и, в отличие от недалеких простаков, вдумчиво подходил к решению того или иного непростого вопроса. Он обосновывал свои действия не только постулатами марксистско-ленинской философии, но и реалиями степной жизни, народной мудростью. Простой народ видел в нем честного и справедливого партийца, достойного представителя Советской власти, устанавливающего новый порядок, и многие ходили к нему за советом и помощью, откровенно говоря о проблемах новой жизни. И Каримжан старался вникать в суть дела и принимал почти всегда верное решение. К сожалению, в двадцать третьем году недобитые классовые враги застрелили его ночью, когда он сидел у окна своего дома и писал доклад. Кровавые реалии того времени не щадили никого.

А в тот день в родном ауле, как оказалось, в день последней нашей встречи, братья спорили до хрипоты, не нашли общего языка и каждый остался при своем мнении. Да, это сейчас понимаем, что разные идеи имеют право на существование, а тогда, в революционное, воинственное время люди, настроенные по-боевому, терпеть не могли инакомыслия. Фанатики были готовы убить или погибнуть за идею.

Но в тот вечер братья мирно разошлись каждый в свою сторону — Каримжан к красным, Акимжан к белым, Салим к алашордынцам, чтобы защищать свои идеи с оружием в руках, а если доведется, убить или погибнуть за нее. А я остался дома, чтобы исполнить завет отца, защищать родной аул, отчий дом и заботиться о матери. И когда три брата ушли в три разные стороны, мое сердце разорвалось на три части, и горькая слеза покатила из глаз.

Однажды, году в двадцатом, я сидел на холме за аулом и присматривал за скотом. Красный закат умиротворял душу. Я любовался им долго, не моргая глядя в мягкий, теплый отблеск огромного солнечного шара, предаваясь сладко-горестным размышлениям о вечности и миге.

Вдруг из-за холма появился конный отряд. Это были беляки, офицеры царской армии. Впереди на высоком белоснежном коне ехал дородный капитан в военном мундире. Офицеры, один статнее другого, окружали его. Солнечный свет играл на их красно-сине-белых мундирах, особенно на золотистых эполетах и орденах, и они сверкали необычайно красиво на фоне ковыльной степи. Скакуны, изрядно измученные от нескончаемых походов, все же смотрелись неплохо. Оружие — винтовки и шашки в добротных ножнах — были изящны и олицетворяли холодное совершенство металла.

Нет слов, красива форма и оружие имперской армии. А как прекрасны господа офицеры-дворяне в парадных мундирах, на боевых конях! Какой благородный облик! Лично у меня рука не поднялась бы стрелять в них!

Говорят, красота спасет мир.

Но эта красота разрушала, уничтожала его.

Сейчас же, на старости лет, думаю, что мир спасет не красота, а доброта! Доброта Создателя, доброта людей! А красота способствует пробуждению в душах людских чувства доброты! Посмотрите, как красиво создан боевой самолет! А ракеты? Как красиво летят они высоко в небе над землей, над океаном! Но они несут смерть! Ну, кажется, немного увлекся, задавая вечные как мир вопросы, чего не следует делать, если хочешь жить спокойно и счастливо. Словооблудие в облачении псевдомудрости угнетает, высасывая из человека жизненные соки. Такое мудрое изречение: «Век живи — век учись!», наверное, как раз про меня! Видать, поэтому я еще не выжил из ума!

Итак, отряд прекрасных воинов красиво вошел в наш аул.

Их было всего шестеро, но для нас они были большой силой. Мы встретили незваных гостей подобному. Но вооруженному отряду беляков не очень-то нужна была наша доброжелательность, и они вели себя хоть и спокойно, но властно, по-хозяйски.

Мы быстренько зарезали жирного барана, приготовили мясо и стали угощать непрошенных грозных гостей чем могли. Малай ата, подмигнув мне, достал из сундука пару бутылей самогона. Под руководством моей матери Батимы женщины нашего рода накрыли богатый дастархан. Горячие баурсаки — оладьи, куймак — блины, каймак — сметана, курт — сушеный творог, айран — ряженка, кумыс — кобылье молоко, масло сливочное, творог, красный и белый — все лучшие казахские угощения оказались на столе. Голодным офицерам особо понравились горячие баурсаки со сметаной, и они, довольные, похвалили наших хозяек. Мы облегченно вздохнули.

Вскоре подали мясо — свежую баранину, и воины, изможденные долгим походом и недоеданием, взялись за дело всерьез. Когда все поели досыта и изрядно выпили, красавец капитан попросил спеть степную песню. Просьба гостя — закон для степняка, а просьба вооруженных гостей тем более. Но среди нас певунов не оказалось, и Малай ата, погладив белую в пояс бороду заскорузлой рукой, затащил старинную песню «Елим-ай!» — «О, страна моя!». Эта песня родилась во времена джунгарских нашествий, в годину великого бедствия «Актабан шубырынды, Алкаколь сулама», всенародной трагедии, когда многие казахи погибли после внезапного нападения полчищ джунгаров, а выжившие вынуждены были спастись бегством. Пел Малай ата, соблюдая ритм, тихим трогательным голосом, четко выговаривая каждое слово. Он пел о жестоком времени, о потерянном счастье и мире, повторяя проникновенно: «Елим-ай, елим-ай!» — «О, страна моя! О, народ мой!».

Русские, кажется, почувствовали трагизм песни. Когда Малай ата закончил песню, они покачали головами, молча переглянулись. И тут неожиданно капитан затащил песню. Он начал тихо, растягивая слова под грустную мелодию. До сих пор помню, эта была песня о родном очаге, о семейном уюте и счастье. Певец постепенно распевался во всю ширь и высоту своего чудного голоса, стараясь донести всю щемящую боль, сокрытую в песне.

Да, прекрасный был голос, хоть и вражеский.

Чужая, но чудная песня тронула нас, да и слова были проникновенными. Я тогда впервые подумал, что русские тоже страдают, тоскуют по родному дому! А то мне казалось, что они всю жизнь бродят по чужбинам с ружьем, уничтожая и унижая местный народ. Но тогда зачем они здесь? Почему рыскают

по нашим степям, сея ужас и смерть? Все-таки они не по своей воле покинули дома. Тогда что двигает ими, кто играет судьбами? Эта мысль отвлекла на миг от застолья, и я очнулся, когда капитан закончил свою песню.

Беляки зааплодировали, выпили за здоровье капитана-певуна, прокричав несколько раз «Гип-гип, ура!». Развеселившийся хмельной капитан вдруг спросил у меня:

— А разве нет в ауле девушек, способных спеть вместе с нами? Или вы, хитрецы, спрятали их всех?!

Отвертеться было невозможно, оставить без ответа — опасно. И мы были вынуждены пригласить Халилю.

Младшая сестра Халилия была красавицей. Когда она заходила в юрту, казалось, вокруг становилось светлее. Юная, цветущая девушка виртуозно играла на домбре и соловьем заливалась, когда пела. Ее голос завораживал слушателей, а одухотворенное лицо очаровывало неземным светом. В моменты вдохновения Халилия играла на домбре пальцами ног.

В тот злополучный день мы пожелали, чтобы Халилия спела песни нашим непрошеным опасным гостям. Подчинились «просьбе» гостей, но, с другой стороны, хотелось показать царским офицерам — их благородию — нашу культуру, мы надеялись, что наши песни тронут их сердца, и они будут благосклонны к нашему роду.

Халилия сыграла несколько кюев — степных симфоний. Офицеры были в восторге. Она спела несколько песен, и в самом конце спела песню-реквием «Темиртас» нашего предка Биржан-сала. До сих пор помню ее голос и лицо, одухотворенное и прекрасное.

Капитан и Халилия начали петь поочередно, как бы соревнуясь; споет наша сестра одну казахскую песню, офицер отвечает ей русской песней.

Лица господ офицеров просветлели, в глазах заиграли добрые искорки. Они хором затащили такие песни, о существовании которых мы и не подозревали. На миг даже забыли о нашем смутном времени, о том, что поющие офицеры — наши враги, готовые в любой момент перестрелять весь аул.

Когда вдохновенная Халилия сыграла на домбре мелодию только что услышанной русской песни, офицеры закричали «браво!» во весь голос и выпили за ее здоровье и талант. Особенно радовался красавец капитан. Я заметил, как он смотрел на Халилию.

Песня — вестник любви. От любви рождается песня, но и песня может пробудить любовь.

Я переглянулся с Малай ата и понял, какую оплошность мы допустили. Надо было прятать свою красавицу от непрошенных вооруженных гостей! Раньше так и делали, а в этот раз что-то нашло на нас. Кажется, мы были наказаны за наше желание похвастаться перед иноземцами!

Отряд внезапно уехал ранним утром, не простившись ни с кем. Они забрали много еды, все, что им нужно было. Забрали они и младшую сестру Халилю!

Аул был в растерянности. Мать рыдала, обняв меня. Я, стиснув зубы, старался успокоить ее.

И тут в аул приехал Салим! Увидев его, я заволновался. Мать зарыдала пуще прежнего. Малай ата вкратце рассказал ему о случившемся. Салим вспыхнул, глаза загорелись гневным огнем. Малай ата не смог нас отговорить от погони, только напутствовал не вступать в бой и решить вопрос переговорами.

— Не берите с собой оружия, это бесполезно! Поговорите по-человечески, пристыдите, если получится! Только совесть и справедливость может помочь вам!

По дороге Салим рассказал, что он приехал в аул, чтобы навестить мать и родных. Там, в алашордынском полку, пока все тихо, и он отпросился у своих командиров. Из рассказа Салима я понял, что дела у алашордынцев тоже не важны. И красные, и белые относились к ним с недоверием, временами даже враждебно. У алашордынцев военной силы было мало, испытывали острую нехватку оружия и боеприпасов. Свою винтовку Салим оставил боевому другу, так как у того вовсе не было ружья.

— Винтовка у меня — во! В бою нескольких беляков уничтожил из нее! Даже офицера-казаха убил! Я закричал на брата:

— Как ты посмел стрелять в своих?!

Салим посмотрел на меня удивленно.

— Он не свой! Он белый офицер!

— Какой белый, какой красный? Он казах, наш брат!

— А по мне, он был враг! У него в руках был револьвер, и он стрелял в меня! И если бы я не убил его, то он убил бы меня! Ты этого хочешь?

На это мне нечего было ответить. Эта философия навязана нам абсолютно чужой властью — царской тиранией и диктатурой пролетариата. Чужой путь, чужая революция привела к тому, что казахи начали уничтожать друг друга.

— Все казахи — братья! — тихо прошептал я сокрушенно. — У нас одна кровь, и это важнее цвета флагов! Не важно, красный или белый, богатый или бедный, какого рода или края, казах для казаха — всегда есть брат!

Воинственный Салим притих и сильно загрустил.

— Казахи редко убивали друг друга даже во времена межродовых стычек. В междоусобицах они в основном применяли соил и старались не бить по голове противника. Удары приходились по коленям, по щиколотке и предплечью. Этого было достаточно, чтобы противник слетал с коня.

Салим был истый казах и не возражал старшему брату. Он всегда неукоснительно соблюдал неписанный нравственный кодекс кочевников.

— Да, понимаю тебя, — смягчил я тон. — Время такое. Брат пошел на брата с оружием. Но нельзя же все валить на время. Нас ведь и так мало, и мы не должны стрелять друг в друга!

— Ты прав, Асанбай! — примирительным тоном произнес Салим. — Но не все зависит от нас!

Я промолчал, осознавая и его правоту.

Салим был феноменальным стрелком от природы: колмерген — верная, меткая рука. Он просто скидывал винтовку или револьвер и, не целясь, попадал в ухо убегающей лисицы. Причем мог стрелять в любую сторону, не глядя, а его пуля, направленная верной рукой, как будто сама находила цель. Он был немного ниже среднего роста, сухой, жилистый и ужасно стремительный. Несмотря на малый рост и легкий вес, обладал недюжинной силой. Его самым выдающимся качеством, после меткости, была, наверное, ловкость. На полном скаку вытворял такие трюки на коне, что им любовались даже враги. Его философия воина была страшной, но прагматичной. Он всегда говорил в духе того кровавого времени, внося свои коррективы. «Кто не с нами, тот против нас. А врага надо уничтожить, иначе он уничтожит тебя. Надо всегда стрелять первым! Война есть война!» Он отлично ориентировался днем по солнцу, а ночью по звездам в степи, был мастером маскировки. «Если заблудился в степи ночью, доверься всегда интуиции и своему коню. Отпусти поводья, дай волю лошади, и она приведет тебя куда нужно. А самая верная звезда Темирказык — Полярная звезда, всегда указывает путь строго на север!» Салим был предан идеям Алашорды и был бескомпромиссным максималистом.

Мы догнали отряд белых через день, утром, на берегу степной реки Силети. Капитан встретил нас довольно дружелюбно.

— Ты прости нас! — сказал он твердо. — Такова жизнь!

Я попытался объяснить ему, что они попрали нашу честь, осквернили законы гостеприимства, перешагнули через наш дастархан. Нигде в мире нет обычая делать гадости людям, принявшим тебя с хлебом-солью. Но белый офицер был невозмутим.

— Послушай! Мы не какой-нибудь сброд, банда. Мы офицеры Белого царя, и взяли от его подданных то, что нам необходимо! — чеканил каждое слово он. — Поэтому, возьми за свою сестру вознаграждение, по-вашему калым, и расстанемся с миром!

Только теперь я понял, что мы по молодости, в состоянии нервного возбуждения опрометчиво пустились в погоню. Думали, что сможем пристыдить их и вернуть сестру. Холодный блеск винтовок и лязг стальных сабель быстро отрезвили меня.

Он положил передо мной револьвер.

— Это, наверное, самый лучший калым в наше смутное время! — сказал он. — Патронов больше дать не могу, сами понимаете, в степи нет арсенала!

Я почувствовал, как кровь ударила в голову, и горло было растерзано капитана. Удерживало только численное превосходство и огнестрельное оружие.

— Значит, вы можете вот так запросто забирать и насилловать наших сестер?

— Нет, не так! Нравится мне твоя сестра, очень нравится. Боюсь, что влюбился в нее! И она меня, кажется, тоже любит!

Это было неожиданное заявление, и я растерялся.

Салим включился вовремя. Он незаметно ткнул меня в бок и стал рассматривать револьвер. При этом он цокал языком и тарашил глаза подобно вождю племени семинолов, обменивающего золото на оружие у бледнолицых. На своем ломаном русском он начал расспрашивать офицера об устройстве револьвера. Тот обрадовался наивности Салима и начал охотно объяснять ему азы обращения с шестизарядным револьвером системы наган — алтыатар и пятизарядной винтовкой — бесатар. Тому этого и нужно было, и Салим, превратившись из грозного мстителя в послушного юнца, внимал каждому слову офицера.

Беляки, напряженно следившие за нами, наконец расслабились и даже начали смеяться наивным вопросам простодушного степняка Салима о возможностях железной трубки — ствола и свинцового кумалака — бараньего помета — пули. Особый интерес вызвал его вопрос о том, сколько врагов можно нанизать на одну пулю и влияет ли на это толщина цели? То есть, кого легче прострелить насквозь — толстяка или худяка, богача или бедняка? Сначала офицеры захохотали, но затем начали жарко спорить. А действительно, скольких можно пристрелить одним выстрелом?!

Все шестеро беляков собрались возле Салима и начали, подтрунивая, объяснять хитрости стрелкового дела. Салим поддакивал им, одно за другим осматривая и примеряя их оружие.

Я попросил капитана дать мне поговорить с сестрой. Иного выхода не было.

Его благородие указал рукой в сторону реки.

Халилия встретила меня среди кустарника на берегу. Я не поверил своим глазам — она изменилась до неузнаваемости. От ее обаяния и следа не осталось.

Она категорически отказалась ехать обратно в аул.

— Оставьте меня с ним или убейте! Как я, опозоренная, могу теперь показаться людям!

Она зарыдала, закрыв лицо руками. Обняв ее, я старался успокоить, говорил искренние братские слова.

И в это время прогремели выстрелы. Я даже не успел сообразить, что к чему, а выстрелы молниеносно следовали друг за другом. Когда наконец-то оглянулся, пятеро беляков лежали на земле. Они были убиты наповал меткими выстрелами верной руки Салима. В обеих руках он держал по револьверу, на-

правленному на капитана. Тот стоял неподвижно ни живой, ни мертвый.

Мы с сестрой подбежали к ним. Салим был страшно бледен, скрипел зубами и сверлил налитыми кровью глазами офицера.

Халилия зарыдала.

— Это не честно! — проговорил капитан.

— А что, по-твоему, честно? — взорвался Салим. — То, что вы пришли в нашу страну, в наш дом с оружием? Вырезали целые роды, насилывали наших женщин, выжигали аулы, честно и справедливо, по-вашему, а? Так отвечай, собака!

— За такие слова мы вызывали на дуэль и стрелялись за свою честь! Но откуда вам, дикарям, понять это? Наверное, у вас нет даже понятия чести?!

Салим резко приставил к голове капитана оба револьвера. Тот умолк, стал еще бледнее, но держался достойно. Я замер в ожидании выстрела. Но тут Халилия с душераздирающим криком бросилась к Салиму.

— Стой! Остановись, брат! Или убей меня вместе с ним!

Мы обомлели от ее слов.

— Что, объятие царского офицера дороже родного очага?! — диким голосом закричал Салим.

— Нет! Но у меня нет выбора! Либо стану его женой, либо...

Салим не дал ей договорить. Он закричал в ярости:

— Заткнись! Как ты смеешь говорить такое! Я не позволю чужеродцу забрать тебя!

Салим с силой оттолкнул ее, и Халилия, отлетев на несколько метров, упала и застыла. Она рыдала, обвиняя землю. Я не выдержал и направился было к ней, чтобы утешить, но слова Салима остановили меня.

— Ну, что же, ваше поганое благородие... Будем стреляться?

Салим злобно посмотрел на офицера и бросил ему револьвер. Тот на лету схватил за рукоятку револьвер твердой рукой.

Салим повернулся и начал отсчитывать шаги. Халилия вскочила и бросилась за ним, слезно умоляя остановиться.

— Зачем проливать кровь? Подставлять себя под пули? Лучше отпусти нас с миром, Салим!

Салим, не оборачиваясь, шагал дальше, продолжая громко считать. Сестра, всхлипывая, упала опять и осталась лежать на земле ничком. Отсчитав тридцать шагов, брат остановился и повернулся к нам. Офицер был уже готов к стрельбе.

— Махни шашкой! — крикнул мне Салим.

Я хотел что-то сказать, попытаться остановить брата, но по его виду понял, что ничего изменить нельзя.

Не по своей воле став секундантом, занял позицию между стрелками. Офицер, судя по стойке и вы-

держке, был хорошим дуэлянтом. А Салим никогда не участвовал в дуэлях.

Противники приготовились.

Я махнул офицерской шашкой.

Прозвучал выстрел.

Один выстрел.

Сначала я посмотрел в сторону брата. Он спокойно стоял на месте, держа револьвер на весу. Повернувшись в другую сторону, увидел капитана, лежащего на ковыльной земле. Когда мы подошли ближе, увидели, что его голова прострелена насквозь.

Халиля лежала неподвижно. Она была без сознания.

Мы наспех уложили тела беляков в кучу и кое-как присыпали их землей. Забрали все оружие — шесть винтовок и семь револьверов с патронами, шашки, кинжалы, все походные предметы, конские сбруи и прочие вещи.

Струмом нам удалось привести в чувства сестренку. Посадили ее на лошадь и тихо двинулись. Она не сопротивлялась, только всю дорогу тихо напевала грустные мелодии.

Вскоре наступила ночь, и мы остановились на ночлег. Перекусив остатками пищи в коржунах — кожаных сумках, мы крепко заснули.

Вдруг ночную тишину прорезал громкий выстрел. Мы вскочили и приготовились к обороне. И тут я еще раз убедился, что Салим настоящий степной волк. Пока я шарился в поисках винтовки, он уже лежал готовый к стрельбе. Но никакого врага не было видно, и мы успокоились немного и стали искать сестру.

Халиля была мертва.

Да, она застрелилась, и до сих пор не нахожу объяснения ее поступку. Почему? Зачем она это сделала? То ли не выдержала ее юная, чистая душа насилия жестокого времени? Или решила смыть позор своей кровью? А может... Этого ответа я боялся. А может, она полюбила этого офицера, врага нашего народа? И не захотела жить без него? Нет, нет, не может быть этого! Она же знала, что он уничтожал и унижал ее соплеменников! Не могла она полюбить его!

Или все же могла?

Весь наш род, вся округа оплакивала юную Халилю. Особенно тяжело переживала это горе наша мать. До сих пор звучит в моих ушах ее плач. Похоронив сестру, еще долгое время не могли прийти в себя. Половину трофейного оружия забрал с собой Салим для своих боевых друзей, а остальным мы вооружили пожилых мужчин и самых старших юнцов.

Это беспокойное время вынуждало Салима участвовать в жестоких и коварных играх, и воинственный, хитроумный брат вступал то в героическую схватку, то в сомнительный союз. Он не мог спокойно сидеть дома недельку-другую. Водоворот собы-

тий неумолимо втягивал его, а он даже не старался избежать столкновений, как, например, я, а, наоборот, сам рвался в гущу кровавых событий. Он был одним из лучших стрелков казахского кавалерийского полка Алашорды. Вольный, гордый потомок кочевников — номадов терпеть не мог чьей бы то ни было власти над собой. Я сильно беспокоился за него и как мог остерегал, а он только усмехался и отвечал:

— Берегите себя, ага — старший брат! А Салим за себя постоит!

Он все реже и реже стал навещать родной очаг и наконец исчез бесследно!

Осенью двадцатого года погиб и Малай ата. Однажды я выехал в степь, чтобы пригнать скот поближе к аулу. Когда вернулся на следующий день, застал сородичей в трауре.

Женщины, рыдая, рассказывали, как все это произошло. Оказывается, отряд беляков нагрянул в аул неожиданно. Малай ата встретил их. Но они были сытыми и изрядно в подпитии, поэтому не приняли приглашения в юрту. Враждебно настроенные, пригрозили старцу и всем женщинам, что за укрывание красных или сочувствие им сожгут аул. Убедившись, что в юртах нет никого из красных, основательно выматерившись, собирались было уехать.

Но тут пьяный есаул, из местных казаков, станичник, гарцуя на коне, поспорил с царским офицером на бутылку водки. Вот, мол, посмотрите на точность и силу удара рубаки-удальца и оцените остроту казачьей шашки. И он велел старику Малаю бежать в степь. Ежели он, есаул, на полном скаку, догнав его, промахнется, то есть с одного раза не рассечет надвое, то оставит старика и аул в покое. А если старец не согласится, то просто разрубит на месте и перебьет всех аульчан. Выхода не было, и семидесятидвухлетний Малай ата побежал, как мог, а есаул с гиком поскакал за ним. Догнав в два счета старца, он рубанул острой шашкой со всего размаха. Но старый кочевник, проведенный в молодости немало боев на коне, в момент удара кувыркнулся по земле. Шашка просвистела по воздуху, и раздосадованный станичник еле развернул разгоряченного коня. Беляки заплодировали белобородому старцу и начали подтрунивать над незадачливым есаулом. Все перевели дух с облегчением. Отряд уже отъезжал, и тут неожиданно для всех взбешенный есаул полоснул шашкой по седой голове Малай ата. Хлынула алая кровь, потекла по белой бороде. Старец упал замертво, не издав ни звука. Беляки осуждающе посмотрели на есаула, а тот, прищипорив коня, дико завизжал и понесся во всю прыть. Женщины с воплем бросились к телу и начали громко оплакивать любимого всеми деда.

Похоронили Малай ата по обычаю наших предков.

Как же нам хотелось отомстить за смерть нашего любимого деда, но не было у нас таких возможностей.

Мы еще некоторое время, пока не завершилась Гражданская война, жили в тех краях.

Однажды я собирал лошадей, коров, овец и коз нашего аула посреди койтасов. Вдруг из-за огромных камней выскочили несколько красноармейцев и направили на меня винтовки.

— Стой! Ни с места!

— Руки вверх!

Я был ошарашен и поднял руки. Моя покорность немного успокоила их.

— Так ты за белых или за красных? Бедняк или богач?

— Какой бедняк? — возразил второй. — Столько скота! Да он куркуль настоящий!

— За тех, за кого и вы! — попытался я выкрутиться.

— Ах ты, курва! Калбит окаянный! Мы должны тебя ликвидировать как классового врага!

И они расхохотались.

— Что вам нужно? Моя кровь или скот? — спросил я, пытаюсь договориться, и указал на тихо удаляющихся животных. Но их интересовало не это.

— Не обижайся — время обязывает! Ну, выбирай сам свою участь!

Старший из них вытащил из кармана брюк медный пятак и предложил:

— Вот, сейчас брошу монетку вверх. Если выпадет орел, значит, ты ни за кого. Но отпустить тебя не можем. Сам понимаешь, время военное. Кто знает, побежишь и приведешь беляков, а? Мы тебя живогоневредимого привяжем к этому камню и оставим. Там пусть судьба решает! Может, подберут сородичи или разорвут волки и шакалы. А если выпадет решка, значит, ты — наш враг! Тогда не обессудь — расстреляем на месте!

Доказывать что-то, тем более спорить, было бесполезно. На душе было спокойно, чувствовал, что пока не пришло мое время. Про себя помолился Всевышнему и призвал на помощь аруахов — духов предков. Старшой демонстративно высоко кинул монетку. Она, красиво сверкнув на солнце, прокрутилась в воздухе и упала на траву. Мы с красноармейцем почти одновременно бросились к ней.

Решка!

Стало страшно.

— Ну вот, сама судьба вынесла приговор! Мы тут ни при чем! Пошли! — сухо произнес старшой.

Они повели меня в центр койтасов — каменных баранов. Я еле переставлял ноги.

Красноармейцы рассказывали пошлые анекдоты и хохотали вовсю. Самоуверенных строителей новой жизни на обломках старого мира и на костях людских ничуть не волновало, что они ведут человека на смерть.

Вдруг краем глаз заметил, что в нашу сторону едут несколько всадников. «Может, наши? Или бе-

ляки?» — промелькнуло в голове. Но в следующий миг понял, что эти тоже красные.

Двое красноармейцев остановились, а двое ответили меня к каменной глыбе и хотели поставить на колени. Но я твердо решил умереть с достоинством, стоя и глядя на своих врагов. Вырвался из их рук, повернулся к ним лицом и поднял голову. Про себя помолился Аллаху, прошептал калима — «Ля иллях аллах, Мухаммед расул аллах!» и стал ждать смерти.

Но умирать не хотелось, ведь жизнь только началась!

Всадники пустились галопом. «Наверное, не хотят упустить такое зрелище!» — подумал я.

Мои палачи переглянулись. Лица их посуровели, и стали они похожи на самых настоящих убийц. Тоненькая надежда на спасение вмиг оборвалась. Красноармейцы злились — стрелять в человека, смотрящего прямо на них, было делом неприятным. Они показывали жестом, мол, отвернись и опустишь на колени. Но я продолжал стоять, смотря им в глаза.

— Готовсь!

Команда прозвучала сухо и жестко. Трое быстро вскинули ружья и начали целиться. Глядя в отверстия нацеленных на меня стволов, я мысленно простился с белым светом.

И тут прозвучала резкая команда:

— Отставить!

Красноармейцы опустили винтовки и вытянулись в струнку.

Напряжение было столь велико, что я чуть не упал на землю и только неимоверной силой воли удержался на ногах.

Отдал приказ всадник, прибывший первым. Он пристально посмотрел на меня и воскликнул:

— Асан! Асан! Ты же Асанбай, сын Аманжола! — Соскочив с коня, он обнял меня. — Ты чё, Асанбай, тамыра не признаешь? Я же сын Майдайкина, Тимофей!

Мы обнялись. Это было спасение.

— Вы что, красноармейцы-комсомольцы? Друзей от врагов не отличаете? Это наш человек! Прошу любить и жаловать! — заявил Майдайкин тоном, не допускающим возражений.

Так неожиданно изменилась моя жизнь. Тимофей Майдайкин, командир Красной Армии, сын тамыра моего отца, не только спас от смерти, но и перетянул на сторону красных. У меня не оставалось иного выхода — волевое решение железного командира и стечение обстоятельств принудили прикнуться к Советской власти.

Майдайкин, со свойственной командиру решимостью, отправил меня на учебу.

— Хватит воевать! Будь реалистом! Настало новое время! И надо дружить с новой властью! — говорил он резко и отрывисто. — Иначе... — Он много-

значительно умолк и после паузы продолжил уже более спокойно: — Никому ни слова о своих мечтаниях и душевных волнениях! Советской власти нужны учителя. Вот, иди, учись и просвещай свой народ о справедливости социализма!

Я искренне поблагодарил его за все.

— Это вашему отцу спасибо! Мы помним добро! — Он улыбнулся на прощание. — Учить детей — дело благородное, тамыр! Запомни это на всю жизнь! Мы еще увидимся и будем вместе строить новую жизнь!

По его рекомендации я прошел краткий курс обучения в области и стал учителем. В то время профессия учителя ценилась очень высоко. Детей благословляли старшие: «Будь учителем!» Для нашего народа учителя были просто необходимы. А еще это было мое призвание. Учить детей грамоте и письму, просвещать свой народ было самым благородным делом того времени.

Потихоньку налаживалась мирная жизнь. Старое забывалось, новое манило вперед. И хотя я не очень-то разделял лозунги Советов, деваться было некуда. В эти относительно спокойные годы люди жили, трудились и растили новое, советское, поколение.

Когда мне исполнилось двадцать пять лет, я женился. Вернее, меня женили. Звали мою жену Халима, она происходила из рода аргын, караул. Наши родители давным-давно, еще когда мне было семь лет, а моя будущая жена еще качалась в колыбели, сговорились, и наша судьба была предрешена! Степной закон был суровым, но мудрым. Родители знали друг друга, знали род, происхождение, и по обоюдному согласию решили кровно породниться. Естественно, нас об этом даже не спросили.

Мой отец Аманжол отдал выкуп за невесту полностью — сорок семь голов скота, как того требует обычай кочевников.

До сих пор вспоминается, как прекрасный сон, наше первое свидание с невестой. Было лето, степь расцвела, и аромат буйных трав и нежных цветов щекотал нос, с каждым вдохом наполняя грудь могучей силой дикой природы, а трель птиц и песни кузнечиков ласкали слух. По обычаю, я с несколькими друзьями посетил аул невесты.

Вечером молодежь аула устроила в нашу честь алтыбакан — качели на шести шестах. Мы с Халимой сели на веревочные качели друг против друга, упершись ногами о веревку посередине, и нас стали раскачивать парень и девушка все сильнее и сильнее, а мы пели песни о любви, о верности, о счастливой жизни. Мы взлетали, как нам казалось, аж до луны и спускались так быстро вниз, что дух захватывало и слегка кружилась голова, то ли от качки, то ли от счастья! Когда совсем стемнело, объявили об игре аксуйек — белая кость! Суть игры была такова: завидела бросает аксуйек — белую кость животного как

можно дальше. И вся молодежь бросается на поиски этой кости. Но все только делают вид, что ищут кость, а на самом деле это лишь повод для уединения влюбленных! Некоторые парочки иногда ищут белую кость до полуночи!

Мы с Халимой тоже долго искали аксуйек — белую кость, и «заблудились» надолго. Это было наше первое свидание...

А через неделю мы поженились. Шел тысяча девятьсот двадцать пятый год.

Мы тихо, мирно жили в городе Степняке.

Линия истребления

В середине двадцатых годов первым секретарем Краевого комитета Коммунистической партии большевиков Казахстана стал Филипп Исаевич Голошкекин. Первый секретарь практически был хозяином республики.

В народе ходили слухи, что он еврей, и его зовут на самом деле Шая Ицкович. И еще шептали друг другу на ухо, что он, Филипп Исаевич Голошкекин — Шая Ицкович, застрелил русского царя Николая Второго.

Никто не знал, что было у него на уме, когда он приехал в Казахстан и с каким напутствием направляли его из ЦК. Но, взяв власть в свои руки, он совершил в Казахстане одно из самых чудовищных политических преступлений, каких не знала еще мировая история.

Сказывает народ, что, приехав в Казахстан, он был крайне удивлен положением дел в республике: в степи паслось много скота, да и народу жилось неплохо. Казалось, что революция и, как итог, разрушения и голод не коснулись этой земли.

Местные политические деятели ему объясняли, что казахи — кочевой народ и испокон веков скот — это их главный источник питания и их транспорт!

Но первый секретарь крайкома думал иначе. Он считал, что в Советской стране нет кочевников, все теперь стали оседлыми людьми! И жить они должны по-советски! А несколько десятков и даже сотен голов скота на один двор — это как-то не по-нашенски, не по-революционному как-то... Тут буржуазией пахнет!

Ему возражали, доказывали, что несколько десятков или сотен голов на один двор — это необходимый прожиточный минимум, а не богатство! Для пропитания, для обмена на товары, для сохранения и прироста поголовья! По степным меркам эти люди считаются бедняками... В лучшем случае середняками!

Но секретарь упорно настаивал на своем. Он говорил, что по советским меркам они буржуа, кулаки, куркули! Вот если бы раскулачить, конфисковать

богатство, а этих... так сказать, бедняков и середняков срочно объединить в колхозы и артели, вот тогда они и станут настоящим классом бедных! А весь их скот собрать в одном колхозе! Представляете, какое это богатство, какой потенциал! Все планы разом перевыполнили бы!

— Но это чревато! — пытались вразумить пришедшего начальника люди. — Чем будет жить народ? Надо учитывать особенности степного бытия, местный уклад жизни! Если казахи останутся без скота, они могут погибнуть от голода!

Крайком удивлялся: как так? Живут же другие народы совершенно без скота, и нормально!

Напрасно убеждали его, что казахи — кочевой народ, потомственные скотоводы. Они вели этот образ жизни тысячелетиями! И резкое изменение условий жизни могут привести к катастрофе.

Тут крайком ударился в другую крайность:

— Советская власть, Коммунистическая партия заботится о казахском народе! Мое убеждение — в Казахстане необходимо провести революцию! Малый Октябрь, так сказать! Усиление классовой борьбы — необходимость социалистического развития! Мы приняли решение провести немедленную конфискацию имущества богатых, а самих их выслать из республики, ускорить коллективизацию! Я написал письмо товарищу Сталину о необходимости проведения второй, малой Октябрьской революции в Казахстане, и товарищ Сталин одобрил, поддержал эту идею! Более того, товарищ Сталин собственноручно подписал, завизировал, что это единственно верное решение! Ясно?! Или вы против такого решения? А-а? Против меня? А может, против Сталина? А-а?

Тут уже многие умолкли. Но оставались герои, которые стояли до конца и активно возражали: речь идет о судьбе всего народа. Как бы перегиба не получилось... не пострадали бы невинные люди!

На что Голошкекин, участвовавший в казни и собственноручно стрелявший в русского царя и его детей, безжалостно ответил:

— А революции без жертв не бывает!.. Конечно, постараемся не допустить перегиба, но слабинку давать тоже не советую! Так что, вперед, начинаем великое дело — Малый Октябрь!

И пошло-поехало! Своих противников, пользуясь поддержкой ЦК, он потихоньку усмирил, а особо непокорных просто уничтожил физически.

До сих пор окутана тайной гибель политического проницательного, молодого, феноменально одаренного и отчаянно смелого патриота казахского народа, самого яростного противника сумасбродной политики Голошкекина Смагула Садвакасова, которого вызвали на работу в Москву, а затем тихо отравили.

В начале тридцатых годов прошла волна репрессий — многих известных и неугодных лиц отправили

в ссылку, посадили в тюрьмы, а часть из них расстреляли по приговору скорого суда.

Таким образом, усилив свою позицию, распоясавшийся Голошкекин приступил к осуществлению кровавого плана — второй социалистической революции в степи под названием Малый Октябрь, практически уничтоживший большую часть казахского народа!

Конфискацию у казахских баев — богатых начали повсеместно, и политическое руководство страны позаботилось, чтобы в этом деле приняли активное участие казахские партийно-советские активисты и неимущий класс.

Самое ужасное, беднота искренне верила в то, что богатые люди — плохие люди, и надо их уничтожать! Это долг каждого. И если их уничтожить полностью, то настанет всеобщее благоденствие.

И бедные люди сели на коней.

Конфискация в двадцать девятом году шла полным ходом, и под нее попадали даже середняки. Баяев всей семьей выслали в Итжеккен — туда, где запрягают собак, в Сибирь. Я присутствовал однажды при раскулачивании крупного бая нашего рода Аксары Акымбет Кереев Кенесбая. О его богатстве ходили легенды. Сказывали, что однажды, когда Кенесбай скакал в степи, ему встретились всадники, перегонявшие табун лошадей в сторону Омска для продажи на базаре.

— Не рановато ли на базар? Там сейчас цены невысокие, ведь лошади еще не набрали нужный жир, — говорит Кенесбай, быстро оценив наметанным глазом кочевника состояние табуна.

Те отвечают:

— Да, но нам позарез нужны деньги!

— Тогда продайте их мне за ту же цену, какую дают сейчас на базаре!

Путники с радостью соглашались, так как до Омска еще несколько сот верст, и, продав коней, они выиграют столько времени. Тогда Кенесбай вытаскивает из-под седла мешок с деньгами и расплачивается тут же, в степи, за четыреста голов лошадей! Подумать только, если у него под седлом столько денег, сколько же их дома, в сундуке?!

Он каждый год раздавал своим сородичам согым — лошадь для забоя на зиму. Весь его аул, можно сказать, работал на него — пас скот, но и жил за счет этого скота. Никто не голодал благодаря ему. И вот пришла пора прощаться. Тяжелая была эта картина! Вооруженные конвоиры никого близко не подпускали к баю и его женам. Испуганные дети молча прятались за подолами матерей. Кенесбая разрешили запрячь коня в телегу-арбу и погрузить домашний скарб — предметы первой необходимости. И это всё! Бай и его домочадцы сели в телегу под присмотром вооруженных конвоиров молча. Все происходило в полной тишине, и от этого становилось еще тяжелее.

Некогда могущественному баю даже не дали слова на прощание сказать. Люди тихо бормотали: кош бол! — прощайте! На что бай отвечал кивком головы. Женщины всхлипывали.

Представитель Советской власти обвел строгим взглядом разношерстную толпу.

— Ну, что? Жалко вам бая? Да он же угнетатель, кровосос! Столько лет сидел на вашем горбу! Все это богатство, весь его скот теперь принадлежит вам. По закону! Так что радоваться надо, братья бедняки, что Советская власть и партия большевиков избавляют вас от таких эксплуататоров трудового народа! Справедливость восторжествовала! Теперь его место в Сибири! Туда ему и дорога! А ну, марш!

Гарцуя на высоком жеребце, представитель власти махнул камчой-кнутом, со свистом рассекая воздух, и телега тронулась в путь. Аул молча провожал в последнее кочевье достопочтенного бая. Лишь телега Кенесбая размеренно скрипела, увозя его и семью в неизвестность.

А затем весь его скот, тысячи голов лошадей и коров, баранов и коз, советские сотрудники угнали неизвестно куда. Сказывали, на мясокомбинат, для нужд страны.

Степь, казалось, опустела. Никто тогда толком не понимал смысла такой политики. Но раскулачивание и высылка баев-богачей не всегда шла гладко. Узункулак — длинное ухо — степной телеграф разносил тревожные вести. Бывали стычки между родовитыми кланами и конфискаторами, погибали люди. Во многих уголках степи вспыхнули восстания.

До нас дошли слухи о том, что наш брат Салим примкнул к восставшим и активно воюет против произвола Советской власти. Это было очень опасно, и мы жили в постоянной тревоге.

После конфискации и ускоренной коллективизации начался сбор продовольственного налога. Такое задание спустили сверху.

— В первую очередь надо выполнить и перевыполнить план по сдаче хлеба, мяса и других продуктов Центру!

И пошло-поехало. На местах старались беспрекословно исполнить установку властей. Печально известный в истории уран — клич того времени: «Асыра сілтеу болмасын, аша туяк калмасын!» — «Не допустить перегиба — не оставить ни одного парнокопытного!» — гремел на всю степь, безжалостно обдирая народ без разбора.

Продналоговцы, предводимые шолак бельсенды — горе-активистами, рыскали, как голодные стаи волков по степи, переворачивая все вверх дном в казахских мирных аулах. Они требовали с каждым разом все больше и больше продуктов, забирая зимние запасы населения до последнего зернышка, до последнего куска мяса! Успокаивали взроптавших: вот, мол, выполним план продовольственного нало-

га, а потом Советская власть будет обеспечивать продуктами всех! Люди наивно верили в это, а тех, кто посмел сопротивляться, арестовывали, затем судили как противников рабоче-крестьянской власти, а иногда просто подвергали всяческим телесным наказаниям.

Шолак бельсенды — горе-активисты были настоящим бичом казахов. Ими управляла железная рука кремлевских диктаторов и краевых комиссаров. А простым людям казалось, что всю эту политику уничтожения народа ведут сами активисты. Но нет, эти безумцы были просто эффективным орудием в руках настоящих вершителей беззакония и геноцида. «Вот, смотрите, мол, сами казахи уничтожают своих классовых врагов, устанавливая новый, справедливый мир! Мы тут ни при чем!»

Люди, попавшие в железные клещи продналоговцев и горе-активистов, рассказывали ужасающие истории. У них изымали буквально все: запасы продовольствия на зиму, забирали даже копченое мясо, сохраненное бережливыми хозяйками про запас. Некоторые закапывали зерно в землю, но ишейки с тонким нюхом находили подпольные хранилища, откапывали и забирали все до последнего зернышка. Да к тому же арестовывали хозяина и отдавали под суд за сокрытие урожая и уклонение от продналога. И бедняга получал лет десять тюрьмы, а то и больше, как саботажник и противник Советской власти.

Очевидцы рассказывали, как осенью тридцать первого года пригнали скот со всей округи в районный центр Казгородок. Предполагалось, что мясо отправят на мясокомбинат, но он был не в состоянии вместить такое большое количество. Тогда навалили туши друг на друга, ожидая транспорта свыше, якобы для отправки в запасники Родины. Горы мяса через несколько дней начали портиться, окутав невыносимой вонью всю округу. Но людям, уже начинающим испытывать трудности от нехватки продовольствия, ни кусочка мяса не давали! Вооруженная охрана отгоняла проголодавшихся людей и собак злыми окриками, порою даже выстрелами! Так все мясо и сгнило!

В результате такой политики в Казахстане зимой тысяча девятьсот тридцать второго года начался жестокий массовый голод. Степь с древнейших времен, насколько помнит история, не переживала такой рукотворной катастрофы.

Были случаи, рассказывали, когда целые семейства спаслись благодаря шкурам животных, оставленным продналоговцами за ненадобностью. Они разрезали сохранившиеся на морозе шкуры, обжигали их и варили долго. Вот тебе и бульон, и мясное блюдо!

Власти не очень охотно, но все-таки начали высылать в голодающую степь продовольственные от-

ряды. Однажды в состав продотряда включили и меня.

Мы вдвоем с товарищем выехали на двух санях, загрузив их продуктами питания, почти неделю объезжали дальние аулы.

Невозможно передать словами то, что мы видели в степи. Прямо на обочине дороги лежало много трупов людей, умерших от голода.

До сих пор стоит перед глазами страшная картина: мертвый человек, лежащий в овраге. Он был уже наполовину присыпан снегом и вмерз в снежный наст. Этот человек, кажется, боролся до конца, и ему до спасения не хватило всего каких-то двух шагов! Он лежал ничком, протянув правую руку вперед. Взгляд широко открытых глаз был направлен туда же. Так он и застыл. Мы посмотрели по направлению его руки и обомлели. В двух шагах лежал мертвый суслик. Человек из последних сил пытался достать его, и ему не хватило сил проползти еще немного! А если бы он съел суслика, может, и дошел бы до города!

Неподалеку мы увидели небольшой аул-зимовку. Приземистые мазанки казались подозрительно холодными — не было видно ни малейшего дымка. Нас охватила тревога, мы подхлестнули коней.

В ауле стояла мертвая тишина, не было видно следов. Пороги домов были покрыты снегом. Мы подумали, что люди ушли в город. Скорее с отчаянием, чем с надеждой мы попытались открыть дверь в первый дом. Она была заперта изнутри! Мы начали стучать, и стучали долго. Никто не откликнулся. Затем начали кричать во весь голос: «Эй, есть кто? Открывайте двери! Мы из района, привезли вам продукты!»

Аул молчал. Преодолев сильнейшую тревогу в душе, решились взломать первую дверь. Мы медленно вошли внутрь. В жуткой тишине было что-то пугающее — мы почувствовали дыхание смерти. В передней никого не было. Во внутренней комнате, в постели лежали трое — женщина и двое детей. Они были мертвы! Я с болью представил себе их живыми. Наверное, в предсмертный час мать обняла своих милых детей и уложила спать: «Постарайтесь уснуть и крепко поспать, а когда проснетесь, придут к нам люди из района с обещанной помощью!»

Мы покинули мертвый аул потрясенными до глубины души. Морозный, чистый воздух немного привел нас в чувство. Сани скользили как по маслу, и тишину нарушал лишь хруст затвердевшего снега, ломающегося под подковами лошадей. Укутавшись в тулупы, ехали молча.

В тишине доехали до следующего аула. Благо, здесь были живые люди, но смотреть на них было страшно. Исхудавшие от голода, они уже потеряли надежду на спасение. Обрадованные нашим появлением, жадно набросились на хлеб. Мы кормили их

малыми порциями. Так удалось спасти несколько семей.

Взбодрившись маленькой удачей, отдохнув денек в ауле, мы оставили часть продуктов им, пообещав забирать людей в город. И направились к самому крайнему поселению нашего района. Прибыли туда в полдень. Аул еще издали напугал нас тишиной. Ни одной живой души не встретилось нам. Осмотрели несколько домов — люди были мертвы. И вдруг послышался какой-то звук! Непонятный, еле уловимый, но звук живого существа! Мы с осторожностью пошли на звук. Наконец дошли до дома, откуда он был слышен более отчетливо — было похоже то ли на мычание коровы, то ли на рычание собаки. С превеликим напряжением открыли дверь и вошли в дом. Было темно, я осторожно отдернул шторы...

То, что мы увидели, не поддается никакому описанию и не вмещается ни в какие рамки человеческого разума! Девочка лет семи, полуголая, вся в грязи и крови, держала двумя руками руку малыша, которую оторвала от трупа! Она сидела боком к нам, рычала и остервенело выгрызала зубами мясо от руки мертвеца. Услышав наши шаги, она резко повернулась к нам лицом. Это было ужасно — все лицо девочки было в крови, глаза горели бешеным огнем! Она оскалила зубы и рычала на нас! Мы не выдержали и бросились бежать! И ускакали из этого места без оглядки!

Не знаю, сколько мчались по снежной степи. Вдруг услышал рыдающий голос и посмотрел по сторонам. Лошади стояли. Товарищ сидел на санях и испуганно смотрел на меня. Только тогда до меня дошло, что рыдаю я сам! Скатившись с саней, упал ничком в снег. Долго не мог остановиться, слезы душили меня, и я бился головой о снег. В тот миг мне хотелось добраться до Сталина и Голошекина, сжечь их живьем и пепел развеять по ветру. Немного придя в себя, повернулся к своему товарищу.

— Почему так случилось? Почему именно с нами?! — кричал я во весь голос. — Как мы, целый народ, позволили им совершить такое чудовищное злодеяние? Как мы, потомки кочевников, не знающих, что такое голод, дали себя истребить вот так запросто?! Очень коварные и хитрые психопаты обманули и обрекли наш народ на гибель. Без огня и меча, без войны уничтожили нас! Как и почему это им удалось?! Ты понимаешь это? Они сделали это умышленно! Они целенаправленно уничтожили казахов, чтобы извести нас как нацию! Чтобы освободить степь и заселить своих!

Товарищ вначале сочувственно слушал, но затем, испугавшись горькой правды, стал прятать глаза.

Мой напарник был лет на восемь младше меня. Обычный наивный казахский парень из аула, студушный бедняк. Иногда с гордостью рассказывал, как участвовал в раскулачивании богатых соро-

дичей. Он буквально молился на Ленина и Сталина, считал, что они не только поставили его на одну ступень с баями, но даже вознесли выше их. Благодаря Советской власти он, бедняк жалшы — наемный батрак, в мгновение ока стал хозяином страны.

Судя по всему, он тоже был потрясен ужасающими картинами голодомора. Но его сочувствие было чисто человеческим. Естественно, когда человек видит гибель другого человека, тем более безвинного, у него проявляется чувство жалости. Самое удивительное — он толком не понимал сути произошедшей общенациональной трагедии!

Отрыдавшись, я успокоился. С тяжелым сердцем повернули обратно в аул, не могли же мы оставить больную девочку среди мертвецов на произвол судьбы. Да толком и не знали, как поступить. Думали, заберем с собой в район, а там определяют куда надо.

С трудом доехали до аула. Кони не хотели идти, все норовили повернуть в сторону, замедляли ход, останавливались. Отхлестав их длинным кнутом, мы заставили все-таки повиноваться нашей воле. Но самим тоже не хотелось ехать туда.

Доехали. Молча, держась рядом, тихо отворили дверь злосчастной мазанки. Нервы были напряжены до предела, мы были готовы к любому повороту событий. Девочка, так напугавшая нас, неподвижно лежала ничком. Мы тихонько окликнули ее, но она не реагировала. Я подошел и кончиком кнута дотронулся до плеча девочки. Она не шевелилась и не подавала признаков жизни. С трудом я перевернул неподвижное тело дровком кнута. Девочка была мертва. Было видно, что она задохнулась от застрявшего в горле куска мяса от ручонки братишки!

Некоторое время мы стояли в оцепенении и шептались: «Ля иляха илла аллах!», затем вышли...

Я представил себе, что отчаявшиеся родители ушли в сторону города в надежде добыть еду, а двоих детей оставили дома. Вскоре обессиленный младшенький умер, а старшая тронулась умом и озверела.

Эта картина иногда преследует меня.

В следующем, тридцать третьем, году Голощекина-кровоавого убрали с руководящего поста республики и забрали в центр. Поговаривали в народе, что его через несколько лет арестовали и перед войной расстреляли. Получил то, что заслужил, изверг, но ведь это слишком малая плата за те злодеяния, которые он совершил.

Спустя годы, десятилетия мы начали осознавать бессмысленную жестокость и масштабы этой общенациональной, общечеловеческой трагедии, созданной руками власть имущих извергов. Одни историки пишут, что погибло более трех миллионов казахов в тот голодный год. Советские источники называли цифру порядка полутора миллиона погибших. Самое ужасное, никто точно не знает, сколько людских костей рассыпано по Великой степи и сколько праха

развезено ветром по белому свету! И до сих пор историки всего мира жонглируют разными цифрами, колеблющимися от двух до трех миллионов! Не десятки, сотни и даже тысячи, а миллионы! Вот такая ужасная считалка человеческих жертв осталась после голодомора — миллион туда, миллион сюда!

После голода я больше не верил этой власти.

Тиранический огонь

Через кровь и слезы мы начали осознавать, что страной правит тиран.

Естественно, никто не мог выступить открыто. Загнав глубоко всю обиду, весь протест, жили покорно и работали усердно под руководством этой власти.

Я преподавал в школе казахский язык и литературу. Учить детей всему доброму, воспитывать будущее поколение — это казалось тогда единственным смыслом жизни. Жена Халима была надежным тылом, трое детей — двое сыновей и дочь — ходили в школу.

Степняк был в то время большим городом, и десятки тысяч людей разных национальностей жили в нем. В голодный год кто дошел до Степняка, выживал.

Народ сказывал, что еще в древности, несколько веков назад, здесь добывали золото, и называли эту местность Мыншукур — Тысяча ям. Сохранившиеся с тех пор монгольские илы впоследствии использовали русские и английские золотодобытчики.

В предвоенные годы люди часто находили золотой песок в речке. Бывало, мальчишки перепрыгивали через речку, видели блестящий песок, собирали в жестянку и сдавали тут же в магазин. Там взвешивали и платили боном. Боны — это были особые деньги, которые давали только за золото, но и отоваривали на них только здесь.

Руководители рапортовали вышестоящим о фантастических достижениях золотодобытчиков. Газеты пестрели материалами об успехах советского производства и сельского хозяйства. Степняк тогда гремел на весь Союз. В 1934 году сюда приезжал Сергей Миронович Киров, второе по значимости лицо Страны Советов после Сталина.

Сказывали, что начальники любили бахвалиться двадцатикилограммовыми трапезиевидными плитками золота. Они предлагали своим работникам сжать с двух сторон ладонями такой слиток и унести. «Если сможешь унести, он твой!» — шутили они. Естественно, никто не смог даже поднять такую тяжелую, скользкую и неудобную для сжимания трапезию!

Успехи были, даже огромные, в экономике. Но это уже не радовало меня, видевшего все ужасы голодомора.

Незаметно пришла пора других ужасных событий — тридцать седьмой год. Люди начали исчезать бесследно. Народ так и назвал это явление ундемес — безмолвие. Живет тихо-мирно хороший человек, работает усердно, строит новую советскую жизнь и кормит семью. И вдруг исчезает, как будто проваливается сквозь землю. Только через некоторое время приползают слухи: оказывается, не совсем нашим человеком он был. Боролся против советского строя, саботировал и шпионил в пользу Америки или Японии! Люди недоумевали, как он мог этим заниматься и как никто ничего не заметил! Самое нелепое в такой ситуации было то, что народ наивно верил всему, что писали в газетах. Газеты были для всех символом правды, и редко кто тогда мог подумать, что они врут! Таким образом, вчерашний друг, товарищ и брат в одно мгновение становился чуждым элементом, ибо его окрестили самым тяжким, проклятым для того времени словом — «враг народа»!

Вначале уничтожали всенародно известных деятелей и потомков родовитых кочевников.

Наш народ был подобен куланам — диким лошадям, попавшим в аран — западню. Теперь охотники поочередно выбирали и вылавливали их, а бедные куланы метались туда-сюда, но не могли уйти никуда.

Объявляли врагами народов и расстреливали тех, кто был против, и тех, кто боролся за Советскую власть и строил новую жизнь. Репрессировали всех алашордынцев. Даже тех, кто был лоялен к новой власти. Мы недоумевали, как это так?

Постепенно прояснялась чудовищная правда. Машина убийства была запущена с конкретной целью — вырезать весь цвет казахского народа! Страшная правда того кровавого времени — почти все передовые деятели-казахи были уничтожены!

Система поглощала все больше и больше людей. Газеты шумели, что в стране развелось много врагов народа и всем советским людям надо быть очень бдительными.

Когда начались массовые аресты невиновных, народ начал сомневаться в правильности такой борьбы и тихо роптать. Но никто не посмел поднять голос. Страх, всепоглощающий, всеподавляющий страх был везде. Опасность быть арестованным висела над каждым человеком. Все понимали, что любого из нас могут ни за что арестовать в любой момент и отправить на Колыму, Магадан, в сибирскую тайгу лет на двадцать пять, или еще хуже, по решению известных органов, быстренько расстрелять.

Самое страшное, каждый город, район, аул, каждая трудовая организация была обязана найти и обезвредить в своих рядах «врагов народа». Если, например, Н-ский район в течение определенного времени не выявил и не выловил оппортунистов, троц-

кистов, националистов, алашордынцев, панислаμισстов, пантюркистов, а также шпионов Японии, Америки или Германии, то считался этот район неблагополучным в политическом смысле, и репрессивная машина заглазывала руководителей этого района и почти весь партийно-советский аппарат. Поэтому все спешили «разоблачать» в своих рядах «врагов народа». Отсюда пошли и массовая слежка, и доносы!

Наш народ в то время как будто проходил перед конвейером, который непрерывно крутился и подавал в раскрытую огромную пасть ненасытной мясорубки все новые и новые жертвы. Мясорубка не знала усталости и остановки, беспощадно и без разбора перемалывала все, что попадалось в ее стальные зубы. И люди всячески старались избежать конвейера, ухитрялись, изворачивались как могли.

Казахи — душевный народ, бауырмал, то есть любящий братьев своих! Мы сохранили свою человечность, несмотря на все жестокие испытания истории. Даже в час смертельной опасности народ не терял чести и достоинства. Рискуя жизнью, порою принося себя в жертву ради братьев своих, люди как могли спасали друг друга. Но были и такие, кому репрессии были на руку. Жестокое, коварное время пробуждало в темных умах самые низменные инстинкты, и те, распутившись, с наслаждением отправляли в кровавую пасть чудовища своих сородичей.

Бытует мнение, что казахи сами подставляли, предавали друг друга, писали доносы наверх, указывая на сородичей, соседей как на «врагов народа». Да, были и такие неутешительные факты, но если серьезно проанализировать ситуацию, то становится ясно: машина смерти работала беспрерывно, требуя все новых жертв! Она перемалывала всё без разбора! И мы должны понимать: главная вина лежит на тех, кто запустил эту чудовищную машину смерти, и на тех, кто подкармливал ее беспрерывным потоком живой плоти. А бедных, простых людей в большинстве случаев заставляли подписывать клевету на другого под страхом смерти или обманом. Методы были изощренные и коварные, так что простому смертному противостоять им было почти невозможно.

Вот посмотрите сами. Вызывается человек на допрос, вначале как свидетель. Опытные следователи разносторонне обрабатывают жертву, пугают и пытаются до такой степени в полутемных подвалах, где стоит непрерывный железный гул и душераздирающие стоны арестованных, что бедняга будет кивать головой и подписывать что угодно. Самый решающий удар: «Вот если ты не подтвердишь, что товарищ такой-то — японский шпион, то он накает на тебя бумажку, что это ты агент германский! Так что выбирай, пока есть возможность: либо — либо! Или ты будешь свидетелем и останешься нашим товари-

щем, или будешь расстрелян как враг народа. Подумай о детях, они будут всю жизнь подвергаться гонениям как дети врага народа».

Обычно для того, чтобы сломать человека, этого было достаточно. А энкаведешники заботились о том, чтобы жертва и свидетель больше никогда не встречались на белом свете! Через некоторое время большинство свидетелей тоже уничтожались, оклеветанные по отработанной схеме. Поэтому тайна метода очернительства и клеветы так и оставалась нераскрытой, и вчерашние добрые соседи всю жизнь ненавидели друг друга, обвиняя в своей ужасной доле. Эту ненависть они передавали своим детям и внукам, и вот это непонимание, разногласие, недоверие, взаимное обвинение продолжают бытовать в народном сознании до сих пор.

Легенда, выдуманная и пущенная в оборот политехнологией того времени, сработала безотказно. Психологически расчет был точен: аульный люд охотно верит всему сказанному и услышанному, тем более когда это слово касается лично его и выходит из уст власть имущих! Удивительное свойство людей — верить охотно любому слову про себя, невзирая на то, кем это сказано, где это сказано, сказано ли вообще. То есть достаточно любому человеку сообщить, вот, мол, такой-то про тебя там-то, тем-то сказал то-то! И всё, никто не будет проверять, правда это или ложь, а будет охотно верить этому. Более того, скажет даже: да, от него ожидали такого предательства, я знал, что он про меня хорошего не скажет! То есть заранее люди не доверяли друг другу, ожидали от каждого любой пакости в любое время! А годы репрессий и гонений еще более разожгли чувство недоверия и подозрительности, особенно страха! И, кажется, что эта подозрительность и страх до сих пор сидят в подсознании людей, временами давая о себе знать, наталкивая на самые безумные поступки! Выбор — или сам проходи, или пропусти товарища. Лучше, если подтолкнешь его, пока не подтолкнули тебя — владел умами и сердцами практически каждого.

Репрессии коснулись всех народов страны. Уничтожали безжалостно и русских коммунистов. Когда арестовали Тимофея Майдайкина, военного комиссара района, мы были потрясены. Темиртас, сын великого певца Биржан-сала, работал на шахте. Он был очень высокого роста и силен физически. Когда садился верхом на лошадь и опускал ноги, носки ног касались земли. Добродушный, доверчивый Темиртас был нетерпим к несправедливости и всегда заступался за обездоленных и обиженных. Особенно народ уважал его за то, что он, не побоявшись, один вступил в схватку с несколькими пришельцами, когда те сильно зарвались и хотели поиздеваться над местными населением. И Темиртас мог один дать отпор нескольким противникам, да так поколотить их,

что тем ничего другого не оставалось, как умерить свой пыл и успокоиться. Но начальству это явно не нравилось, и они втихаря включили его в «черный список» и ждали лишь удобного случая усмирить строптивого.

Он хорошо играл на домбре и неплохо пел песни своего отца. Вся степь знала песню-реквием Биржан-сала. Будучи смертельно больным, певец обращается к сыну Темиртасу с песней, доверяя свои сокровенные мысли о жизни и смерти!

Еще при жизни Темиртас стал легендой, и это благодаря великой песне. Но в годы репрессий Советская власть сурово расправилась с ним: свободолюбивого сына Биржан-сала вместе со всей семьей сослали в Сибирь на долгие годы. После войны, после смерти Сталина и реабилитации репрессированных, уже на старости лет, я встретился с сыном Темиртаса Мухамедкали. Внук Биржан-сала поведал, что сам Темиртас и вся его семья погибли в Сибири, и только ему удалось вернуться живым в родные края.

А одного бедного учителя посадили на десять лет только за то, что он, бедняга, по бедности, посмел сшить себе трусы из красного ситца! И как назло, приезжает в аул оперуполномоченный из области, старый энкаведешник, боевик-большевик родом из Питера, закаленный в жарких схватках с деникинцами и колчаковцами. Матерый комиссар рыскает по степным просторам в поисках «врагов народа». Всё районное руководство на ушах! Ездит он по аулам, на местах проверяет методы борьбы с чуждыми элементами. С ним вооруженный конвой на спецмашинах. Кого надо, скручивают и заталкивают в крытый кузов. Некоторых просто берут на заметку. Принимают в ауле высоких гостей в доме бедолаги учителя. Поели, попили, прошло все хорошо, пора провожать гостей. Перед отъездом комиссар захотел сходить по малой нужде. Всё бы ничего, да тут этот бедолага учитель захотел того же. Вот тут наметанный глаз «охотника за головами» замечает, что нижнее белье у товарища учителя красное! «Ах ты, сукин сын! Попался! Как это так?! Красное знамя великой страны, обогрелое святой кровью рабочих и крестьян, развеивается высоко, на весь мир! И на тебе, надел его на задницу какой-то отщепенец алашордынцев!» Промогласно выматерившись, начинает разбираться — оказывается, верхнее белье у учителя было сшито из белого ситца, а нижнее — из красного! «Да ты сволочь, контра! Значит, белые ближе сердцу, и ты ставишь их выше! А красных ставишь ниже, и в самом позорном, грязном, вонючем месте!» Бедняга оправдывается, что это не специально, а жена-дура сшила из ткани, какую удалось достать. Да и хватило куска только на трусы.

Врезал комиссар по морде оцепеневшему от страха учителю, дал пинка под зад и приказал кон-

вою арестовать его! Дали бедняге десять лет и отправили в Сибирь!

А бедные аульчане в ту же ночь сожгли все нижнее белье красного цвета, потому что красное знамя считалось святыней! Со всех трибун неустанно горлачили партийно-советские пропагандисты, что красный цвет означает кровь народную, что наши знамена обогрены священной кровью рабочих и крестьян, пролитой в борьбе за Советскую власть!

Только кровь у всех красная! И страшно, когда она проливается рекой, независимо от цели!

Сын одного аульчанина, мальчик лет семи, первоклассник, любил рисовать. Однажды он хотел нарисовать портрет вождя, отца всех народов Сталина. Поскольку не мог точно воспроизвести черты лица, он по-мальчишески схитрил: сильно надавливая, обвел карандашом портрет Сталина в мундире, напечатанный в книге, подложив бумагу на обратную сторону книжного листа, то есть скопировал контур. Если бы какой-то бдительный товарищ увидел эту книгу, портрет вождя, обведенного жирными линиями ученического карандаша и накатал бумажку куда следует, то появился бы новый «враг народа» и отца мальчика лет на десять отправили бы в лагеря. К счастью, увидел эту книгу и рисунок мальчишки молодой учитель истории и в страшном испуге принес мне. Вначале я тоже весь похолодел при виде изуродованного портрета вождя, но взял себя в руки и спокойно спросил:

— А кто еще видел эту книгу?

— Никто! — запальчиво ответил честный мальчик.

— А ты понимаешь, что будет со всеми нами, если это увидят там?! — многозначительно указал я пальцем в потолок.

Историк аж задрожал и быстро закивал головой, как конь, гонимый оводом.

— Тогда ты ничего не видел! Не было этого, и всё! Понял?!

Мое спокойствие придало ему сил, и он ответил уже внятно:

— Да, понял! Так и есть!

Вечером я бросил эту злополучную книгу вместе с портретом Сталина в горящую печь и пристально смотрел, как сгорает «вождь и отец всех народов» при полном параде в пламени сухих березовых поленьев. Усатое лицо тирана кривилось и обугливалось, принимая чудовищный вид. Показалось, что он зловеще усмехается мне. Я невольно вздрогнул, по спине пробежали мурашки и облегченно вздохнул только тогда, когда портрет исчез бесследно в огне.

Наконец-то нам открылась истина. Бодан белого царя стали бодан красного царя! Только цвета разные да лозунги поменялись, а суть-то, суть прежняя! Как мы были подданными Российской империи, так ими и остались! Не было у нас национальной независимости — и точка!

Вот сейчас думаю, а что было бы с нашим народом, если все как один восстали бы против царского, а затем советского колониализма? Наверное, все джигиты героически погибли бы в неравном бою лука и стрелы против ружей и пушек?! Так наверняка казахская нация исчезла бы с лица земли совсем. И вот, по прошествии многих лет я понял непростую народную философию выживания и самосохранения: вроде как подчинились, покорно горбились под руководством захватчиков, танцевали под их дудку, но внутренне оставались верными своей вере, духу, культуре и языку. Самое главное, душу не отдали!

И я работал на Советскую власть и компартию. Поддерживал выступающих с высоких трибун с пламенными речами большевистских руководителей, призывавших массы к ударному социалистическому труду, к светлому будущему человечества — коммунизму. А вечерами читал аяты Корана, хадисы пророка, истории мусульманских святых, легенды и сказания предков. Это было нормой моей жизни, и я внутренне гордился этим.

Когти агентуры

Неожиданно пришел и мой черед. В то время черный воронок, двое в черной кожанке и арест нового «врага народа» не было делом особо неожиданным. Многие, в том числе сотрудники партийно-советских органов, на случай ареста держали наготове маленький чемоданчик или сумку с предметами первой необходимости прямо в рабочем кабинете. Шепотом поговаривали в народе, что даже судьи, прокуроры и сами энкаведешники были готовы пересестись из своих кабинетов в каменные казематы. Над всеми людьми того времени без исключения висела, как дамоклов меч, угроза ареста и большого тюремного срока, а то и расстрела по приговору тройки. У меня тоже был такой чемоданчик, и я был готов к любым превратностям судьбы. Но никак не думал, что возьмут меня так не по-людски.

А взяли прямо в классе, во время урока литературы. Ученица восьмого класса читала стихотворение Гёте «Горные вершины», которое переложил на русский язык Лермонтов, а Абай перевел на казахский. Гениальное стихотворение о природе и не менее гениальные переводы поражали фантазию учеников и воодушевляли. Наш поэтический настрой нарушили резко распахнувшиеся двери. Двое сотрудников в кожанке чеканно шагнули в класс. Дети испуганно затихли. Я весь похолодел.

— Учитель Асанбай Аманжолович Бектемиров?!

Старший товарищ в кожанке вопросительно посмотрел на меня.

— Да, — тихо ответил я. Во рту пересохло, язык еле ворочался.

— Что читаем? — иронично спросил человек у учеников.

— Гёте и Лермонтова в переводе Абая! — несмело ответил самый отчаянный ученик.

— Ну вот, ясненько всё даже на первый взгляд! — Он хищно повернулся в мою сторону. — Немца изучаете! А вы случайно не шпионите в пользу Германии?

— Нет, конечно! Это же стихи... поэзия великих поэтов! — ответил я тихо.

— Ладно! Посмотрим! Мы пришли по другому вопросу! — отрезал старший товарищ в кожанке. — Учитель Асанбай Аманжолович Бектемиров, вы арестованы!

Он холодно посмотрел на меня. Перебором чувство страха, я как можно спокойнее сказал своим ученикам, оцепеневшим от ужаса:

— Дети, успокойтесь! Всё это недоразумение, ошибка! Я ни в чем не виноват! Скоро всё выяснится, и мы продолжим уроки поэзии! Не думайте, пожалуйста, ни о чем плохом! До свидания!

— До свидания, агай! Возвращайтесь поскорее! — зашумели дети.

Мне было стыдно перед детьми. Они уважали меня. И вот почтенного учителя уводят из класса как преступника.

Мы вышли из класса и направились к выходу из школы. Ох, каким тяжелым был этот короткий, привычный путь по школьному коридору. Когда за нами закрылась дверь школы, мне показалось, что это навсегда. Черный воронок неприметно стоял в тени деревьев. Только собирались сесть в машину, как из школы выскочила ученица, которая читала стихи, с криком: «Агай! Агай!» Все резко обернулись к ней. Она бежала, размахивая маленькой ручонкой.

— Агай! Вы забыли вашу ручку!

И протянула авторучку.

Я был растерян и машинально протянул руку. Но комиссар грубо оттолкнул меня и резко сказал:

— Она ему больше не нужна! Оставь себе!

Девочка тихо заплакала. Мы сели в машину. И тут вижу, что бежит к нам Халима. Она была на седьмом месяце беременности. Задыхаясь, с трудом переставляя ноги, она почти добежала до машины. Я хотел выйти, но строгий сотрудник удержал меня силой и велел:

— Сидеть! Поехали!

Водитель резко нажал на газ, и машина рванула с места.

Тут я не выдержал и крикнул в полуоткрытое окно:

— Скоро вернусь! Передайте всем! Я не виновен!

Оглянувшись назад, увидел, как Халима и ученица, поддерживая друг друга, рыдают.

После приезда в отделение НКВД меня сразу привели на допрос. Следователь был примерно мое-

го возраста, не азиат. Он объявил, что я, учитель Асанбай Бектемиров, сын Аманжоло, подозреваюсь в агитационной работе против Советской власти.

— Вы поете песню «Тау ишинде» — «Среди гор»? — спросил он.

— Да! Прекрасная песня о любви!

— А вы знаете, кто автор этой песни?

— Нет! — схитрил я.

— Так знайте! Автор — Сакен Сейфуллин, враг народа!

— Но песня-то не про врагов народа! — прикинулся я дурачком. — Ее любят и поют везде!

— То было раньше! А теперь не будут любить и петь эту песню! Просто забудут и песню, и автора! Нет поэта — нет песни! Ты понимаешь, урод несчастный, что этот поэт и его песни являются запрещенными! Заруби себе на носу, что песня, сочиненная врагом народа, тоже вне закона! А поющие эти песни — прихвостни империалистов!

Он перевел дух и посмотрел на меня свирепым взглядом. Я молча выдержал этот взгляд.

— Так ты признаешься, что пел эту песню, зная, что она вражеская?! — закричал он вдруг бешеным голосом.

— Нет! — ответил я, покрываясь холодным потом.

— А я говорю — да! А ты говоришь — нет! Значит, один из нас врет?! А ну, отвечай быстро, кто из нас прав?!

— Я не вру! Мы точно не знали, не считали... что это вражеская песня!

— Значит, вру я?! — Он разозлился пуще прежнего. — Так ты еще смеешь обвинять меня, советского ответственного товарища, сотрудника НКВД, во лжи?

— Я этого не говорил!

— Не говорил, но думаешь так! Ты меня обвиняешь, мразь?!

И совершенно неожиданно он ударил меня по лицу. Искры посыпались из глаз, все вокруг поплыло. Тут он набросился на меня и начал дубасить кулаками, пока я не упал на пол. Не знаю, сколько пролежал в полубессознательном состоянии, пока он не поднял меня двумя руками за воротник, усадил на стул и дал стакан воды.

— Ладно, — сказал он, смягчившись. — Сейчас иди и подумай до завтра. Хорошо подумай! Будешь сговорчив — помогу выбраться из дерьма! А если нет, сгниешь в лагерях!

Было видно, что он твердолобый костолом.

Конвой почти приволок меня в камеру и, закинув через порог, закрыл железную дверь. Я остался лежать на каменном полу, не было сил подняться.

— Соберись, сынок, подними голову! — донесся тихий старческий голос. — Надо жить и бороться, несмотря ни на что!

Человек помог мне подняться, и я лег на нары. Мы познакомились. Я чуть не вскопчил, когда он назвал себя. Это был Жакежан-бий — судья-оратор.

Жакежан-бий, мой сосед по камере, классовый враг, угнетатель казахской бедноты, был очень уважаем в народе. О нем ходили легенды. В шестнадцатом году он отдал своих пятьсот отборных, породистых скакунов царским чиновникам взамен призывников из своей волости, несмотря на их род и происхождение. Таким образом он спас многих казахских парней от неминуемой гибели либо от карточки карательного отряда, либо от железных осколков германской бомбы. После этого авторитет его вознесся до небес, и я лично с трепетом произносил его имя.

Теперь, вот судьба, сижу с ним в одной камере!

Оказалось, во время раскулачивания родственники уговорили Жакежан-бия на побег. Он со своей семьей тихо уехал в Россию, в Омскую область, в глухие районы. А люди пустили слухи, что он откопчал в сторону Китая. Его тщетно искали на той стороне, а он благополучно скрывался в другой республике под другим именем. Но все равно ему не удалось уйти от когтей Советской власти, и вот наконец он оказался здесь.

— Всякая борьба, особенно политическая, требует гибкости ума, большой мудрости и хитрости! — говорил старец. — Кочевники вольной степи, дети небес, братья кочующих облаков и мерцающих звезд, живут честно и открыто. Общаются с людьми с открытой душой, откровенничают о сокровенном со всеми, одним словом, живут и творят дела без хитростей. Сами никого не обманывают и думают, что их тоже не обманут! И вот, пожалуйста, результат такой жизни! А ведь жизнь есть борьба, а борьба есть война, а на войне надо обманывать врага, как только можешь! Если не обманешь врага, то будешь обманут сам! Поэтому, заклинаю тебя, обманывай всех и вся, когда вопрос касается жизни и смерти, национального интереса! Покажи врагу, что ты не враг, а самый преданный друг, а хитрость храни в глубине души! Не надо грудью встречать штыки, бросаться с одной палкой на пулемет или принимать все удары в позу столпа правды. Притворяйся, будь оборотнем, обманывай как хочешь, но ты должен, во-первых, попросту выжить в этой кровавой вакханалии, а во-вторых, бороться хитростью во имя самосохранения своего народа! Никогда, ни при каких обстоятельствах не стреляй в свой народ! Но если этого требуют враги и держат тебя на мушке, то, во имя будущих побед, стреляй даже в родного брата! Вот тебе мой деловой совет — при первом же допросе покайся, говори, что заблуждался под влиянием ветреных идей алашордынцев. Говори правдиво, что ты отрекаешься от всех этих идей независимости, самоопределения наций и, самое главное, настаивай на том, чтобы тебя, молодого дурачка, простили и оказали доверие!

Что ты готов бороться против врагов режима и готов сотрудничать с властями!

— А почему вы сами не поступаете таким образом?! — вырвалось у меня.

— Мне не поверят! Я слишком крупная птица для них, и, скорее всего, меня живым отсюда не выпустят! А ты молодой, тебе еще жить и жить! Даже если не поверят, все равно им нужны молодые национальные кадры, чтобы показать миру, вот, мол, сами казахи борются и искореняют своих националистов, что молодежь степи поддерживает власть Советов, что массы вместе с ними! Поэтому они будут с тобой сотрудничать, естественно, бдительно наблюдая за тобой! А ты постарайся надуть их — покажи себя только с хорошей стороны, а все акты противодействия совершай секретно!

Эти слова были понятны мне. Примерно так учил нас Малай ата, научила сама жизнь.

Я поблагодарил аксакала-старца.

— Спасибо! Я в неоплатном долгу перед вами!

Он глубоко вздохнул и ответил задумчиво:

— Если сказал спасибо от души, считай, что ты меня отблагодарил. Я тоже был должником перед многими людьми — старшими и младшими. Но не смог многим из них отплатить. Но в свою очередь помогал многим другим как мог. И они тоже не смогли мне отплатить той же монетой. Наверное, это закон жизни — долги за добрые дела всегда возвращаются! Не жди платы за добро — на то оно и добро! Дело в том, что добрые дела, как эстафета, передаются от человека к человеку. Когда-то и ты сделаешь кому-нибудь доброе дело! Тогда, считай, что это добро ты сделал и для меня!

Слова мудрого Жакежан-бия придали сил, и я взбодрился, собрался и был готов к борьбе.

На следующий день опять пришли за мной. Я простился с Жакежан-ата и покорно пошел за конвоем.

Меня долго вели по длинному полутемному коридору, постоянно сворачивая из стороны в сторону. Под конец я совсем потерял ориентацию и только машинально переставлял ноги. Наконец меня завели в большую серую комнату.

Конвоир вышел, оставив меня одного. Было жутковато в этом огромном каменном мешке. Скулы болели от побоев, в голове шумело.

Тут стремительно вошел следователь.

— Вы верите в Бога? — неожиданно спросил он. Я промолчал.

— Ну, конечно, верите! Вы все суеверны, сукины сыны! Да ладно, хрен с вами! Ну, где же он, ваш Аллах или по-нашенски Бог?! Покажи мне! Если он есть, то куда же он смотрит? Как он допускает чудовищные несправедливости в этом мире, а?! Значит, нет его, Бога-то! Попросту нету, и все! Или был, да сплыл! Ха-ха-ха!

Дико смеясь и вращая глазищами, налитыми кровью, он начал копать в кипе бумаг. Его слова так бесили, что хотелось вырвать ему глотку. С трудом подавив гнев, я думал с горечью: а ведь действительно, почему Всевышний допускает такие чудовищные преступления? Почему торжествуют безбожники, утопив огромную часть земного шара в крови, растапывая веру и справедливость?!

— Не надо теперь на него оглядываться! — произнес следак уже более спокойным тоном. — Есть материя вечная, и мы, ее продукт, новые хозяева жизни! Мы создатели, творцы нового! Но сначала разрушим до основания весь старый мир и выкинем на свалку! Затем восстановим справедливость, и наступит всеобщая счастливая жизнь! Не ищи Бога, которого вообще нет, в далеких небесах, а находи могущественных друзей здесь, на земле, рядом! Ты как, согласен со мной, а?

Я опять промолчал. Спокойствие — самая лучшая защита.

— Кто не с нами — тот против нас! — опять взорвался он. — А с противниками не цацкаются, в них стреляют! Так что пора выбирать друзей и врагов!

Видать, весь мир делился у него только на черный и белый, а люди делились на своих и чужих. Как большевик, энкаведешник наверняка представлял себе мир только в двух цветах: красный и белый. Других не существовало, он просто не способен был понять, что могут существовать и другие краски, и поэтому был еще страшнее.

Мой мучитель резко подошел ко мне и хлопнул по плечу:

— Да пойми же ты наконец всю серьезность ситуации! — возмущенно воскликнул он. — Отсюда только два выхода: либо ногами вперед, либо с руками назад! Понятно? То есть или с пулей в затылке, или с путевкой лет на двадцать в Сибирь! Это тебя устраивает?!

Я покачал головой:

— Нет, я не заслуживаю, чтобы самая справедливая партия столько возилась со мной.

Он усмехнулся:

— Юмор тут не уместен!

— А какая разница? Раз уж придется помирать, так лучше со смехом, чем со слезами!

— Bravo, bravo, батыр степной! Быть героем хорошо, но твой героизм — глупость! Поэтому подумай над тем, что сейчас скажу! И никому ни гугу! Есть третий, испытанный путь!

Он глотнул холодной воды из граненого стакана и неожиданно предложил:

— А давай врежем по стаканчику! А то жизнь какая-то кислая стала!

Не дожидаясь ответа, он достал из шкафа бутылку с мутной жидкостью и наполнил два граненых стакана.

— Первач! — со вкусом произнес следак, подавая стакан мне.

Появилась маленькая надежда на спасение, а отказ был бы равноценен самоубийству. Я до этого выпивал несколько раз: с красными за погибель беляков, с белыми офицерами — за батюшку-царя! Выпивал вынужденно, потому что, откажись я, полупьяная вооруженная банда могла взбеситься и перестрелять весь аул. Вот я и братался и с красными, и с белыми во имя спасения своего рода и себя.

Я залпом выпил. А он просто опрокинул стакан в рот. Потом с наслаждением закурил, шумно выпуская дым из носа, предложил мне папиросу. Теряясь в догадках, я тихо задымил. Эта папироса оказалась мне спасительной соломинкой.

— Знаешь что, ты мне нравишься! Такой крепкий, простодушный степняк! Как настоящий пролетариат! По наивности своей заблудился чуточку! С кем не бывает, а? Зачем губить такого? Нет, надо перевоспитать, перетянуть на свою сторону — вот где правда! Это будет по-большевистски! Так что давай подумаем вместе, как дальше быть?!

И, пуская колечки дыма прямо мне в лицо, произнес таинственным полусшепотом:

— Будь тайным агентом НКВД! Если будешь сотрудничать с нами, то не будешь знать горя!

Я многого ждал от него, но только не этого! От растерянности чуть не обжегся папиросой и сильно вспотел. Значит, все-таки могу выйти отсюда живым! А это уже стоило многого! Остальное посмотрим!

Но я молчал и сохранял спокойствие.

— Ну, чё молчишь? Думаешь? А что думать-то? Хочешь стойко выдержать все испытания и проявить героизм? Ну, это здесь не пройдет! Раз, два, три — и замри! Навеки! Все, кто выходит отсюда живым и невредимым, дают согласие сотрудничать с нами! Просто так мы никого не выпускаем! То, что они потом говорят, мол, оправдали ввиду доказанной невиновности или выпустили из-за чистосердечного раскаяния — это брехня, лапша на уши наивных масс!

Он прошелся по кабинету, потирая руки, и встал сзади меня. Он дышал мне в затылок, и это нервировало. Так хотелось вскочить и дать ему кулаком по лицу, свернуть шею, разорвать в клочья. Но, стиснув зубы, молча терпел.

— Твой род виновен перед Советской властью! — продолжил он уже другим тоном. — То, что ты и некоторые сородичи преданы властям и честно работаете, может и не перетянуть чашу весов в вашу пользу. Одного Салима достаточно, чтобы вас всех поставить к стенке!

Мои руки и ноги стали ватными. Он вернулся на свое место, довольно глядя на мой страх, а я невероятным усилием воли заставил себя сидеть спокой-

но. Мысли лихорадочно скакали в голове — неужели они поймали Салима? Если да, где же он? Жив или мертв? Но спросить об этом я не мог.

Узункулак, молва народная, доносила, что Салим с горсткой храбрецов присоединился к басмачам и в горячих песках Средней Азии бился с красногвардейцами. В тридцатые годы дошли слухи о том, что Салим примкнул к восставшим против конфискации и коллективизации. После жестокого подавления восстания он будто растворился в хаосе тех лет, вроде скрылся вместе с непокорными мангыстаускими адайцами среди барханов туркменских Каракумов, и узункулак уже редко доносил о нем весточки, овеянные легендой. А после голода тридцать второго вообще прервались все слухи о нем. Мы думали, что он либо умер от голода, либо был убит в бою, либо бежал за кордон — в Афганистан или Иран.

— Про вашего братца легенды ходят в степи, — продолжал следак с ехидством. — Говорят, он дух непокорных кочевников, воскресший ради возмездия безбожникам. Согласно народной молве, является то в облике стрелка и карает кафыров, то есть нас, советских работников. А иногда из глубины степи, в темную ночь, прилетает его пуля, не знающая промаха, и поражает того, кого ненавидит народ, кто заслуживает смерти. В этих сильно преувеличенных рассказах, к сожалению, есть и доля правды — в течение последних лет несколько ответственных советских работников были застрелены. Но от нас никто не уходил и не уйдет! Вот и час возмездия настал! Отвечать-то надо за братца-призрака! Так что выбирай — или пан, или пропал! Либо — либо!

Он сильно ударил кулаком по столу. Это был мой шанс. И я молча, тяжело кивнул ему. Мой мучитель возликовал. Налил еще по полстакана первача и произнес здравицу. Мы выпили, этим как бы скрепляя наш договор о тайном сотрудничестве.

Я твердо решил: открыто спорить, тем более вступать в схватку с этой чудовищной машиной, бессмысленно. Что было бы, встань я в позу героя, как пишут в высокопафосных книгах, и крикнул бы на весь свет: «Нет! Не буду хитрить, поступаться своими принципами! Я честный человек и остаюсь им даже в смертный час! Буду говорить только правду! Лучше погибну в борьбе, стоя с гордо поднятой головой, чем буду жить на коленях, прогибаясь, обманывая всех и себя!» Да просто расстреляли бы, и конец!

Я выбрал путь гибкости и хитрости.

Необходимое отступление

Так повернулась в совсем неожиданную сторону линия моей жизни.

Теперь я думал не только о том, как выжить самому, но и старался по мере сил предостеречь кого надо

и даже предотвратить арест невинных людей, помочь некоторым уйти от карающей машины НКВД.

И так, изучая изворотливые хитросплетения страшного времени, заметил одну особенность работы бывших шолок бельсенды — горе-активистов, а ныне салпанкулаков — доносчиков-сексотов. Оказалось, они потихоньку начинали обрабатывать свои жертвы, вовлекая тех в разговоры сомнительного толка. То есть сами начинали критиковать власти за те или иные шаги, выражали свое возмущение или несогласие какими-то действиями руководителей разного ранга. Провоцировали. Ну, естественно, честный, правдивый человек живо включался в разговор с таким откровенным собеседником и охотно высказывал свою точку зрения по тем или иным вопросам, аргументируя жизненными фактами. Все, салпанкулаку-сексоту достаточно материала для домалак арыз — анонимного доноса, и судьба бедолаги-правдоискателя предрешена. У меня кровь кипела от такой подлости и всегда хотелось вырвать глотку этим оборотням. И еще хотелось протрубить на всю степь: «О мои братья, почему вы такие наивные и доверчивые?! Не верьте провокационным словам, попридерживайте язык!» Поскольку не мог сделать ни того, ни другого, решил помогать своему народу делом, хоть и маленьким, но реальным. Я начал поступать с подлецами так же подло, дабы не дать им вершить свои черные дела — начал доносить на доносчиков. И вот сейчас, находясь на закате жизни, ближе к небесам, не жалею об этом! Конечно, было бы хорошо, если бы всего этого не случилось! Если бы мы могли ангелочками, какими были в младенчестве, прожить всю жизнь, если бы да кабы... Но, как известно, жизнь всегда ставит перед выбором. И еще мы любим быть непримиримыми максималистами, настоящий человек должен быть таким-то и таким-то... Всё это хорошо, но чаще всего моралисты и религиозные проповедники ведут разговор о том, как все должно быть в идеале! Но идеал — не реальность, и мы должны говорить о том, что случилось на самом деле и как человек вел себя в тот момент! Жизнь земная на то и есть земная жизнь, всякое бывает. Всевышний дал людям эту жизнь, чтобы прошли ее до конца через испытания, счастье, страдания, чтобы думали, выражали свои мысли и действовали, созидали и боролись! Естественно, человек не ангел, поэтому принимайте человека каким он есть и постарайтесь понимать его душу во всей красе! А если не хотите, то не спешите судить!

Моя жизнь, моя история — далеко не идеальная, но реальная. И она мне мила такой, какая она есть!

Однажды следак вызвал меня на разговор.

— Ну, давай, обрадуй поскорей! Не то, чувствую, сорвусь! — выпалил он.

Я понимал скрытую угрозу. Если у него произойдет нервный срыв, будет очень плохо. Но решил продолжать играть роль степного простачка.

— Всегда рад обрадовать вас! Приезжайте в гости! Зарежем самого жирного барана... Бешбармак, самогон!

Он расхохотался.

— Сам ты баран, хоть и не жирный! Нажраться всегда успеем. Пусть твой баран еще побегает по лугам, наберет сок разнотравья для нашего всеядного желудка! А сейчас хочу сожрать совсем других! Давай врагов народа!

— Нету их! — вырвалось у меня невольно.

— Как так — нету?

— Кончились они! Их всех переловили, перестреляли!

Он ухмыльнулся.

— Не будь таким идиотом! Во-первых, ты пока еще никого не поймал. Во-вторых, враги народа есть всегда! Это водка может закончиться, а враги народа — никогда!

— Но в нашем районе их больше нет! — стоял я на своем. — Действительно всех посадили давно! А все остальные — законопослушные последователи марксизма-ленинизма-сталинизма!

— Знаешь что, Асанбай, — проговорил следак тихо, — вот, смотри, сообщество людей есть народ. Но когда кто-нибудь особо выделяется среди людей или отдалается от них, то становится врагом народа! Вот таких и надо ловить!

Я понял, что упираться дальше нет смысла, но продолжал хитрить.

— Начинаю понимать вас, — сказал с покорным видом. — Но надо тщательно поискать таких, чтобы не пострадали безвинные, преданные Советской власти, честные граждане!

— Поищи, поищи, — одобрительно буркнул он. — Кто ищет, тот найдет даже иголку в стоге сена! А насчет честных, преданных граждан... Я не верю никому из твоих соплеменников, всем иноземцам! Все они потенциальные враги нашей власти и, будь моя воля, всех держал бы в лагерях! Так было бы всем хорошо! Нам спокойнее, и им безопаснее! Да, ладно, в перспективе так и будет, наверное. А пока займемся конкретными людьми. Через недельку — мне на стол заклётого, хорошо замаскированного врага народа! Если не найдешь — пойдешь сам по статье! У меня как раз одного не хватает для плана!

Я притворился испуганным и робко закивал головой, в которой уже созрела идея, давно вынашиваемая. Оставалось только продумать детали и осуществить. Энкаведешник, ничего не подозревая, остался довольным и, по обыкновению, задымил трубкой.

Он не зря говорил о плане. В народе поговаривали, что каждой области, району сверху дается кон-

кретный план по выявлению народных врагов. Если план не выполняется, значит, товарищи сотрудники плохо работают. Тогда их самих арестуют. Поэтому каждый район стремился выполнять, даже чуточку перевыполнять план в срок. Перевыполнять чуточку — это отправить пару человек сверх плана на эшафот или в лагерь. Не знаю, слухи это или сухая статистика, но такова была действительность того времени. И вот теперь уже я сам должен был выполнить этот чудовищный план любой ценой!

У меня давно был на прицеле известный в прошлом шолак-бельсенды — горе-активист, а ныне салпанкулак — висячее ухо, то есть подслушивающий все доносчик, кляузник. Его ненавидел весь район, но в то же время многие, даже начальники, тихо побаивались. И было от чего. Тот своими доносами и кляузками отправил многих видных людей в лучшем случае в лагерь, а в худшем — на тот свет. Я твердо решил, что пришла пора избавиться от этого чудовища его же методами. Тщательно продумав каждый ход этой тонкой операции, осторожно начал игру. Для начала разослал начальникам районного и областного НКВД несколько домалак арыз — заявлений-анонимок, где было акцентировано внимание на подрывную деятельность салпанкулака. Написал, что он зачастую допускает перегибы в своей работе, дискриминируя тем самым Советскую власть в глазах народа. В бытность активистом превышал свои полномочия и забирал последние запасы продуктов у бедного населения, что привело к массовой гибели степняков.

После некоторых колебаний и глубоких раздумий я также решил, что надо уничтожить и самого следака. Во-первых, его руки уже по локоть в крови безвинных людей, которых он беспощадно ловил и отправлял в ненасытную мясорубку. Он истреблял наш народ с таким рвением, с таким наслаждением, что, глядя на это, у людей волосы стояли дыбом. Он сеял ужас и страх везде на подвластной ему территории. Народ так боялся его, что не смел даже пикнуть, лишь только тихо, про себя проклинал изверга. Да и методы его были изощренными. У меня кипела кровь, и про себя я давно вынес ему смертный приговор, но не мог привести в исполнение. Но мысль зрела, не давая покоя. Надо было избавить нашу землю от такого палача. И, по методу оборотней, я начал накатывать анонимки на него в вышестоящие структуры НКВД.

Конечно, я понимал, что освободиться от этой железной хватки будет нелегко, а может, и невозможно. Но шел на все сознательно, ни о чем не жалел и решил на случай неминуемой гибели отомстить сам за себя авансом. То есть уничтожить побольше врагов, пока это возможно, а когда придет время, уйти со спокойной совестью. Лишь счастливый случай смог бы меня спасти.

И этот случай появился неожиданно.

Как раз в это время сместили и арестовали наркома внутренних дел Ежова. Впоследствии его расстреляли как врага народа. Новым наркомом стал Берия, и прошла очередная чистка в рядах энкаведешников. Это давало возможность привлечь к ответственности приспешников Ежова, коим являлись этот следак энкаведешник и его салпанкулак-сексот.

Наверное, мои анонимки попали в общий поток бурлящих событий, и через некоторое время следака и его сексота арестовали. Потом прошла молва в народе, что их расстреляли по приговору тройки. Туда им и дорога!

Таким образом, избавившись одним хитроумным ходом от двух настоящих врагов, я облегченно вздохнул. Не знаю, как все там произошло, но, кажется, все нити оборвались вместе с расстрелянным следователем.

Больше меня по этому вопросу никто не беспокоил.

Война

Вскоре началась война, и про меня вообще забыли.

Несмотря на свой возраст — мне шел тогда сорок первый год, я, по «дружескому совету» руководства, одним из первых добровольцем отправился на фронт Великой Отечественной войны.

До сих пор помню проводы. Халима сварила мясо, испекла много лепешек. Мы с детьми молча поели. Всем было тягостно. Трое сыновей и две дочери сильно переживали — казалось, что они вмиг повзрослели и понимают все. Мать благословила, тихо прочитала молитву и обняла меня. Глаза ее были полны печали. Я обнял детей и наказал держаться вместе.

У самого порога Халима, вручая котомку, не выдержала и, наверное, впервые за всю жизнь, при всех обняла меня! Еле сдерживая слезы, прошептала:

— Береги себя! Вернись живым! Вернись, наперекор всему! Мы будем ждать и молиться за тебя!

Сердце разрывалось от горя, но другого пути не было — и я отправился на войну.

Помню, как, после скорой переподготовки, шли несколько недель на передовую. Вереница людей со скатками на спине и винтовками на плечах медленно и непрерывно двигалась неизвестно куда. Лишь командиры часто сверяли маршрут по компасу и уточняли дорогу с кем-то по радию. Только через несколько дней стало понятно, что мы сбились с пути и теперь блуждаем по лесистой, незнакомой местности.

Я машинально шагал вместе со всеми, но мысли часто улетали вдаль. Смотрел на солдат и думал: «Вот

идут люди в строю толпой, а ведь у каждого своя жизнь! Идет солдат и несет свою судьбу на спине! Интересно, о чем думает каждый из них?! Никому не дано знать об этом. Воистину, каждый человек — отдельная история, ненаписанная книга! И в одно мгновение жизнь может прерваться! Так и останется непрочитанной эта книга».

Лезут в голову разные мысли, одна страшнее другой. Глядя на строй солдат, вдруг ударило в голову: «Люди — будущие мертвецы! Сегодня живой, а завтра мертв! Вот идут солдаты, такие славные ребята, а ведь они идут, чтобы убивать других и быть убитыми!» И эта жестокая правда войны, от которой не убежать и не спрятаться нигде! «Но все делается ради победы над врагом!» — возражал разум. «Неужели это и есть смысл и суть жизни — побеждать, уничтожая других?!» — задает риторический вопрос внутренний голос. От этого спора, от этих голосов голова разламывается и идет кругом. В отчаянии хочется просто стрелять, стрелять куда попало до последнего патрона или пойти навстречу вражеской пуле.

На войне страшно тогда, когда в первый раз вступаешь в бой. Затем так же страшно бывает, когда возвращаешься после ранения из госпиталя на фронт. А в остальное время привыкаешь ко всему и просто воюешь. Никто не думает, что выйдет из этой кровавой мясорубки живым. Бывало, пули свистят над головой, снаряды рвутся рядом, а ты обедаешь. Нельзя медлить — пища остынет!

Когда попал в первый раз под обстрел немецкой артиллерии, стоял на посту. По уставу, часовому нельзя самовольно покинуть пост. Но ведь можно же прилечь, чтобы защититься от взрывов. А я стоял как вкопанный! Снаряды пролетали со свистом или взрывались где-то рядом. Вдруг грохнуло совсем рядом, и на меня упало что-то тяжелое. Успел подумать: всё, конец! Нет, смотрю, живой еще, но не могу шевельнуться. Оказывается, завалило землей по горло, и я так и застыл в положении «смирно!» на своем посту. Вскоре откопали свои. Смотрю — ни единой царапинки! Командир похвалил даже: «Молодец! Не покинул пост!» А я-то просто остолбенел от страха!

Пережитый ужас пошел на пользу, я начал привыкать к войне. Хотя привыкнуть к этому нельзя. Но деваться-то некуда — в тебя стреляют, и ты стреляешь. Естественно, не очень-то приятно, когда по тебе стреляют, и пули свистят у виска, иногда звякнув по каске. Когда фашисты ведут интенсивный огонь, не давая опомниться и поднять голову, то прилипаешь к мерзлой земле со всей силой, и она кажется тебе такой теплой, мягкой. И хочется войти в эту землю, слиться с нею в единое целое и навеки избавиться от этих мучений, сотворенных самими людьми.

Я видел, как утром тяжелые грузовые машины, заполненные молодыми солдатами, уезжали вперед.

И видел, как вечером возвращались эти грузовики обратно. Они были загружены трупами солдат, и кровь стекала из кузова на землю, на колеса. А колеса крутились и смешивали людскую кровь с дорожной грязью, и это кровавое месиво выбрасывалось на несколько метров вокруг, когда машина буксовала от натуги. От ужаса чуть не терял сознание. Конечно, никто не хотел умирать, но и никто, наверное, думать не мог, что вернется домой живым из этого ада.

Не могу забыть самую первую смерть, которую видел на этой войне. Немцы наступали. Мы залегли в траншеях и отстреливались. Рядом лежал Саша, совсем молодой русский парень, и стрелял из винтовки. «Во, попал!» — вдруг воскликнул он радостно. Кажется, его пуля сразила фашиста. И тут же, дико вскрикнув от боли, юный солдат перевернулся на бок. Я бросился к нему, поднял его голову. Он смотрел на меня широко раскрытыми синими глазами и шептал: «Асанбай... Асанбай!» Кровь текла ручейком, автоматная очередь полоснула его по груди. Держа его голову на руках, я неотрывно смотрел ему в глаза и растерянно бормотал: «Саш! Сашенька!» Он вздрогнул и помер! После боя похоронили, как могли. Его голос до сих пор иногда звучит в ушах. Что хотел сказать этим юнец, который не хотел умирать, не верил в свою смерть?

А потом было столько смертей — массовых, героических, ужасных, нелепых! Оказывается, и к смерти привыкает человек! Бывало, в жаркие моменты схватки, когда, стреляя на ходу, шли в атаку, или во время безумного рукопашного боя мы ходили по трупам, как по чужим, так и по своим. Только потом замечали, что были по колено в человеческой крови. Озверевшие солдаты в тот момент, наверное, готовы были уничтожить все живое.

В самом начале войны мы отступали вглубь страны. У немцев было лучшее оружие, отменная техника. Нам казалось, что это конец, но все-таки была маленькая надежда, что в конце концов победим. Должны победить! И ради этой победы простые советские солдаты и офицеры проявляли чудеса храбрости и совершали фантастические подвиги.

Отчаянные ребята спасали боевых друзей, жертвуя собой. Точно не помню, сколько раз спасали меня и скольких спас я сам!

А как мерзли в морозную зиму, в заснеженных окопах! Вот сейчас, сидя у теплой печи, думаю, как мы вообще выдержали все это! Бывало, трясешься от холода, ждешь горячую пищу как мечту всей жизни, а тут как начнется вражеский артобстрел! И без того тошно, а тут еще по тебе бьют снарядами! А попадет снаряд в солдатскую кухню — и прощай, горячий суп, сытная каша! Что делаешь, терпели!

Когда наступил перелом в той войне и Советская Армия начала побеждать, мы воспряли духом. Каза-

лось, теперь и смерть бежит от нас. Нет, никуда она не убежала. Она была всегда рядом и брала свое.

Однажды, в период затишья, ко мне в траншею подошел особист-майор. Я внутренне сразу настроился, но быстро успокоился, ибо он имел обыкновение общаться с солдатами. Почти все с ним разговаривали с легким напрягом и явно недолюбливали. Но никто не смел об этом открыто говорить и все слушались его, поэтому майор считал себя нашим авторитетным надзирателем. Вначале он никого не обвинял в предательстве и шпионаже и никого не арестовывал. Но это продолжалось до поры до времени, и, когда сверху пришла команда ужесточить борьбу с замаскированными вражескими шпионами и ненадежными элементами, он крепко взялся за свою работу. Уже несколько солдат и офицеров отправили в штрафбат, а некоторых, по слухам, даже приговорили к расстрелу. Вот такая была мрачная надбавка в этой и без того ужасной войне.

И вот этот самый майор ненавязчиво начал разговаривать со мной о том о сем, предложил папиросу. Покурили, и тут только я заметил его повышенный интерес. Стало как-то не по себе, но на помощь пришла моя степная выдержка. Я коротко, четко отвечал на его вопросы и старался сделать вид, что внимательно его слушаю. А сердце колотилось все быстрее. Боялся больше всего, что особисты пронюхали что-то о Салиме. Тогда нет мне спасения! Я твердо решил не сдаваться, а биться насмерть с ищейками. Благо, боевое оружие — автомат и гранаты были рядом.

Но майор спокойно предложил прогуляться. Пришлось беспрекословно подчиниться ему. Только хотел взять автомат, но он жестом показал — оставь!

Мы отошли подальше от линии фронта. Остановились возле разбитого грузовика, и тут майор взялся за меня всерьез. В его голосе появились металлические нотки.

Оказывается, ему донесли, что я в разговоре с однополчанами высказал мысль о бессмысленности войны. Как-то не выдержал и высказал все, что думаю об этом.

— Как могут люди убивать людей и в таком количестве?! — спрашивал я после особенно жестокого боя, переживая за погибших боевых товарищей.

— Чё ты несешь? По-твоему, немцы тоже люди? — возражали мне.

— А кто же они? — не унимался я.

— Они нелюди! Они фашисты! И наше правое дело — уничтожать их как можно больше! — втолковывали мне.

— Мы так думаем! Они тоже так думают! И что же, удел человечества — беспощадно уничтожать друг друга?! — Я никак не мог понять такой жестокости.

— Да прекрати этот вздор! Наверное, ты тронул-ся умом при взрыве!

Сослуживцы так пытались заткнуть мне рот, что пришлось замолкнуть. Но в голову все равно лезли всякие мысли.

Вот Сталин сидит в Кремле и вершит судьбу человечества. Гитлер в рейхстаге, в своем бункере мечет гром и молнии. Черчилль, укутавшись сизым дымом своей сигары, выдувает ежедневно несколько бутылок выдержанного дорогого коньяка и строит хитроумные планы в пользу Англии. За океаном Франклин Рузвельт вынашивает мысль о мировом господстве. А Асамбай Бектемиров, сын простолюдина Аманжолы, жметесь на дне сырого окопа, прячась от града пуль немецких автоматчиков, и, улучив момент, уничтожает их по одному из простой армейской винтовки. Так во имя чего, ради кого стреляем мы друг в друга, простые люди-солдаты советской и немецкой армий?!

Пока я мучился и сомневался, кто-то все-таки донес. Майор начал анализировать мои слова, и слово за слово нашел в них призыв побрататься с немцами.

— Вы ведете разговоры якобы о гуманизме, а на самом деле пытаетесь разлагать советских солдат идейно, расшатать их веру в нашу правоту! Это равноценно подрывной, провокационной идеологической работе!

— Нет! — вскрикнул я не то от страха, не то от несправедливого обвинения. — Я никогда не сомневался в правоте нашей войны! Знаю, что фашисты напали на нашу страну, вторглись на наши территории, что они захватчики! И воевать против них, защищать свою родину — долг и святое дело каждого гражданина Советского Союза!

— Не знаю, не знаю! — усмехнулся особист. — Вот такие слова надо говорить в окопах, а не хныкать! Ну, посмотрим, что скажут там!

Он многозначительно показал пальцем в небо. Выдержал паузу, сверля меня ледяным взглядом, и продолжил.

Второе обвинение было еще серьезнее. Как-то, опять же после того, как мы понесли большие потери, я раскритиковал наших военачальников, заставляющих солдат бежать в атаку во весь рост большой толпой среди бела дня с криком «Ура!», с винтовкой наперевес по заснеженному полю на хорошо укрепленную вражескую оборону! Бьют из пулеметов и автоматов засевающие в бетонированных дотах и дзотах фашисты, и гибнет немыслимое количество наших солдат! — говорил я, раздосадованный такой тактикой наших военачальников, любой ценой стремящихся взять высоту, безжалостно жертвуя своими подчиненными. И эти мои мысли, оказывается, тоже дошли до Особого отдела.

— Ты чё, твою мать, шкура продажная! Ты против советской военной тактики выступаешь, а? — за-

орал неожиданно майор, да так, что птицы, сидящие на обгоревшем грузовике, от испуга взлетели. — Сколько раз русский солдат с криком «Ура!» героически бросался грудью на град огня любого противника и побеждал! И вот теперь какой-то болван деревенский подвергает это сомнению!

— Нет, я не против героизма наших солдат! — решительно возразил я, понимая, что все это для меня, скорее всего, плохо кончится. — А против неоправданно многочисленных потерь!

— Если солдат погибает смертью храбрых за свою Родину, это и есть высший смысл освободительной войны!

— Но еще лучше, если он возвращается домой с победой! — не отступал я, незаметно погладив рукоятку ножа.

Я был готов убить майора и скрыться в лесу. Но особист как будто прочитал мою мысль. Неожиданно он вытащил наган и приставил к моей голове.

— Ты арестован, изменник Родины! Руки вверх! Пойдешь под трибунал!

Это был конец. В лучшем случае меня ждал штрафбат, а могли просто расстрелять на месте как изменника Родины.

Я покорно поднял руки. Но все равно пытался придумать, как выбить из рук майора наган.

И тут прогремел взрыв. В глазах потемнело, и я упал. Через некоторое время пришел в себя. Голова кружилась, текла кровь, я понял, что ранен в голову. Перевязав туго бинтом рану, осмотрелся. Майор лежал, разорванный в клочья, — смотреть на его изуродованный труп было страшно.

Тут подбежали санитары, и меня быстро отправили в санчасть. Оттуда — в госпиталь. Оказалось, снаряд разорвался прямо за спиной майора. А я стоял лицом к нему, и он оказался живым щитом между мной и снарядом. Он хотел меня уничтожить, а получилось так, что спас от неминуемой гибели! Чудо, только чудо! Осколок снаряда попал мне в правый висок, прямо в височную кость и застрял там намертво. Целую неделю врачи не могли его удалить и оставили там. Самое главное, оставили в покое меня самого, так как все подозрения и обвинения ушли в небытие вместе с разорванным немецким снарядом особистом.

Успокоившись, я тихо поблагодарил Всевышнего и прочитал молитву духам моих святых предков: Марап ишана и Салык муллы.

Неделю провалялся я в военном госпитале. Боли в голове постепенно начали утихать, я наконец выспался, отдохнул. После окопной сырости больничная койка казалась райским местом, а горячая пища доставляла такое удовольствие, что хотелось лежать и лопать здесь до конца войны. Написал несколько писем домой, читал газеты, слушал радио. Но рана давала о себе знать, голова то и дело раскалывалась

от нестерпимой боли. Врачи давали лекарства, делали уколы, и я успокаивался. Но удалить осколок не смогли, поскольку застрял он слишком глубоко в кости, а заниматься основательно мной было некогда — слишком много поступало раненых с линии фронта.

Наконец меня выписали и отправили опять на передовую. Только дошел до линии фронта, как голова снова разболелась нестерпимо. Что же делать, санитары ничем не могли помочь — мучила меня железяка, застрявшая в височной кости. Посоветовавшись, они вернули меня обратно в госпиталь.

В госпитале военные врачи все же решили отправить меня на лечение в тыл. После обеда я должен был получить все необходимые документы и уехать. Во время обеда по радио прозвучал голос Левитана, зачитавшего приказ Сталина отправлять на передовую всех раненых, способных стоять на ногах и стрелять. Вот так-то! Бедная моя голова опять покатила по полю бранному. Через несколько дней почувствовал невыносимый зуд в области виска. Почесал пальцем, протер кулаком — не унимается. Тут подали обед. Я нагнулся к миске, черпая ложкой кашу, и вдруг что-то со звоном упало в нее. Смотрю, осколок немецкого снаряда в миске! Длинной около сантиметра, тоненький, такой безобидный с виду железный красавец из стали высшего качества, способный убить человека или причинить столько боли, теперь лежит совершенно спокойно в моей каше! Скорее всего, организм не принимал, отторгал чужеродное тело, боролся с ним долго, и наконец кровавый гной вытолкнул его! Легко стало в голове, и захотелось опять жить! Ну, а осколки в сердце остались, и от них не избавиться. Это на всю жизнь! Каково было мне воевать и бросаться на вражеские танки и пулеметы за власть Советов и за Сталина? Я ненавидел Сталина, но еще больше ненавидел Гитлера! И вот сгорала моя бедная душа меж двух огней.

...Помню, шли мы с одним товарищем по лесу. Здесь было тихо и вроде безопасно — линия фронта проходила чуть дальше. Мы направлялись в штаб. Вдруг я споткнулся и чуть не упал. Раздосадованный, нагнулся посмотреть и нашел виновника. Оказывается, когда-то снарядом срезало могучую сосну, но один сук, наполовину сломанный, но не оторванный от корней, который рос ближе к основе дерева, лежал на траве. Видно было, что по нему проезжала тяжелая машина — сук был буквально вдавлен мощными колесами в землю, но не сломан. Просто покryлся местами землей и, как-то удивительно извернувшись, продолжал расти и стремиться к солнцу! А место слома уже срослось, и сук питался от корней. «Через несколько лет будет большим деревом!» — подумал я. Меня удивило это чудо природы, я задумался на миг, стараясь найти в нем скрытый

смысл. Спустя некоторое время, поднял голову, осмотрелся — стояла благодатная лесная тишина. Листья тихо шелестели, птички пели — будто и не было войны. Окликнул товарища, но он не ответил. Пока я замешкался, он ушел вперед. Но теперь его было не видно и не слышно. Хотя он не мог уйти слишком далеко, и я, забеспокоившись, побежал вперед, окликая его. Но лес молчал.

Исчез товарищ бесследно. В штабе всполошились, подняли тревогу, искали повсюду, но не нашли. А утром разведчики доложили, что вчера немецкая разведгруппа перешла линию фронта и прошла в наш тыл. Они наверняка взяли языка. И вполне вероятно, что их жертвой стал наш пропавший товарищ. Если так, получается, что сломанный, но не оторванный от своих корней сук случайно спас мне жизнь!

Как-то мы возвращались из разведки. Взяли языка, шли всю ночь. Изможденные, под утро дошли до какого-то полуразрушенного здания и завалились спать. Приснился сон. Во сне мать угощала меня свежесдобленным, ароматным хлебом. Я откусил хлеб и жевал, жевал с наслаждением, а мать так нежно смотрела на меня и гладила по голове. И тут проснулся. Светало. «Предутренний сон — вещий сон!» — вспомнил слова умудренных жизненным опытом аксакалов. — «И еще помните, сон сбудется не таким, каким его видели, а таким, каким его истолковываете! Поэтому сон не надо рассказывать никому, особенно недоброжелательным людям. Лучше самому истолковать все к лучшему». Я тихо помолился Аллаху и подумал, что, наверное, мне суждено вернуться живым домой и отвечат хлеб-соль своей матери. Тихая, светлая радость согрела душу, но в то же время одолевала и смутная тревога. «Вот если вернусь живым на родину, увижу родных и близких, съем вместе с ними кусочек хлеба и сразу же умру, то буду счастлив и благодарен судьбе!» — подумал я.

Но вдруг какой-то шум привлек наше внимание. Мы, семеро разведчиков, прижались к земле и осмотрелись. И заметили группу немецких солдат, идущих по оврагу. Их было человек пятьдесят — вооруженные автоматами и пулеметами, они шли в обход наших флангов. Сразу догадались, что идут они в наш тыл. Наш командир Иван быстро принял решение и приказал атаковать немедленно, рассчитывая на внезапность. Мы заняли позиции, поджидая, и когда они поравнялись с нами, открыли огонь со всех автоматов — своих и трофейных — и забросали гранатами. Фашисты не успели оказать сопротивления, внезапный прицельный огонь вмиг многих сразил наповал. Лишь несколько врагов успели открыть ответный огонь, но они не видели нас и стреляли наугад. Постепенно мы перебили всех, а двух раненых взяли в плен.

В штабе были очень довольны нашим поступком, назвав его героическим. Оказывается, перебив отряд, сорвали какую-то секретную операцию. И нас всех представили к награде, а Ивана и меня — к званию Героя Советского Союза!

Но затем началась такая заваруха, и все смешалось в кровавой бойне. И не до наград было. Кто знает, может, сгорели наши бумаги вместе со штабом и командирами. После войны мои дети обратились в военкомат, но документа так и не было найдено.

За три года на передовой я многое повидал. Героизм одних и подлость других, смекалку солдата и самодурство командиров. Были случаи, когда солдаты прикрывали телом и жертвовали собой ради спасения уважаемого, человеческого командира. А иногда, бывало, чего греха таить, озлобленные самодурством и издевательствами командира солдаты, идя в атаку, стреляли в спину такого горе-командира, а затем сами погибали с криком «За Родину!».

Еще я видел, как солдат, у которого оторвало взрывом половину туловища, из последних сил и истекая кровью, бросался со связкой гранат под немецкий танк.

Больше всего поражал патриотизм советских солдат. Представители разных национальностей, в том числе и казахи, как единое целое стояли на смерть и с криком «Ура!» шли в атаку. Это было поколение, в основном родившееся уже при Советской власти и воспитанное в духе большевизма. Они не видели того, что пережили мы, они не знали того, что знали мы. Самое главное, они свято верили в идеи социализма и интернационализма. Их подвиг заслуживает высокого уважения. И я, забывая свою душевную боль, рука об руку с ними шел в атаку и отчаянно дрался с фашистами. Иногда задавал себе вопрос: «Так кто ты, Асанбай Бектемиров, сын Аманжолы? Ура-патриот Советов или националист-казах, болеющий за судьбу своего народа?! А может, просто солдат, воюющий за справедливость?» Ответа не было, и, глубоко вздохнув, я подчинился своей судьбе. А судьба всегда загадка.

...Расскажу еще несколько военных историй. Как-то мы сидели в лесу и обедали. Кругом стояла тишина, только тихо шелестели листья, умиротворяя душу. Вдруг один из наших товарищей медленно завалился на бок. Мы удивленно посмотрели на него, а он был уже мертв. Не было слышно ни выстрела, ни взрыва. Выяснилось, что ему прямо в темя упала, да-да, именно упала с неба планирующая бродячая пуля крупнокалиберного пулемета, выпущенная с борта самолета где-то там, вдали. И надо же, судьба какая — закаленный в жарких боях настоящий солдат, прошагавший два года сквозь огонь бомбежек, который бесстрашно бросался на вражеские траншеи под шквальным ог-

нем, нашел свою смерть в тихом лесу, во время мирного обеда.

Однажды напали на нашу пехоту немецкие штурмовики. Они расстреливали наши позиции из крупнокалиберных пулеметов. Мы спрятались в укрытиях и наблюдали за ними, свободно летающими над нами. И тут случилось невероятное. Как-то один офицер, возвращаясь из штаба, оказался в открытом поле и попал под воздушный обстрел вражеского самолета. Являясь прекрасной мишенью, он, петляя, старался добежать до леса, чтобы укрыться за деревьями. А немецкий летчик, видно, хотел поиздеваться над ним, а может, у него кончились патроны — не знаю. Самолет почти настиг беглеца, как выяснилось потом, капитана, и, казалось, вот-вот протаранит его. И тут капитан кувыркнулся, лег на спину и выстрелил из нагана по низко летящему самолету. Наверняка точно попал в голову фашистского летчика, и самолет, немного пролетев, упал на землю и взорвался. Воодушевленные подвигом капитана, наши солдаты начали стрелять по другим низко летящим фашистским самолетам, и те поспешно удалились. Командиры подбежали к капитану и радостно поздравляли его. Говорили потом солдаты, что его представили к боевой награде.

Сейчас, по прошествии полувека, с высоты двух тысячелетий, после стольких исторических потрясений, мир начал заново осмысливать ту страшную войну, пересматривать и переоценивать. Звучат разные мнения, люди спорят. Естественно, такая война, потрясая и изменившая весь мир, многозначна и противоречива. Поэтому существуют разные мнения, противоположные, предвзятые и тенденциозные, субъективные и объективные — всех не перечислить... Но я знаю одно и убежден в этом: если совесть вождей была не чиста, то они в ответе за это перед историей, перед Всевышним. Но кровь солдатская, пролитая в той войне, чиста и свята!

Наша война была справедливой, мы защищали свою страну от захватчиков. Что поделаешь, если страной правили тиран и его приспешники?! Это совсем другой вопрос. Солдаты отдали свои жизни за родную землю, а не за правителей!

Кровь и смерть, жестокая схватка двух систем, казалось, растоптала, уничтожила в людях все светлое, человеческое. Но нет, человек оставался человеком, и дух его не был сломлен. Люди проявляли чудеса храбрости, верности боевой дружбе, самопожертвования, защищали грудью родину, погибали и пели! Да, да, пели песни во время затишья и с песней шли против смерти. Любили народные, советские песни. Не только пели, но и сочиняли новые. Помню, прогремела на весь фронт песня «Молодой казах». История этой выстрадавшей песни такова: погиб в бою Тулеген Тохтаров, ему посмертно при-

своили звание Героя Советского Союза. Отчаянный храбрец и умелый, смекалистый воин совершил за свою короткую жизнь много подвигов. Один из первых автоматчиков, он внезапно атаковал отряд фашистов и уничтожил тридцать шесть вражеских солдат. Однажды в бою у него кончились патроны, он был ранен очередью крупнокалиберного пулемета — весь живот был рассечен, и внутренности вывалились на белый снег. Превозмогая боль, он, придерживая рукой разорванный живот, поднялся и бросился на немецкого офицера, стрелявшего в него. Добрался до него и ударил по голове автоматом, да так, что фашистский офицер замертво рухнул на землю. И на него упал Тулеген Тохтаров и на нем умер. Его гибель потрясла весь полк, а военный санитар, композитор Рамазан Елебаев, сочинил песню «Жас казах». Рожденная в огне войны, песня облетела весь фронт и стала гимном всех казахских солдат.

Покрытая снегом, широкая степь пропитана кровью,
Серое небо рычит, изрыгая смерть,
Защищая страну на войне, как лев,
Молодой казах бросается на врага и повергает его...
Как тяжело покидает молодая душа эту жизнь!

Потом до нас дошли слухи, что Рамазан Елебаев вскоре тоже погиб. Но песня «Жас казах» осталась навеки с народом, ее поют до сих пор! Чуть позже узнал, что Рамазан Елебаев — выходец из нашего рода аксары керей, что он родился в ауле Кудукагаш — Колодец и дерево, что в нашем районе. Да, да, в том самом ауле Кудукагаш, куда мы с Салимом любили ездить к нашей сестре Мариям и слушать сказки Алтын-апа! Вот так-то! Но он, оказывается, рано уехал из аула, затем учился и работал в Алматы. Нам не было суждено встретиться в этой жизни, но он всегда рядом, когда звучит песня «Жас казах»!

Испытание человечности

Командир нашей разведгруппы старший сержант Иван Петров был опытным специалистом своего дела. Мы сразу подружились. Он, с виду простоватый мужик, сколько подвигов совершил, сколько языков доставил прямо из логова врага!

Частенько, во время затишья перед боем или на привале в чистом поле, мы беседовали. Он доставал кيسет с такой важностью, что казалось, нет занятий важнее этого. Огрубевшими пальцами ловко закручивал самокрутку и глубоко затягивался тяжелым дымом махорки. Этот горький запах табака был для нас лучше всех ароматов на свете. Пуская дым колечками, забывали о войне и предавались своим мечтам.

Однажды мы с Иваном шли на разведку по нейтральной лесистой полосе, подальше от передовой. Здесь не было явно очерченной линии фронта. В любое мгновение можно было поймать пулю или нарваться на мину, поэтому солдаты, как наши, так и немецкие, предпочитали без особой надобности не заходить сюда. А для нас, разведчиков, это было проходной в тыл врага, а иногда даже в небеса.

Мы быстро перешли линию фронта и оказались в тылу у фашистов. Незаметно, как барс, проскальзывали сквозь густые кустарники и шли к цели — разведать расположение и количество немецких сил на нашем участке. Сколько раз ходили так на разведку и брали «языков»! Все было как обычно, как вдруг раздался грозный окрик:

— Хенде хох!

Я шел впереди. Вражеский окрик был как удар по темени, в глазах потемнело, и я застыл как вкопанный, медленно поднимая руки. Иван тоже последовал моему примеру. В голове возникла мысль: неужели это конец?!

— Кому говорю, руки! А ну-ка, руки вверх! — вдруг услышали команду на русском языке.

— Не стреляйте! Свои! — обрадованно шагнул я вперед, действительно поверив, что это наши солдаты, принявшие нас за немецких лазутчиков.

— Свои, свои! Здесь все свои! Иди к нам! — позвал неизвестный, и я увидел силуэты за кустами. Их тоже было двое.

— Иду, иду! — ответил я и пошел к ним с поднятыми руками.

А Иван, воспользовавшись моментом, нырнул в кусты. Я тоже собирался последовать его примеру, но тут просто остолбенел.

— Асанбай?! Эй! Это ты, Асанбай?! — вдруг закричал неизвестный по-казахски.

Голос больно знакомый, но я был не в состоянии узнать его. Тут он что-то крикнул по-немецки, наверное, предупредил своего и, выскочив из своего укрытия, побежал ко мне. Когда разглядел бежавшего, даже голова закружилась от волнения.

Это был Салим!

— Бауырым — брат мой! — воскликнул Салим.

— Салим! — ответил я, и мы бросились друг другу в объятия. Невольно слезы навернулись на глаза.

Не знаю, что подумали Иван и немец. Они оставались лежать каждый в своем укрытии. Наверное, держали на мушке друг друга, а может, и нас, двух братьев.

Вот так играет нами судьба — два родных брата-казаха, почти после двадцати лет разлуки, неожиданно встретились на линии фронта и стояли, обнявшись, под прицелом автоматов.

Мы присели под большим деревом. Вначале от волнения не могли даже говорить. Чуть опомнившись, стали спрашивать о здоровье, про жизнь. Салим спросил о матери.

— Год назад была жива, здорова, дома, с внуками. Теперь сам не знаю, давно писем не было. А мы все думали, что ты погиб! — сказал я.

— Как видишь, жив, здоров! — ответил он. — Перешел к немцам с власовской армией! Был приказ генерала, и все тут! Иного выхода не было!

— Пойдем к нашим! — наконец не выдержал я.

— Каким нашим?! — разозлился он. — Этих ты уже называешь своими? Надеюсь, ты не забыл, сколько нашего народа они истребили!

— Ладно, не до политики сейчас! — прервал я. — Пойдем домой!

— Домой нас никто не пустит! Меня сразу к стенке, и точка! Лучше давай пристрелим этого русского и пойдем с нами!

— Нет, Салим! Я вышел с Иваном на разведку и вернусь только с ним! Лучше давай твоего немца возьмем как языка и пойдем с нами! Авось простят!

— А я прощения просить не собираюсь! Слишком много претензий у меня к Советской власти! И виноватым себя не чувствую!

— Но против правды не попрешь! Почти весь казахский народ вместе с Советским Союзом и воюет с фашистской Германией!

— Жаль! И очень больно! Во имя чего? За чуждые нам империи? Во имя двух психопатов, страдающих манией величия и стремящихся к мировому господству?

— Ты раньше ненавидел Маркса и Энгельса, а теперь как-то быстро полюбил Гитлера и Геббельса?! — съязвил я. Рифма так понравилась Салиму, что он улыбнулся.

— Я и этих не люблю! — шепотом стал оправдываться Салим. — Но пойми одно: немцы ни в чем не виноваты перед нашим народом! Не их власть уничтожила наших людей голодом! Не они репрессировали нас и вырезали весь цвет нашей нации! Практически вырезала всех выдающихся казахов и обезглавила наш народ русская власть, за которую вы воюете и готовы отдать свои жизни! Глупо по-человечески! Политическая слепота, наивность и боязнь наказания заставила вас взять в руки оружие и броситься грудью на немецкие пули с криком: «За Сталина! За Родину!» Как можно жертвовать своей жизнью за этого кровавого тирана? Как может быть нашей родиной такая кровавая страна большевиков, беспощадно уничтожившая добрую половину нашего народа! Да и многих других народов тоже! Скажи, объясни, какой смысл в вашей, лично твоей, войне? За кого, за что вы идете на верную смерть?

— Защищая Советский Союз, мы защищаем свою землю, свой дом! Ладно, оставим этот спор! — примирительно сказал я. — Лучше расскажи о себе. Где ты пропал все эти годы?

Салим успокоился и, посмотрев по сторонам, вкратце рассказал о своей жизни.

— После поражения Алашорды я скрывался от преследования красных в южных краях степи. Затем мы восстали против насилия Советской власти. Но из центра были направлены карательные отряды, хорошо вооруженные, закаленные в боях с белогвардейцами. Мы бились несколько раз в чистом поле, и в открытом бою они разбили наши слабооруженные, неопытные повстанческие группы. Особый урон нанесли нашей коннице тачанки — они летели и вращались как смерч, изрыгая град смертоносного свинца. Много наших крепких удалцов пали жертвами этого обстрела, не успев даже вступить в бой. Что поделаешь, мы были разбиты окончательно, и остатки наших отрядов рассыпались по всей степи. Единственное утешение — степные меткачи умудрились из старинных ружей и луков поразить несколько врагов, а я лично из трофейного бесатара — пятизарядной винтовки — убил троих красноармейцев и командира! И подался в дальние края, сменил имя, фамилию и скрылся в туркменских Каракумах — черных песках, вместе с адайцами. Но наше сопротивление не было бессмысленным, ибо после множества таких восстаний местные власти все-таки изменили свою тактику и стали чуть сговорчивее, осторожнее в обращении с казахами.

— А как ты попал сюда?

— Добровольцем, как и ты! — съязвил Салим. — Вместе с туркменами. Под другим именем!

— Ты хоть женился? У тебя есть семья?

— Да! Двое детей, сын и дочь, растут в Каракумах — черных песках.

Начали говорить о родном доме, о близких нам людях, и тут раздались выстрелы. Неподалеку началась перестрелка.

Мы крепко обнялись и простились.

Салим махнул рукой на прощание и скрылся за деревьями. Я тоже, пригнувшись, побежал назад. Иван встретил угрюмо.

— Кто это? — спросил он тихо.

— Да бывший товарищ, земляк! — солгал я. — Попал в такие переплеты, запутался совсем и вместе с генералом Власовым ушел к немцам.

— А почему ты их отпустил? Как-то предательством пахнет!

— Да ты что мелешь чепуху! — резко возразил я. — Мы ведь не совсем озверели, чтобы стрелять в бывших друзей!

— Как ты можешь назвать его другом?! Он — предатель, и точка! Надо было кокнуть!

— А что же не выстрелил? Он же был как на ладони!

— Да очень сильно хотел это сделать! Но понимал, что его фашист тоже держит тебя на мушке! Я не мог допустить, чтобы тебя убили!

— Ну, я так и понял! Думаю, и ты все понимаешь!

Я вопросительно посмотрел на него, своего боевого друга. Так хотелось рассказать ему всю правду, но не мог. Время научило молчать.

Иван тяжело вздохнул и буркнул:

— Да ладно, хрен с ними!

Мы шли к своим. Но мысли были далеко. Я был глубоко потрясен неожиданной встречей с Салимом и еще сильнее — тем, кем он стал! Вот так она, война, разбрасывает и перемалывает людей.

Я не мог осуждать его, не мог и понять. Лишь искренне желал, чтобы он остался живым. Мне хотелось встретиться с братьями после окончания войны в родном ауле, сесть возле пылающего очага в звездную ночь и беседовать душевно. Сердце разрывалось, я про себя молился.

...Несмотря на все испытания и трудности, наша армия начала побеждать и изгонять врага с нашей земли. Мы воевали в составе Украинского фронта под командованием маршала Жукова. Прошли через русские города, освободили Украину и вошли в Европу.

Но всякому везению бывает конец.

Глубокой осенью, в ноябре сорок четвертого, ходили за «языком» в тыл фашистов. Нас было пятеро во главе с нашим неизменным предводителем Иваном. Темной ночью тихо перешли линию фронта, прошли в тыл вражеской обороны и, выбрав удобную позицию, устроили засаду, подкарауливая неосмотрительных солдат, отошедших от своих укреплений в сторону. Мы видели огни немецких блиндажей. Вдруг послышались шаги — в нашу сторону шли двое. Мы напряглись, и тут случилось непредвиденное. Наверное, густая трава щекотнула нос, и один из наших солдат чихнул, да так громко, что я невольно вздрогнул. Немцы повернулись и побежали к своим, крича на ходу: «Ахтунг! Руссо! Ахтунг!» Поднялся шум-гам, десятки ракет взмыли в небо, и началась стрельба. Палили в нашу сторону, и при свете ракет сразу были убиты два наших товарища. Мы втроем начали отступать.

И вдруг Иван, крикнув «ложись!», схватил меня и повалил на землю. Тут же прогремел взрыв. Через миг я пришел в себя, осмотрелся, не находя повреждений. Смотрю, Иван лежит рядом, прикрыв меня с боку, и тяжело дышит. Понял, что он ранен, и тихо толкнул его.

— Иван! Уходим!

— Нет! Оставьте меня и уходите! Прощайте и простите, если что не так! — проговорил, задыхаясь, Иван.

— Нет! Мы уйдем вместе! — решительно ответил я.

— Уходите! Это приказ! — процедил он сквозь зубы, сжимая гранату. Нам пришлось подчиниться последней воле нашего командира, и мы начали отходить.

Не успели далеко отойти, как прогремел взрыв. Мы догадались, что смертельно раненный Иван взорвал гранату, когда немцы бросились на него, чтобы схватить. Так героически погиб наш боевой товарищ, который, жертвуя собой, спас меня от смерти, вовремя заметив вражескую гранату и повалил на землю.

Но мы так и не ушли. Немецкая пуля догнала моего товарища, и он упал замертво. Я подумал, что и мне пришел конец. Укрывшись за каким-то большим камнем, решительно ждал приближающихся врагов. Страх не было, только было жаль покидать белый свет вдали от родного края, не увидев, не простившись с родными, с матерью, с женой и детьми. На миг представил их, и так захотелось жить, вернуться домой. Перед глазами появилась моя Халима, которая заклинала, провожая на войну: «Вернись живым!»

Я так ненавидел войну, убийства, уничтожение человека человеком, что моя душа разрывалась и кричала всем жаждущим власти над землей, всем, кто стремится к этому через кровь и страдания, всем завоевателям-героям: «Это несправедливо! Война бессмысленна, на войне победителей не бывает! Остановитесь, о люди!» Но меня никто не слышал и не услышит! От этого было еще больнее. Да, никому даже нет дела, что Асанбай Бектемиров, сын самого доброжелательного и мирного народа на планете, погибает вместе с русскими солдатами на чужой европейской земле и останется навеки лежать под кустом. И никто не узнает, как и за что погиб. Это бесило больше всего, и я отчаянно отстреливался до последнего патрона.

В последний момент прошептал калима — молитву: «Ля иляха илла аллах!» и осталось только одно желание — отомстить за своих боевых друзей, особенно за Ивана и побольше забрать с собой свою жастьк — подушку из вражеских тел на тот свет. Так предки-кочевники говорили с большим уважением о достойных воинах, которые погибали не зря, а уничтожали столько врагов, сколько смогли: «Он герой, унес с собой свою подушку!» Не знаю, скольких там я застрелил, но, кажется, попадал. Немцы вскоре окружили меня и стали кричать: «Руссо, руссо! Сдавайся, сдавайся! Хенде хох!»

Патроны кончались, оставались штык и граната, и не знаю, что было бы дальше, как вдруг почувствовал, как к затылку приставили дуло автомата и приказали на чистом русском языке:

— Бросай оружие! Руки вверх! Мой совет — сдавайся добровольно!

Враг был опытный, не дал возможности пошевеливаться и, пригвоздив стволом к земле, заставил сидеть.

Я сначала не поверил своим ушам. Думал, мерещится. Слышалась русская и казахская речь! Потом

понял все. Это были солдаты Русской освободительной армии и Туркестанского легиона. Они служили немцам и, по существу, спасли меня от верной смерти.

Немцы допросили меня быстро. Ну, какую военную тайну может знать простой окопный сержант? Линия фронта, расположение войск им и так известны. Ничего нового, полезного для фашистов нет. Немецкий офицер собирался расстрелять, но казах-туркестанец упрямился его оставить меня в живых для дальнейшей службы в Легионе. Немцы махнули рукой. Для них никакого значения не имело — одним больше, одним меньше на этом свете, и отправили в лагерь для военнопленных.

Вот как повернулась судьба! Получается, меня спасли предатели Родины, враги Советской власти. Как быть теперь? Если встретятся эти ребята в чистом поле, долг советского солдата обязывает меня уничтожить их. А как выглядит человек, который убивает тех, кто спас его от смерти? Попробуйте развязать этот клубок истории, не оборвав ни одной нити!

Легионер, его звали Мажит, говорил мне, что организовал Туркестанский легион Мустафа Чокаев, известный политический деятель, алашордынец, эмигрировавший в годы сталинских репрессий в Париж. В легион набирали военнопленных казахов, узбеков, киргизов, туркмен, татар, башкиров, азербайджанцев и прочих представителей мусульманских и тюркских народов. Он шепотом говорил, что основной целью Мустафы Чокая было не столько служение Третьему Рейху и война против Советской власти, сколько спасение своих братьев по крови и религии от неминуемой смерти в фашистских застенках. И хоть он умер в начале войны при загадочных обстоятельствах, созданный им Туркестанский легион действительно спас многих наших братьев. «Вот, благодаря ему ты тоже живой, и это самое главное!» — хлопнул меня по плечу легионер. Я тихо поблагодарил его.

Каждый год, в День Победы, Девятого мая, я читаю Коран, посвящая молитву душам погибших в Великой Отечественной войне. А еще каждый год, в день смерти Мустафы Чокая, читаю молитву, посвящая ее Мустафе и Мажиту.

Какая противоречивая штука жизнь! Не знаю, насколько прав или не прав, но я хотел остаться человеком в этом смерче событий.

Легионер Мажит, пока меня везли в лагерь для военнопленных, полупрошептом рассказывал, что большинство пленных русских и казахов не хотят вступать в ряды РОА — Русской освободительной армии и Туркестанского легиона. Но жизнь в плену — очень тяжелое испытание, и, не выдержав нечеловеческих условий, часть из них соглашались служить немцам. Есть и такие, которые за хорошее

питание и сносные условия жизни навсегда оставались в их рядах. Но многие, как только попадают на передовую, при первой же возможности переходят к своим, невзирая ни на что. Иногда просто убегают группами или прорываются с боями. Поэтому немцы старались держать Туркестанский легион подальше от советского фронта. Вот и сейчас основные силы легиона находились совсем в другой стороне — во Франции.

Мажит говорил о многом, со временем большая часть разговора забылась. Но самое главное запомнил — он говорил, что хотел просто спасти меня от неминуемой гибели, потому что все казахи — братья. И еще посоветовал быть покладистым, не высовываться и терпеть все невзгоды плена. «А еще лучше будет, если через некоторое время вступишь в ряды Туркестанского легиона!» — подытожил он.

— Там будешь не один! Братья туркестанцы встретят тебя с раскрытыми объятиями. Будешь служить и жить как солдат вермахта, ну, может, чуть хуже, но все-таки несравнимо лучше, чем в лагере, на самом дне. Да и вообще, что вы потеряли в этой стране колонизаторов?! Глупо воевать за них!

— Сколько вас? — тихо спросил я, не смея возражать своему спасителю.

— Нас несколько сотен, а может, и тысяч по всем фронтам! — уклончиво ответил Мажит.

— А сколько нас? Миллионы! Весь казахский народ на фронте проливает свою кровь. Работает в тылу и ждет с надеждой своих сыновей и братьев. Хочешь не хочешь, но эта война стала священной, отечественной и для казахов! Она стала нашей общей трагедией со всеми народами Союза! Ты прости, но перейти к вам не могу. Если твоя дорога пошла по-другому, что поделаешь, такова судьба! Но я остаюсь со своим народом. Да, спасибо, что спас как брата, но пойми: измена присяге — смерть для джигита!

— Постараюсь понять, Асанбай, — спокойно сказал прожженный огнем, переживший гонения и травлю туркестанец. — Но и ты пойми правильно: мы хотим блага для всех казахов! Подумай еще. Поживем — увидим.

Я промолчал. Он тоже не стал докучать, а просто сказал: время покажет. Так хотелось спросить его про Салима, но удержался. Боялся, как бы не навредить брату. На прощание легионер Мажит сказал, что еще вернется за мной. Но исчез навсегда. Никто не знает, что там у них случилось, а война стремительно шла к концу, усиленно затягивая в свой кровавый водоворот все больше и больше людских жизней.

В плену у немцев я пробыл почти шесть месяцев. Вначале было просто ужасно. Но, как говорят казахи, через три дня человек привыкает и к могиле. Очухавшись, тянул свою лямку со всеми вместе.

Сколько нас, советских военнопленных, было здесь, никто точно не знал. Наверное, несколько

тысяч. Здесь были выходцы из многих уголков Советского Союза. Мы толпами жили в полуподвальных каменных застенках. Низкий серый потолок, двухъярусные железные нары, маленькие окошечки, зарешеченные с немецкой аккуратностью, давили на психику.

Мы толком не ведали, где, на какой стороне света находимся. С нами обращались как с рабами. Кормили сносно, чтобы могли работать. Ранним утром выводили на работу. В основном копали землю, строили какие-то непонятные укрепления. Ползли слухи, что это бункеры, огневые точки для подземного укрытия. Для себя делали вывод: немцам туго и они отступают. Скоро наши будут здесь, но, неизвестно, доживем до этого дня или нет. Многие, полуголодные, умирали от переутомления. После нескольких месяцев тяжелой, иногда непосильной работы пленные превращались почти в живых скелетов. Тех, кто падал в обморок от изнеможения во время работы и не мог подняться, охрана пристреливала без звука. Природная выносливость и многолетняя закалка пригодились и на этот раз, и я терпел все тяготы и унижения. Бывало, лопата казалась такой тяжелой, что становилось невозможно даже пошевеливать ею, а сделать шаг было почти невозможно.

Однажды я упал от бессилия на холодную, сырую землю, и конвоир начал наводить ствол автомата, но невероятным усилием воли, каким-то чудом я заставил себя подняться. Как будто какая-то святая мощь поддержала меня, и, почувствовав прилив сил, я опять взял лопату и продолжил работу. Конвоир-немец оскалится, покачал головой и отвел ствол. Я тихо помолился Всевышнему, вспомнил святых предков Марал ишана и Салык муллу.

Плен — самый унижительный удел человека, и я переносил это только потому, что очень хотел выжить. Выжить любой ценой и вернуться домой, увидеть детей, мать, жену, родной край! Но не все зависело от меня. Фашисты в любой момент любого военнопленного могли вывести и расстрелять. Но это происходило очень редко, потому что немцы берегли и использовали нас как рабскую силу.

Многие советские солдаты стойко переносили все тяготы и оставались верны воинской присяге, но были и такие, которые, не выдержав мучений, поддавшись уговорам и испугавшись угроз, вступали в ряды Русской освободительной армии и Туркестанского легиона.

Иногда думаю, что, если бы фашисты заставили меня вступить в ряды Туркестанского легиона? Смог бы стрелять в советского, в русского солдата?! Я дрался с царскими карателями, был против белых и красных, потому что они пришли с оружием на мою землю. Ненавидел всякую власть колонизаторов — русскую, царскую, белую, красную, совет-

скую, называйте как хотите. Но стрелять в русского солдата я не мог!

В этой войне мы все были братьями, боевыми друзьями. Мы, казахи, русские, все национальности огромной страны, были единими советскими солдатами, боевыми товарищами и защищали единую Родину — СССР! Защищая Советский Союз, русский край, мы защищали свою родную землю, свой народ.

Это была священная война! И кровь солдата, пролитая в той войне, священна! И дружба солдата, испытанная огнем и мечом, священна!

Нет, не мог я, несмотря на всю неприязнь и историческую обиду за свой казахский народ, поднять руку на русского солдата, вместе с которыми шел на смертельный бой с фашистами. И твердо решил не вступать ни в Туркестанский легион, ни в Русскую освободительную армию.

«Лучше испить свою горькую чашу до дна, чем быть предателем! А там посмотрим!» — успокаивал сам себя.

Америка и аул

День за днем война приближалась к концу. Ночами слышны были далекие канонады и взрывы авиабомб. Бывало, мы тряслись на нарах, боясь, как бы свои, советские, бомбы и снаряды не разорвали нас в клочья.

Однажды ночью услышали отзвуки ожесточенных боев, которые, судя по всему, шли рядом. Всю ночь, несмотря на усталость, не могли сомкнуть глаза и лишь под утро заснули.

Наутро нас никто не заставлял, как обычно, выходить на работу. Казалось, про нас забыли. Лишь через сутки послышались чьи-то шаги, и ворота отворились. Вошли солдаты, но не наши.

Это были американцы.

Они хотели увести военнопленных в далекую загадочную Америку. Нам так и сказали: «Поехали к нам, ребята, будете жить свободно! А вернетесь в свою страну, Сталин прикажет всех вас расстрелять!»

Некоторые предпочли уехать с ними в Америку, чем возвращаться в СССР.

Вот это было бы здорово! Сесть на большой корабль и бороздить Мировой океан. Плыть и плыть день и ночь, лежать на открытой палубе, обдуваемой вольным теплым ветерком со всех сторон, смотреть на мерцающие крупные звезды на ночном небосклоне Южного полушария, наслаждаться мирным мгновением жизни и предаваться своим мечтаниям.

Но я отказался!

Что-то меня не отпускало!

Тоска по родной земле была сильнее. Сильнее американской мечты и сильнее страха сталинских лагерей.

Ну хорошо, поплыву на корабле через Атлантику, и что дальше? Не будешь же всю жизнь плавать и созерцать звездное небо. Когда-то придется выйти на берег, и этот берег не наш, чужой, американский! Нет, лучше поверну лодку своей жизни к родным берегам!

И тут внутри меня тихо прозвучал насмешливый голос Салима: «А где твой родной берег? Есть ли вообще наш родной берег? Хочешь назвать родным берег страны, которой правит кровавый тиран? Ты отдаешь себе отчет в том, что там тебя ждет?!»

Интересно, почему называем эти явления головами, они ведь не звучат — ни громко, ни шепотом! А мы слышим их как бы нутром. Голоса без звука — какой парадокс!

Не помню, когда начали преследовать меня эти противоречивые голоса. Кажется, еще с кровавых двадцатых годов. Они звучали во мне, разные, неожиданные, где-то там, в глубине, то задавая неудобные, мучительные вопросы, то осуждая или подбадривая. Иногда голоса шумели в голове, в ушах, не давая покоя. Они стали моими мучителями и учителями одновременно.

И я все-таки повернул. Меня манила к себе родная земля, мой аул, моя родня, мой очаг. В сердце звучали голоса матери, Халимы, детей:

«Вернись живым! Вернись, наперекор всему!»

Не знаю, поймет меня сегодняшняя молодежь или скажет: «Вот, дурак! Ему предлагали бесплатно на корабле уплыть в Америку, страну грез, купаться в синей океанской воде и в потоке зеленых долларов, жить свободно и подчиняться только закону, а он отказался! Во имя чего? Чтобы валяться в лагерной грязи, блуждать в дебрях бесправия и жестокой советской действительности? В лучшем случае влачить жалкое существование в степных совхозах, где нет даже элементарных жилищных условий?»

Может, отчасти они правы. Но им не понять того глубокого чувства любви к родной земле, к ковыльным просторам степи, к запаху полыни — жусана. Надо родиться в степи, чтобы понять это. Тяга к родным местам была настолько сильной, что соблазн сладкой свободной жизни и великой американской мечты не могли перетянуть меня на чужбину.

Я решительно вернулся в свою героическую и коварную, добрую и жестокую, честную и чудовищную страну с твердой решимостью принять все то, что придется пережить.

Была надежда и на прощение. Среди пленных ходили слухи, что Сталин приказал оправдать всех наших солдат, попавших в плен, но до этого храбро воевавших с фашистами, проливавших свою кровь за Родину. Тогда мне, больше трех лет сражавшемуся на передовой, трижды раненному — дважды тяжело и один раз легко, — имеющему боевые награды, вообще бояться нечего. Говорили, что об этом объявили

генералы, передавали по радио, писали в газетах. И многие поверили обещанию военно-политической верхушки и вернулись домой.

Только потом, по прошествии многих лет, я читал где-то, что действительно было такое постановление, но оно было правдивым не для всех. То есть кого-то действительно простили и восстановили во всех правах, а других посадили.

Моя участь оказалась тяжелой.

Лагерь

На Родине нас, своих солдат, бывших в плену у немцев, встретили холодно. Проверили, обсудили и отравили кого куда. Кто поехал домой, кто на службу, а кто в лагерь. Мне выпала путевка в Сибирь на десять лет! От расстрела, пожалуй, спасли три ранения на передовой, орден Красной Звезды и высшая солдатская награда за личный подвиг — медаль «За Отвагу», которые отобрали.

Обвинения были нелепыми. «Почему попал в плен, а не погиб, как подобает советскому солдату, героической смертью?» Естественно, я не мог брякнуть в лицо суровым судьям, что не хотел и не хочу погибать за таких тиранов, скажите спасибо за то, что вообще воевал!

Сказал, как было на самом деле.

Суд быстро вынес приговор. Эти шесть месяцев плена перевесили три года войны на передовой. Главное обвинение заключалось в том, что якобы я умышленно сдался в плен, поддался враждебной агитации туркестанцев и работал на немцев. Никаких оправданий даже слышать не хотели.

Отправили меня на край света вместе с такими же горемыками в спецвагонах. Потом пересадили в грузовики. Мы даже понятия не имели, куда едем. Только после мучительно долгого переезда, когда прибыли на место, узнали, что попали в местечко Сусуман. Название запомнилось сразу, оно напоминало казахское слово су — вода и сусу — скольжение, течение.

Позже узнал, что речку Сусуман, приток Колымы, которая текла рядом с лагерем, эвены называли Кухуман, что означает буран, поземка. Точно, скользит поземка, течет речка!

Сведущие эски говорили, что этот лагерь находится аж в Магаданской области, на Крайнем Севере, дальше самого Магадана. Оказывается, отсюда до Оймякона рукой подать. Про Оймякон все слышаны — самая холодная точка планеты. Название Оймякон напоминает казахское слово Ой мекен — местообитание в низменности.

Климат Сусумана сверхсуровый, зимой морозы доходили до шестидесяти градусов. Поговаривали эски, что эти места — самые холодные на земле.

Люди мерзли, болели, нередко умирали от истощения. Умерших заключенных тихо хоронили и ставили таблички с номером — и конец! Когда видишь такое, так не хочется умирать! Да ведь никто потом не найдет, не прочтет молитву на твоей могиле! Так и сгинешь в неизвестности. Ходили слухи среди эсков, что недалеко отсюда и Долина смерти, при одном упоминании которой все умолкали от ужаса. Страх смерти напоминал о себе каждому. Любкой из нас, если в чем-то провинится перед кем-то, мог исчезнуть в любой день и час. Люди умирали не только от мороза, но и от руки отморожков-уголовников. Поговаривали, что даже краснопогонники особо не церемонились с неугодными, норовистыми и при удобном случае тех, кто посмел перечить им, пускали в расход «при попытке к бегству».

Что и говорить-то, приходилось выживать в нечеловеческих условиях, созданных человеком для человека.

Но при всех ужасах лагерная жизнь имела и свои плюсы по сравнению с передовой. Во-первых, по тебе денно и ночно не бьют из пушек и пулеметов, не бомбят самолеты. Во-вторых, все-таки есть какой-то порядок, закон, хоть и жестокий. И шанс выжить несравненно выше, чем на войне.

Сначала было очень тоскливо, но постепенно начал привыкать к новой обстановке. Я принял все это спокойно, как неизбежность.

Лагерные дни тянулись медленно. Интересно, когда месяцы и годы идут однообразно, то скучная чередка серых будней тянется, кажется, бесконечно. Но когда все-таки проходит это время и ты оглядываешься назад, оно кажется тебе коротким отрезком пути, окрашенным в один невыразительный серый цвет. Вот так, небогатые событиями первые пять лет прошли сравнительно тихо, если не считать мелких склок и столкновений эсков, окриков начальников и рутинную работу. В Сусумане добывали золото, поговаривали, что здешние прииски считаются одними из самых богатых на земле. Мне повезло — работал на лесозаготовках. Пилить лес все-таки легче и привычнее, чем дробить камень в стужу. Жили в длинных низких каменных и деревянных бараках, с железными ограждениями, построенных самими же эсками. Кормили сравнительно неплохо, скорее всего, не от жалости, а просто как необходимую рабочую силу. Горячая тюремная баланда казалась такой вкусной после тяжелой работы.

Лишь интересные рассказы и жаркие споры разношерстных эсков — политических, военных и уголовных, представителей разных национальностей — вносили какое-то оживление в наши серые будни. Их разговоры развлекали, возмущали, будоражили кровь, будили мысль. Наслышавшись всякой всячины о политике и политиках, после долгих размыш-

лений, я пришел к выводу, что политика — вещь сложная, многослойная. Политик думает одно, говорит другое, делает третье, ожидает четвертое, преследует пятое, получает шестое.

А за каждым политическим шагом кроется столько таинственных хитросплетений, что непостижимо уму нормального человека. Я решил не вступать ни в какие разговоры на политические темы, а просто слушать и мотать на ус. «Кто молчит, тот оберегает себя от больших бед!» — гласит одна казахская поговорка.

Естественно, иногда болтали о том о сем с теми, с кем сдружались. В общем, серые будни шли своим чередом, и мы несли дальше груз своей судьбы.

Я держался тише воды ниже травы, ни с кем не спорил, исполнял все приказы краснопогонников. Одна-единственная, самая главная цель в жизни придавала мне сил и терпения — вернуться домой живым! Нередко звучал в ушах голос милой Халимы: «Вернись! Вернись живым, невзирая ни на что! Мы ждем тебя!»

Все люди разные, а почему-то не могут ужиться, даже находясь в таком тяжелом положении. Однажды один из уголовников, новоявленный громила-авторитет, грубо окликнул меня и велел принести ему воды. Повиновение означало падение авторитета, и я отказался. Получив отпор в словесной перепалке, он, злобно стрельнув глазами, удалился. Понятное дело, затаил обиду и замыслил недоброе. Он был из другого барака. Мне так не хотелось после той войны с кем-нибудь враждовать, тем более воевать. Но не все зависит только от тебя. Теперь на мои плечи навалилась еще одна нелегкая проблема.

Весной пятидесятого года к нам пришел новый смотрящий. Его все звали Тараско, по фамилии. Звучная, она сразу осталась в памяти. Имя его никто не произносил. Хохол или капитан Тараско — и все было понятно. Он был загадочным человеком. О нем никто ничего толком не знал. Одни говорили, что он воин-герой, другие шептали, что служил во внутренних войсках, а третьи считали, что он особист до мозга костей.

Тараско стал инвалидом во время войны, сильно прихрамывал на правую ногу, а левой руки до самого плеча не было. Сказывали, что он попал под обстрел немецкого танка, был поднят взрывом высоко в воздух и упал прямо перед бронированной машиной. «Тигр» проехал по его левой руке. Но капитан, теряя сознание, сумел бросить гранату сзади и сжечь бронированное чудовище. После госпиталя его списали, но он не захотел оставить службу, и его направили сюда. Он был суровым, строгим, но справедливым малым. Высокорослый, косая сажень в плечах, настоящий украинский богатырь теперь наблюдал за эсками. Иногда я чувствовал, что ему тесно здесь.

Каждый день он наблюдал за нами, пока мы работали в лесу. И вот однажды произошло событие, перевернувшее всю мою жизнь.

Мы валили лес, как всегда. Двое лесопильщиков, предчувствуя окончание работы, азартно усилили движение, и пила завизжала пуще прежнего. Высокая сосна начала медленно падать. Я стоял в стороне, задумчиво глядя на макушку великолепного дерева и дальше, на пасущиеся в небе облака. Скорее всего, интуитивно почувствовал, что сосна, мощно набирая скорость, падает как раз на безмятежно стоящего Тараско. Он стоял спиной к дереву и ничего не видел. Дальнейшее произошло как во сне. Меня как будто подтолкнули, и я отчаянно бросился к нему и на лету оттолкнул двумя руками в сторону. Мы вместе упали и покатались по густой лесной траве, и в это время толстый длинный ствол со всеми сучьями с неимоверной силой ударился об землю. Треск ломающихся сучьев и пыль, поднятая в воздух, как после взрыва бомбы, повергли нас, двух закаленных вояк, в шок. Гибкие, мягкие молодые побеги и зеленые иголки накрыли нас. Несколько мгновений мы лежали неподвижно, по боевой привычке ожидая последующих взрывов. Затем, вспомнив, где мы, быстренько выбрались из холодных объятий вечнозеленого друга. Зэки издали смотрели на нас, вытаращив глаза. Столько смятения и напряженности было в этих дубленых, морщинистых лицах! У меня как будто мороз пробежал по коже. Охранники приготовились к бою, некоторые подбежали к капитану.

Тараско успокоил их жестом и, прихрамывая сильнее обычного, подошел ко мне.

— Спасибо! Гарный мужик!

Он хлопнул меня по плечу и пожал руку. Я посмотрел ему в глаза. Эти большие, синие глаза красноречивее любых слов выражали его благодарность, излучая свет и тепло. Я был сильно взволнован и, крикнув, чтобы скрыть это, зашагал в сторону своих товарищей. Встретили меня молча. Угрюмо продолжили свою работу. Только верзила-авторитет изредка сверлил меня свирепым взглядом.

Ночью долго не мог уснуть, прокручивая в сознании снова и снова произошедшее. И не мог найти разумного объяснения своему отчаянному поступку. Что это было?

По всем правилам инстинкта самосохранения, не должен был бросаться под падающее огромное дерево. Я — зэк, несправедливо осужденный Советской властью. Был солдатом этой страны, защищал ее, не щадя живота своего. И правители этой страны отравили меня в лагерь. Следовательно, я не должен был, не имел права спасать от неминуемой гибели офицера этой власти. Что подвигло меня на этот отчаянный поступок? Жалость человеческая? Разве не умерло во мне это чувство после всего пережитого?

Или это была простая солдатская взаимовыручка?

Ведь я мог погибнуть или стать калекой на всю оставшуюся жизнь. А умирать совсем не хотелось. Особенно теперь, когда шквальный огонь и взрывы фашистских снарядов остались в прошлом. Погибнуть там, где не стреляют, солдату, прошедшему через горнило мировой бойни, было как-то не к лицу.

Ворочался на соломенном матрасе полночи, мучился над этим вопросом, но ответа так и не нашел. Наконец забылся и уснул.

Только утром понял, что бросился спасать офицера по доброте душевной. Только она, доброта человеческая, подвигла меня на этот отчаянный поступок. Не было никаких разумных мыслей, корыстных расчетов, а был простой порыв души — вот человек в беде, и надо ему помочь!

Но, оказывается, не все так думали, и не всем это понравилось. Назавтра, во время работы, я отошел чуть в сторону, по малой нужде. Только собрался вернуться, как появился тот самый бугай-авторитет. Он явно караулил меня и теперь преградил мне путь.

— Ты зачем спас начальника? — спросил он хриплым голосом.

— Я спас человека! — ответил я, как можно миролюбиво. — Он такой же солдат, как и я. Прошел такую же войну и теперь должен вернуться домой живым! Не погибать же ему под каким-то деревом!

— Нет! Ты спас нашего врага! Следовательно, ты наш враг! — Его глаза наполнились такой злобой, что мурашки пробежали по моей спине. — Сама судьба собиралась наказать краснопогонника, а тут встречаешь ты, гнида! Выслужиться хотел, да?! Я долго следил за тобой и давно почувствовал, что ты — говнюк. Всё собирался тебя посадить на парашу. А ты, хитрец, почуял это и удачно подсутился. Думаешь, теперь будешь спокойно жить за пазухой у капитана Тараско?! Нет, не дадим тебе уйти от нас! Так что выбирай! Или — или! Либо ты замочишь его сам, и мы квиты! Либо встанешь на нож! Даю тебе сутки, чтобы исправить ошибку! Всё, время пошло! Сука, ты на счетчике!

Он так же быстро исчез, как и появился. Я ничего не мог ему объяснить и надеялся, что это просто бравада. Думал, при следующей встрече попрошу его выслушать и объясню все по-человечески.

Но не тут-то было! На следующий день, к концу работы, ко мне подошел молодой зэк и попросил отойти в сторонку. Есть, мол, разговор. Я насторожился, но деваться было некуда. На всякий случай поднял с земли большой, толстый сук и пошел, опираясь на него, нарочно прихрамывая. Молодой не обратил на это никакого внимания. Как только отошли шагов на сто, он внезапно исчез. Не успел я сообразить, что к чему, как из-за дерева выскочил мой давнишний знакомец.

Вытащив большой нож из голенища, он молча бросился на меня. Но я не растерялся, так как внутренне был готов к такой подлости, и принял бой. Ловко увернувшись от первого натиска, поднял сук. Верзила, уверенный в себе, начал махать ножом. Он был силен, как бугай, и разъярен, как медведь. Но, улучив момент, я со всего размаха ударил грозного противника по голове толстым суком. Он покачнулся и рухнул на землю замертво.

Убедившись, что он мертв, я застыл как вкопанный. Мне стало нехорошо. Но, пересилив себя, быстро ушел подальше. Не подавая виду, работал, как всегда.

Спустя день, во время лесных работ, Тараско незаметно отвел меня в сторону. Мы присели, прислонившись к толстому стволу вековой сосны, в тени величественных вечнозеленых крон, забили самокрутку и задымили. Хохол кашлянул, посмотрел по сторонам и тихо буркнул:

— Старик, тебе бежать надо отсюда!

От неожиданности я замер, только молча смотрел на него.

— Чем скорее, тем лучше! Иначе они убьют тебя! Такие вещи не прощают! Я все оформил как несчастный случай! Но эков не обманешь! Скоро меня переведут отсюда, я не смогу защитить тебя!

Отпираться и возражать было бессмысленно. Он все знал и понимал. Главное, искренне хотел мне помочь.

— Но куда?

— Куда глаза глядят! Лишь бы подальше отсюда! — При этих словах его голос дрогнул. — Будет нелегко! Опасно, смертельно опасно! Но все-таки есть надежда уйти, выжить! Я помогу тебе, чем могу! Легенду придумаем... Будут проверять — ссылайся на архив лагеря, на меня. Придумаем что-нибудь! Давай приготовься, я кое-что припасу для тебя — и с богом! Держи путь все время строго на юго-восток! Ориентируйся по звездам — они не обманут!

— Знаю! Я же кочевник! — вырвалось у меня.

— Вот и кочуй отсюда, да с умом! Но тайга — не степь! Тут совсем другое дело!

Он без громких слов платил добром за добро, и это было понятно. Тронутый его заботой, крепко пожал ему руку и посмотрел в глаза. Его глаза были полны печали. «О людской род! Чего же ты хочешь в этом мире?!» — подумал я и вздохнул глубоко.

Испытание

В июне тысяча девятьсот пятидесятого года, почти после пяти лет заключения, с помощью богатыря украинца Тараско мне удалось бежать из лагеря.

Придумал Тараско нечто фантастическое. Через два дня после нашего разговора он повез меня вме-

сте с несколькими эками на Хандыгу. Обычно из Сусумана эки в сопровождении охраны нередко ездили в Хандыгу по хозяйственным нуждам, например, за бензином. Но меня взяли впервые. Тараско тихо шепнул, что таким образом подбрасывает меня примерно на тысячу верст ближе к родным местам. Оттуда, если повезет, напрямиком надо будет пройти еще около пяти тысяч километров, а зигзагами может и целых семь! Городок Хандыга стоял на берегу реки Алдан и считался одним из первых центров золотодобычи в Северном крае. Название Хандыга напомнило мне казахское слово Кан дога — Кровавая дуга.

Мы ехали на нескольких американских «Студебеккерах». Эти тяжелые, мощные вездеходы, представленные нашей стране союзниками-американцами во время войны, теперь использовались на сибирских рудниках. Дорога была не ахти какая, в кузове сильно трясло.

Я был один в кузове последней машины, а Тараско сидел в кабине. Не помню, сколько ехали, но казалось, конца не будет этой тяжелой дороге. Наконец под утро наша машина остановилась.

Тараско отвел меня в сторону.

— Мы находимся под Хандыгой, — тихо сказал он. — Там река Алдан. Твоя легенда — остановились, вышли по нужде. отошел в сторону, пока управился, машина уехала. Забыли меня! Хотел вернуться, заблудился. Стемнело, сбился с пути и оказался в глухой тайге! Я все отмечу в бумагах и оформлю как следует! Ну, прощай!

Он бросил полный вещевой мешок под куст, молча указал рукой в сторону леса и зашагал к машине. Я остался стоять. Тараско сел в кабину, и машина уехала. В мешке были консервы, спички, хлеб, большой нож и еще кое-какие необходимые в пути вещи.

Итак, капитан Тараско, герой войны и гроза эков, отправил меня домой, указав путь через тайгу. Дорога была дальняя, неизвестная, полная опасностей. Мы оба, кажется, рисковали. Что было на уме у Тараско, как он все это устроил и как будет оправдываться — известно только ему. Наверное, придумал что-то убедительное или надеялся на авось! Мысленно пожелав ему счастья, я зашагал в сторону леса.

Вначале пьянел от чувства свободы и буквально порхал, не чувствуя под ногами земли. Но через некоторое время вернулся в реальность. Кругом были деревья и деревья. Только небо проглядывало местами сквозь густые кроны. Я начал беспокоиться. Казалось, человека, прошедшего через горнило войны, ничто не может испугать. Но нет, неизвестная тайга пугала, одиночество давило. Но деваться было некуда, и я прислонился к стволу сосны, чтобы отдохнуть и прийти в себя.

И вдруг из-за деревьев появились двое вооруженных военных. Они шли прямо на меня. Это был конец. Выхода не было, я, закрыв глаза, тихо вжался в ствол дерева. Ох, как хотелось слиться с сосной, превратиться в нее и жить тихо в лесу, подальше от людского общества! Стою и думаю: вот сейчас возьмут!

Но они прошли мимо!

Вроде шли прямо на меня, но прошли рядом, как будто не заметили, не увидели. Стою ни жив ни мертв и смутно чувствую, как меня окутало что-то невидимое. Когда военные скрылись из виду, опять смутно почувствовал какое-то легкое дуновение воздуха, как будто что-то улетело. Мне стало очень легко, я спокойно зашагал дальше. Всю жизнь думаю об этом таинственном явлении, благодарю Аллаха и читаю молитву, посвящая ее благословенным всевышним святым предкам Марал ишану и Салык мулле.

Долго шел и наконец, подустав, решил отдохнуть. Перекусил, задымил махоркой и задремал.

— Эй, чувак! Чё, попался?! — послышался вдруг хрипловатый, грозный голос.

Я похолодел. Нагнали-таки краснопогонники!

Из-за деревьев появились двое. Мужчина-амбал и пухлый молодой человек.

— Да не бойся! Свои!

Я перевел дух.

— Пахан! — представился старший. — А это Баклан!

Это были обычные уголовники. Оказывается, они тоже бежали из какого-то лагеря и, заметив меня, проследили. Убедившись, что я один, решили присоединиться. Я был рад спутникам, но в то же время опасался их.

Втроем пошли дальше, по дороге познакомились, завели разговор. Пахан знал тайгу, знал путь через нее. Но ситуация была непростая. Кругом стояли деревья и только деревья. В начале пути они казались мне прекрасными, и я любовался их красотой. Но уже через день-два надоело это однообразие, я начал молиться, чтобы скорее выйти отсюда на простор, на открытую местность. Но тайга не хотела отпускать. Мы шли долго, много дней, а может, и несколько недель. Продукты кончились, силы начали покидать нас. Кое-где находили съедобные растения, ягоды, но это было слабой поддержкой. Все больше и больше нам хотелось есть, и голод стал диктовать свое. Я вспоминал голодный тридцать второй год, представляя себе погибших в бескрайней степи и их предсмертные муки. Тихо кружилась голова, во рту пересыхало. Но одна-единственная мысль, одно слово крутилось в сознании: «Жить! Выжить во что бы то ни стало!»

Не помню, сколько и куда шли. Измотанные, прилегали под деревом. Баклан чуть отстал, а мы с Паханом оказались под одним деревом.

Пахан достал кисет. Сидя молча, долго курили самокрутку — махорка успокаивала, густой дым окутывал нас, как бы закрывая от суровой реальности.

— Знаешь, Асанбай, — хриплым голосом твердо произнес Пахан. — Всем не выбраться отсюда!

Он умолк и испытующе посмотрел на меня. Я невольно вздрогнул. В этом пронзительном взгляде была решительность и жестокость.

— Двое сытых лучше троих голодных! — изрек Пахан, метнув взгляд в сторону Баклана. В этот миг злобный амбал был похож на голодного хищника. — Один может спасти остальных! И если он не хочет сделать это добровольно, то мы должны помочь ему!

— Помочь в чем? И как? — вырвалось у меня, хотя уже начал догадываться, о чем тот говорит.

— Помочь пробудить эту добрую волю! Другого выхода нет! Ты со мной?

Я невольно кивнул.

Амбал плюнул на окурки и затоптал его каблук. Я сделал то же самое.

И тут меня осенило, почему Пахан взял с собой Баклана! Да ему нужен был не только пухленький малый на побегушках, но и пища на ногах, жертва на привязи!

Ужас сковал меня. А Пахан уже направился к Баклану и ничего не замечал. Я поплелся за ним.

Ослабевший от голода и усталости Баклан лежал на спине, устремив синие глаза в небо.

Пахан, как пантера, бесшумно подошел и внезапно накинул на его шею шнурок-удавку. Баклан оторопел от неожиданности и инстинктивно дернулся. Невероятным усилием воли ему удалось встать на колени, пытаясь скинуть удавку, но Пахан был опытным бойцом и не отпускал петлю, продолжая душить бедолагу.

Когда я подбежал к ним, Баклан уже терял силы и тихо заваливался на бок. Амбал вытащил из голенища большой острый нож, собираясь вонзить в горло бедолаги. Баклан в отчаянии держал его руку, не давая резать себя. Но он был явно слабее, и Пахан начал одолевать. Я остановился как вкопанный, не зная, что делать.

— Чё стоишь? — прохрипел Пахан злобно. — Помоги забить кабанчика!

Он тяжело дышал. Было видно, что голод отнял много сил и у него. Я не знал, как быть. Не мог, не смотря на смертельный голод, не мог я резать человека. Но, с другой стороны, выхода не было. В замешательстве подошел к ним, и только хотел скрутить руки Баклану, как встретились наши взгляды. В синих глазах двадцатилетнего парня смешались страх и надежда. Нет, не мог я убить его! В отчаянии схватил за руку Пахана и со всей силой отвел ее от горла парня. Отъявленный отморозок вскрикнул от боли и выронил нож.

Высвободившись, Баклан вскочил и бросился наутек. Пахан хотел броситься в погоню, но я удержал его. В мгновение ока Баклан нырнул в кусты и исчез из виду.

Пахан в бешенстве выругался и, подняв нож, с криком набросился на меня. Я быстро вытащил свой нож.

Начался смертельный бой.

Измощенные долгой дорогой и голодом, доведенные до состояния хищников, мы из последних сил старались убить друг друга, чтобы остаться самими в живых. Тайнственное создание все-таки человек! Вот висит над нами угроза всеобщей смерти, а все равно стараемся перегрызть горло друг другу. Но как быть, когда перед тобой отъявленный бандит с налитыми кровью глазами машет острым ножом, собираясь резать и съесть тебя?!

Чтобы не быть убитым, должен убить ты. Чтобы не быть съеденным, съесть должен ты. И я махал ножом, как мог. Пахан был опытным бойцом, его нож со свистом блеснул несколько раз буквально перед глазами. Он был чуть выше ростом, крупнее и моложе лет на десять. Но я был настроен решительно. В пылу борьбы нам удалось выбить ножи из рук друг друга. После нескольких взаимных ударов кулаками мы сцепились мертвой хваткой. Так и застыли. Не помню, сколько времени прошло тогда, но до сих пор кажется, что прошла целая вечность. Силы покидали нас, мы оба дрожали от ярости и бессилия, скрипели зубами. Кровавая пена ненависти сочилась изо рта, мы хрипели. Не знаю, сколько еще смогли бы продержаться, но оба понимали, что падать нельзя: тот, кто повергнет противника на землю и окажется сверху, первым успеет взять нож и поставит точку.

От слабости и напряжения начала кружиться голова — деревья поплыли, завертелась земля, ноги подкосились. Но и бывалый зэк явно начал уступать, а его лицо исказилось от бессильной злобы.

Вдруг он резко сник и начал оседать на землю, как мешок. Я отпрянул от неожиданности и увидел перед собой Баклана. Оказывается, он ударил по тмени Пахана увесистым суком.

Измощенный, я бессильно присел на землю. Баклан взял нож Пахана и быстро вонзил ему в горло. Хлынула кровь, амбал захрипел, содрогнулся несколько раз и замер. Мы с Бакланом молча переглянулись.

Баклан развел огонь. Запах дыма и треск горящих сучьев вселял надежду. Я сидел у огня и смотрел вдаль, вглубь тайги. Впереди была неизвестность и, скорее всего, голодная смерть. А рядом куча мяса и огонь.

Баклан, не глядя в мою сторону, подошел к труп. Вначале он обыскал его карманы и вещмешок. Нашел немного табака, коробку спичек и... пачку соли! Он многозначительно посмотрел на меня, держа ее в

руках. Без слов поняли друг друга — Пахан заранее запасся, чтобы солить мясо Баклана!

Баклан, страшно оскалась, начал разделять труп.

Я видел много пролитой крови и смертей. Шагал по трупам в разгар боя, шлепая кирзачами по луже людской крови, кричал и стрелял, чтобы пролить еще больше этой самой крови. Но то было другое...

Сейчас я должен был съесть человеческое мясо, чтобы самому остаться в живых. Тайга затаила дыхание и давила своим молчанием.

Голод овладел всем моим существом и начал управлять разумом. Мертвый человек начал казаться уже не человеком, а просто кучей мяса. Представил себе, будто мы зарезали животного. «Возьми, раздели и съешь! Иного выхода нет!» — властно диктовал внутренний голос.

Каннибалы убивают людей по необходимости, только для того, чтобы съесть и выжить самим. В этом плане они похожи на нормальных людей, которые забивают скот для пропитания. А короли, цари, фюреры, президенты, генералы, отправляющие миллионы людей на кровавую массовую бойню? Да по сравнению с ними самый кровожадный каннибал кажется большим гуманистом.

Схватив нож, долго смотрел на труп. С чего начать, с какой части? Может, отрезать для начала руку? И тут перед глазами появилась обезумевшая девочка из мертвого аула. Я резко отпрянул. Мне так хотелось убежать отсюда — бежать без оглядки. Но не смог. Не было сил двинуться с места. Что-то приковывало меня к трупу только что убитого человека.

Баклан становился хищником на моих глазах.

Пахан заранее спланировал, подготовился, чтобы в случае смертельного голода резать его и съесть. Но судьба распорядилась иначе, и теперь Баклан собирался зажарить его самого. Но я не мог этого сделать. Я молился Всевышнему, призывал на помощь духов моих предков. Вдруг ясно понял, что теперь нам с Бакланом не по пути. После смерти Пахана рано или поздно мы перегрызем горло друг другу. Голод превратит нас в зверей. Я молча встал и пошел.

— Ты чё, охренел? — прохрипел вдогонку Баклан. — Помрешь ведь с голоду! Он-то нас спокойно зарезал бы и съел! Вернись! Мы спасемся вместе!

Я не ответил ему и молча продолжал идти.

— Ну и хрен с тобой!

Мне казалось, что Баклан зарычал. Осторожно бросил беглый взгляд назад. Баклан с остервенением резал труп ножом.

Не знаю, сколько времени блуждал я по лесу. Наконец вышел на поляну. Шатаюсь от бессилия, все шел и шел вперед. До сих пор не могу понять, но кажется, какие-то таинственные силы вели меня, не давая упасть.

Я шел, уже абсолютно запутавшись, потеряв всякий ориентир. Везде были деревья и только деревья. Казалось, они с холодным безразличием ждут, когда упаду и под каким-нибудь из них останусь навеки. В голове шумело, в глазах помутнело, я уже почти терял сознание. Местами приходил в себя, будто выплывая из тумана, затем снова впадал в забытие. Думал, это конец. Помолился Аллаху, приготовился к смерти, но все еще по инерции шел...

Милость судьбы

Неожиданно я увидел человека, идущего впереди!

Он двигался в моем направлении, но сворачивал чуть вправо. Откуда появился — загадка. Шел так легко, как будто скользил по густому травяному покрову леса. Его белая одежда, похожая на чапан — казахский халат, развевалась на ходу. Он шел, не оборачиваясь, я хотел окликнуть его, но не мог произнести ни звука. Боялся, что он не заметит меня и вскоре уйдет далеко. Стараясь не отстать от него, приложил все силы, чтобы прибавить шагу, но, спотыкаясь от бессилия, упал. Когда поднялся, незнакомца и след простыл. Перед тем как упасть, заметил, что он прошел между двумя большими соснами, я тоже по инерции поплелся в ту сторону.

И тут увидел зайца.

Оторопев сначала, быстро взял себя в руки и начал подкрадываться. Но разве можно запросто поймать зайца? И, о чудо, заяц был в капкане!

Если капкан, то, значит, и люди где-то рядом! Но в тот миг не до этого было! Я быстро схватил испуганного зайца, прошептав «бисмиляхи», зарезал его. Быстро развел огонь, разделал зайца и, поджарив, начал есть...

Мне тогда казалось, что я никогда не ел такого вкусного мяса. Пока ел, вспомнил давнюю картину голодной години: незнакомца, умершего в степи от голода, так и не дотянувшегося до замерзшего суслика! А ведь я тоже мог умереть так. Стоило пройти в нескольких шагах от зайца! Уму непостижимо — в глухой тайге попасть прямо на зайца в капкане! Веря и не веря своему счастью, мысленно поблагодарил Всевышнего и аруахов, духов моих предков. Да, не простая случайность все это! Уже сколько раз смерть была буквально рядом, но в самый последний миг каким-то таинственным образом приходило спасение. Вера воодушевляла, и я воспрял духом.

Поев, я заснул мертвым сном.

Не знаю, сколько времени прошло, но проснулся от какого-то странного ощущения. Когда приоткрыл глаза, передо мной стояла женщина с ружьем!

Вначале подумал, что мне это мерещится.

Нет, это была действительно женщина. Она заговорила по-русски:

— Эй, кто ты?

Я молча глядел на нее, с облегчением понимая, что это спасение.

— Эй, старик! Отвечай живо!

Она вскинула ружье.

— Сдаюсь! — вымолвил я наконец.

Она подошла ближе и стала задавать мне вопросы: кто, откуда, какими судьбами?

После короткого допроса она повела меня за собой. Мы недолго блуждали по таежным тропам и пришли в маленькое поселение. Поселение состояло из нескольких дворов — старых, заброшенных. Некоторые избы уже разваливались.

Мы вошли, судя по всему, в ее избу. Она молча приготовила чай. Глотнув горячий напиток, я удивился необыкновенному вкусу.

— Пейте на здоровье. Это травяной чай.

— Спасибо! Вы спасли меня!

Ответ был поразительным.

— Спасенный спасает спасителя! Это вам спасибо!

Ее звали Татьяна. Она была красивая, крупная сорокалетняя женщина со светлыми волосами. Ее движения отличались силой и гибкостью. Мы разговорились, привыкая друг к другу.

Татьяна рассказала, как попала сюда. Оказывается, они с мужем во время репрессий в тридцать восьмом попали под колпак и, опасаясь ареста, бежали из Омска в небольшой поселок в сибирской глухомани, к бабушке.

— Через год, когда энкаведешники все-таки прорылись, что мы живем в глухом районе и начали плести вокруг нас свои сети, бабушка подсказала нам, что надо бежать в тайгу. Она знала, что в этих краях есть несколько поселений, и посоветовала пожить там несколько лет до лучших времен. Мы подготовились, оставили сына и дочку у нее и тихо улизнули прямо из-под носа ищеек Берии. Легенда бабушки для них была такова: «Ушли в тайгу за грибами, да так и не вернулись! Заблудились, наверное!» Ну, естественно, кто будет искать в глухой тайге двух врагов народа? Да и время такое, на все рук не хватает. А мы долго блуждали по тайге, прошли не меньше сотни километров. У нас было ружье с патронами, продукты. И наконец, случайно наткнулись на это поселение староверов. Они, оказывается, еще в прошлом веке ушли в тайгу от религиозных притеснений. Старушки сказывали нам, что больше века жила здесь их община, оторванная от остального мира. Когда мы пришли сюда, их осталось совсем мало — несколько дворов и всего девять человек. Со временем все померли, кроме одной бабушки.

Татьяна немного помолчала. Потом тихо сказала, что год назад, осенью, внезапно скончался ее муж.

А весной умерла старушка, последняя спутница и опора. Татьяна осталась совсем одна в бескрайней, непроходимой тайге.

— Я русская, и муж у меня был русским, — говорила она. — Оба православные по рождению. Но в школе и в институте нам вдалбливали, что Бога, Творца нет! Есть только вечная материя, которая была всегда, переходит из одного состояния в другое и никогда не исчезает. Дома бабушка твердила: «На все воля Божья!» Вот теперь решайте сами, какой вере принадлежу я?! Ведь не исповедую христианство как полагается, хотя верю в Создателя. Заколдовали нас советский атеизм со своим материализмом, что поделаешь.

Посмотрев в старенькое маленькое зеркальце, я невольно вздрогнул и понял, почему Татьяна назвала меня стариком. Уже забыл, когда в последний раз смотрелся в зеркало. И то, что увидел, поразило. Изможденный, обросший, покрытый сединой морщинистый облик стареющего человека лишь слегка напоминал родное приятное лицо! А ведь мне было всего пятьдесят лет, и я никак себя стариком не считал.

Первые несколько дней я спал как убитый. Наверное, после госпиталя так не спал. Таежная тишина, чистый воздух и покой — что еще нужно измученному человеку. Самое главное, здесь не было ни войны, ни лагеря, ни особистов, ни паханов! Не было никакой власти!

Но не было и людей! Об этом начал думать потом, спустя некоторое время. А в начале хотелось отдохнуть и забыться, забыться и отдохнуть!

Случившееся со мной было милостью судьбы. После стольких лет адских испытаний вдруг оказаться в тихом таежном селении, где вокруг девственная природа, тишина и покой! Приходил в себя долго.

В то время мое положение было незавидным — бежал от одной смертельной опасности к другой. Даже если вышел бы из тайги к какому-нибудь городу, станции, все равно пришлось бы отвечать на вопросы властей — кто, откуда, какими ветрами? А это был почти идеальный вариант спасения — приютиться в затерянном таежном мирке!

Сколько лет искал покоя! Иногда мне так хотелось убежать, улететь куда-то, за океан, в джунгли, в небеса, лишь бы не видеть все это безумие человеческое, насилие и кровопролитие! Эта мысль манила в неизвестность. И вот те на! Хотел спрятаться от властей, от общества, а оказался в глухой тайге. Почти абсолютная тишина успокаивает. Таежный чистый воздух дает силу. Шелестит девственный лес, умиротворяя душу. Кажется, здесь остановилось время. Живи и восстанавливайся. Избушка, срубленная из сосен, стала жилищем. Приветливая, добрая женщина рядом. Но не было покоя в душе. Я думал, как всегда, о своем родном очаге, о детях, о родном крае. Затем привык к новой жизни, принял ее такой, какая она есть, и успокоился.

Мы с Татьяной беседовали часто и подолгу. Рассказывали друг другу историю своей жизни, обо всем

увиденном и пережитом. Со временем очень сблизилась и полюбила друг друга.

Постепенно я начал приходить в себя, хотя до полного восстановления было далеко. Но зима была на носу, и надо было подготовиться как следует. Я осмотрел все имеющиеся орудия труда.

У нас имелись старые, но еще вполне пригодные топоры, ломы, лопаты. У Татьяны было ружье с несколькими патронами.

— Давно не стреляли, патроны берегли! — сказала она. — Охотились в основном капканами!

Первым делом мы собрали урожай пшеницы и картофеля. Запасы продуктов положили в погреб. Оказывается, кержаки бережно относились к семенам, берегли их как зеницу ока до следующего посева в своих сусеках и погребах.

Питание наше не отличалось многообразием. Но Татьяна умела приготовить одни и те же продукты по-разному. Пекла хлеб, готовила картошку в мундире. Иногда попадали в капкан зайцы, и это был праздник.

Одним из основных питательных и целебных продуктов Татьяны была пророщенная пшеница. Кто бы мог подумать, что пшеница, прорастая, пробуждает столько жизненных сил!

— Отсутствие соли, сахара, жира, чая — не беда. Считайте, что это благодать! — настраивала на оптимистический лад Татьяна. — Целители считали, что для здоровья и долголетия надо исключить из питания жирное, сладкое, соленое и жареное. Так вот вам возможность очищать и оздоравливать себя! Моя бабушка была сибирской целительницей, травницей. Она знала столько народных рецептов от всяких болезней, что можно было бы написать несколько книг. В свое время я записала их, сколько смогла. Да и о пользе всех трав для здоровья, для долголетия она рассказывала удивительные вещи! Она научила меня многому, привила любовь к природе. Говорила, что тайга — кладезь здоровья и питательных веществ, что сведущий человек никогда не умрет от голода в ней. Все, что вокруг нас, — все полезно! Только в меру! Надо знать меру во всем, и если превысить дозу, лекарство станет ядом! А в меру — даже яд лечит! Дары природы очищают и оздоравливают человека, но мы часто не придаем этому значения.

Татьяна умела находить лечебные травы и даже из иголок и шишек сосны и карликового кедра умудрялась готовить лечебные настойки. Она могла часами рассказывать о целебных свойствах растительного мира, бережно относилась к каждому пучку травы, каждому зернышку, орешку и яголке, высушивала их на чердаке, готовила запасы на зиму. Мне, потомку кочевников-животноводов, все это казалось фантастикой.

— Казахи никогда не ели трав! Траву едят наши лошади, верблюды и коровы, бараны и козы, соби-

рая для нас витамины и полезные вещества по всей степи. Мы едим их мясо и впитываем все это через него. Но вот ты, волшебная целительница, напоила кочевника, как коня, травяной водой! — пошутил я однажды. Она лучезарно улыбалась, и в избе становилось светлее и теплее.

— Мужчины калечат, женщины — лечат! — восклицал я.

— Женщины как огонь, или исцеляют, или испепеляют! — отвечала она.

Моя спасительница, волшебница-целительница не только лечила, но и открыла для меня неизвестный мир, новый образ жизни.

Татьяна нашла у меня кучу болезней, о существовании которых я вообще не подозревал. Такие болезни, наверное, и не снились моим предкам.

— Война, лишения, лагерь, однообразное, скудное питание и постоянное нервное напряжение свалили бы даже слона. Удивительно, как ты выдержал все это и остался жив-здоров, — восклицала она.

И сама же отвечала:

— Наверное, естественный отбор, суровый, но здоровый образ жизни на природе, натуральное питание и постоянное движение, верховая езда в степи, чистота крови и души, вера и спокойствие кочевников дали тебе ту духовную и телесную силу, благодаря которой ты выстоял под такими ударами судьбы!

Татьяна поведала о том, что человек должен думать о своем здоровье и стараться жить правильно, оберегая себя. Это было для меня открытием. Я начал понимать суть здорового образа жизни. Правильное питание, оздоровительное дыхание, постоянное движение и душевное спокойствие. Не есть соленого, сладкого, жирного и жареного.

И запомнил главный, золотой закон, завещанный многими поколениями мудрецов разных народов, начиная с древности, и хорошо забытый цивилизованными людьми — все полезно в меру! Тут приходит на память девиз Солона из Эллады: «Ничего чрез меру!» И звучит в ушах голос отца, который в детстве баловал нас, но когда мы начинали перебарщивать, приструнивал, приговаривая постоянно: «В меру, детки, в меру! Все прекрасно в меру!»

Я бросил курить. Бросил навсегда. Во-первых, махорка закончилась, а во-вторых, Татьяна так живописно описала вред от курения, что захотелось поскорее забыть о никотине.

...Вскоре наступила зима.

Помню первый день зимы в тайге. Шел снег. Он валил большими, пушистыми хлопьями. Мне казалось, что сама чистота опустилась на землю. Тишина стояла удивительная. Я буквально замер и раскрыл ладони. Снежинки нежно садились на мои заскорузлые, мозолистые руки и таяли. Я вспомнил родной Кокшетауский край, вспомнил, как встречали пер-

вый снег в детстве. Подумал, вот моя мать, мои дети, жена, родственники, земляки стоят под открытым небом и тоже, наверное, ловят белые пушинки! А ведь снег для всех снег, и ловят его на ладошки и наши, и чужие, дети и старики, коммунисты и фашисты, мирные люди и бандиты. Наверное, каждый чувствует свое, что-то особенное, но есть же что-то общее у всех. Да, матушка-природа одинаково относится ко всему человечеству, но мы, люди, по-разному относимся к ней.

А снег в тайге особенный. С каждым шагом он хрустит под ногами, словно разговаривает с тобой. И этот его глас подбадривает тебя, придает какую-то силу, дает знать, что ты не совсем одинок в безбрежной, непроходимой тайге. Еще он похож на раскрытую, пока еще не написанную книгу.

— Зима здесь долгая! — сказала Татьяна. — Снегопад — ой-ёй-ёй! Аж до крыши насыпает! Но бурана нет, тайга ветра не пускает — тишина аж звенит! Зато морозы лютые!

Через несколько недель настоящая таежная, лютая стужа охватила железными объятиями всю природу. Земля покрылась толстым, непробиваемым слоем белого, как сахар, холодного снега, сосны скрипели от мертвой хватки мороза, а сучья ломались с треском. Высокое, холодное небо безразлично взирало на нас свысока, а воздух тихо звенел. Казалось, он стонет вместе с тайгой.

Часто по ночам мы смотрели в звездное небо. Звезды здесь были яркие, крупные, как будто ближе, чем в других местах, к земле. Так казалось оттого, что кругом была непроглядная тьма. Иногда пролетал метеорит, разрезая и озаряя своим бликом на миг темно-синее небо. Такие мгновения радовали нас — мы чувствовали свою причастность к чему-то высокому, таинственно-великому.

Нам очень хотелось выжить. Но также хотелось просто жить, оставаться человеком.

Чтобы победить скуку, тоску, да и просто не сойти с ума от однообразия, мы планировали каждый день. Рассказывали друг другу что-то новое из своей биографии, об увиденном и пережитом.

Мы не только рассказывали истории, но и давали волю простой болтовне. Бывало, отойдешь от дома, видишь медведя, притаившегося за сосной. Стоишь как вкопанный, сжимая рукоятку топора от страха, всматриваешься, ан нет, это не медведь, а волк. Ну, с волком-то легче справиться. А затем помотришь повнимательнее, и вот те на — никакого волка нет и в помине, а просто кустик какой-то! И смеемся над этим. Или рассказываем, затягивая рассказ как можно дольше, как сходили за водой, как ведро застряло в колодце, как встряхивали веревкой, как наполнилось водой, и как вытаскивали драгоценную воду. И такая болтовня расслабляла, забавляла нас, и мы смеялись от души.

Зимой делали горку, заливали водой и катались, как в детстве. Вспоминали детство, даже на некоторое время забывали реальность и становились настоящими детьми. Это не только забавляло, но и оздоравливало телесно и психологически. Мы смеялись громко, как дети, визжали от радости. Стесняться было некого — кругом тайга.

Такая психотерапия нужна была позарез. Долгие годы, проведенные в напряжении, на грани жизни и смерти, оказывается, основательно избороздили нервную систему. Раньше особо не замечал душевных потрясений — просто на это не было времени. Калейдоскоп событий, одно страшнее другого, не оставляло времени на остановку, на осмысление происходящего. Мы как бы все время бежали без оглядки в сумасшедшей, смертельной гонке. А теперь, когда все осталось позади, когда наступил покой, все это стало терзать с новой силой. Все пережитое проходило перед глазами, чередовались воспоминания и снились кошмары тридцатых годов — голод, репрессии, бессмысленная мясорубка войны и безумная жестокость лагеря.

Ночами в голове грохотала война. Нервы были истощены, я стонал во сне, бредил и часто, вскрикнув, просыпался среди ночи. Татьяна терпела и успокаивала добрыми словами. Мне повезло с ней, она с пониманием относилась к моим переживаниям и помогала не только добрым словом, но и лечила травяными настоями.

Но пережитое настолько глубоко врезалось в душу, что вытравить его было невозможно. Когда я рассказывал о своей жизни, о карательных операциях царских отрядов в казахских аулах, о Малом Октябре — голодоморе и геноциде нашего народа, о репрессиях тридцать седьмого и военной мясорубке, о лагерных мучениях, из глаз Татьяны текли слезы. Выговорившись, мне становилось легче.

Со временем я начал приходить в себя.

Увидев, что ружье одно, да и то старое, патронов мало, я всерьез задумался об оружии для охоты и самообороны. Я долго старался и наконец сделал лук. Вернее, два средних лука — для себя и для Татьяны. Стрелы изготовил из тонких веток. Вот тут-то пригодились редкие старые гвозди, которые находили и вытаскивали из почти сгнивших досок и бревен развалившихся домов и сараев. Приложив некоторые усилия и проявив терпение, удалось прикрепить гвозди к веткам, и стрелы были готовы. Мы начали учиться стрельбе из лука, и это было очень интересно. Стрелы летели со свистом и — тюк, втыкались в снежный ком или в дерево. Конечно, из такого лука и с такими стрелами не убить волка, тем более медведя, но завалить зайца или птицу вполне можно. Самое главное, мы с азартом учились стрелять как можно дальше и точнее. Этим заполняли пустоту времени.

А время в тайге шло по-другому. Долго тянулись часы, удивительно медленно, как бы нехотя, сменялись дни и ночи. Мы много времени проводили на природе. Изучали окрестности, искали пути выхода из тайги.

Татьяна говорила, что сам Бог прислал меня. Если бы не я, как она одна пережила бы в глухой тайге такую суровую зиму?

Я вспомнил и рассказал ей о Татьяне, которую знала вся степь. Абай перевел письмо Татьяны из поэмы «Евгений Онегин» Пушкина, степняки пели эту песню.

— Ты будешь моей Татьяной! Ты тоже особенная! — говорил я ей.

Она зарделась и вся просияла.

Долгими зимними вечерами мы начали рассказывать друг другу сказки, легенды, притчи, все, что знали. Рассказывали про свою жизнь, про людей, о пережитом. Бывало, повторялись, вспоминали, заново переживая те или иные события. Это было здорово, освежало память, помогало оставаться человеком.

— Когда выйдем из тайги, заберу тебя с собой! — говорил я Татьяне совершенно серьезно.

— И что дальше? Как жить-то буду там? — вопрошала целительница.

— Как что? Будешь моей женой, будешь лечить людей!

— Но у тебя есть любимая Халима!

— А ты будешь токал — второй женой!

Это предложение Татьяна не воспринимала всерьез. Она даже не могла понять и смеялась надо мной.

— Нет, это дикость какая-то! Ни за что не соглашусь! Лучше ты оставайся со мной! — говорила Татьяна. — Если любишь — останешься!

— Люблю, поэтому заберу с собой! Но ни за что не останусь!

— Как любишь? А Халима?

— Я вас обеих люблю!

— Не понимаю, как можно любить сразу двух женщин?!

— Была бы мужчиной, поняла бы! — подтрунивал я. — Вот, смотри: львы имеют свой прайд, жеребцы — косяк. Да все в природе правильно, естественно. Только мы, цивилизованные люди, нарушили законы природы и установили свои, искусственные.

Она засмушалась.

— Не уговаривай, не соглашусь ни за что!

Мы обнялись, и слышно было только биение сердец.

Мне очень нравилось разжигать огонь в печи. Это было целое искусство, украсившее нашу однообразную жизнь.

Сначала аккуратно складывал высушенные ночью щепки, затем сверху накладывал несколько дров покрупнее и разжигал огонь. Когда огонь разгорал-

ся, сидел у печи и долго-долго смотрел на огонь. Языки пламени весело играли в свою горячую игру, сыроватые, замороженные дрова шипели, а затем с треском начинали гореть. Я видел много огня, можно сказать, горел в огне. Но этот огонь был совсем другим. Он был мирный. Глядя на языки пламени, я вспоминал свой далекий дом, тосковал по родному очагу.

Несколько раз, летом, мы пытались выбраться из тайги, найти людское поселение. Готовились, запасались продуктами. Потом выходили в путь, делая топором зарубки. Ничего не выходило, и мы возвращались назад.

Почти три года прошли в тайге. Три долгих зимы пережили вдаль от людей. Только вдвоем. Но я верил, что когда-нибудь выберусь отсюда. Закончить свой век вдаль от родного края не хотелось. Мы готовились к последнему путешествию через тайгу.

У меня была одна-единственная цель и мечта — дойти до родной земли, переступить порог своего дома, увидеть мать, детей, жену и родственников, разделить с ними кусочек баурсака — хлеба, и можно умирать. Лишь бы дойти до дома, сказать слова прощания родным и улечься в могилу на родной земле! И ничего не пугало! Никакие энкаведешники, особисты, фашисты, шовинисты мне больше были не страшны! Домой, домой, домой! Этот властный зов звучал все сильнее и сильнее, не давая покоя моей, казалось бы умиротворенной, излеченной душе.

...На третий год, как только наступило лето, мы тронулись в дальний путь. Риск был большой: впереди лежала глухая тайга и опасная неизвестность. Но и нам не хотелось отступать. Больше жить здесь и ждать мы не могли.

Шли непрерывно, день за днем, ориентируясь по солнцу и звездам. Так прошло несколько недель. И чудо... Наконец-то мы вышли из тайги!

А еще через несколько дней добрались до поселка, где жила бабушка Татьяны. Она была еще жива, было ей уже хорошо за восемьдесят. Но она прекрасно выглядела, двигалась энергично — целительница! Дети Татьяны уже выросли. Трогательная была встреча родных через четырнадцать лет — они радовались и плакали. На мои глаза тоже невольно навернулись слезы.

Недельку прожил у них. Но пришло время прощаться.

Бабушка и ее дети поблагодарили меня за спасение и поддержку Татьяны, я благодарил их за то же самое.

Татьяна проводила меня до окраины. Долго не могли проститься. Отойдя довольно далеко, оглянулся — она все еще стояла у дороги. Она помахала мне ручкой. Я ответил тем же. Мы оба понимали, что расстаемся навсегда.

Такова жизнь — состоит она из встреч и расставаний, и мы, люди, взаимосвязаны незримыми нитями судьбы.

Почти целый год продолжалось мое мытарство. Бродил по вокзалам, станциям, селениям, по степи. По дороге я узнал о смерти Сталина. Не знаю, но, кажется, на душе стало легче и появилась надежда на спасение.

Железное благо

Когда приехал в родной край, никто меня не узнал. Даже сам толком не понимал, кто теперь я — фронтовик или преступник?

Отправился на фронт сорокалетним мужчиной из города Степняка, а вернулся пятидесятичетырехлетним пожилым человеком в аул посреди койтасов. Многие знакомые уже умерли или разъехались кто куда. У всех была своя трагедия, раны войны еще кровоточили, и людям было не до других. Проблем хватало и у властей, началась целинная эпопея, так что никакого интереса ко мне ни у кого не возникло. Наша семья в начале войны переехала в аул посреди койтасов, к старшему сыну, табунщику Кабдошу. Они мне писали об этом на фронт, поэтому я точно знал, куда идти.

Я пришел домой вечером.

Когда тихо вошел, Халима пекла баурсаки в казане — котле у печи. Она не сразу заметила меня, и я тихо окликнул: «Халима! Халима!»

Халима подняла голову, посмотрела на меня, да так и застыла. Затем обняла меня и зарыдала. Долго, долго плакала она, прослезился и я. Выплакавшись, она пришла в себя.

Пришли дети. Радости не было предела. Все казались счастливыми безмерно.

Но время брало свое. Мать, оказывается, умерла четыре года назад. Ей было семьдесят два года. Я, испытанный воин, пожилой человек, всегда чувствовал себя маленьким ребенком, пока была жива мать. И вот вмиг почувствовал себя стариком. Халима утешала как могла:

— Она верила, что ты вернешься! Переживала, когда после победы от тебя не было ни весточки! Чувствовала, что с тобой случилось что-то страшное! Но говорила, что видела сон, что ты жив. Молилась Аллаху за тебя и Салима! Все время просила Всевышнего взять ее в жертву, лишь бы вы остались в живых!

Я поведал Халиме о своем вешем сне. Потом вспомнил, как бродил в тайге на грани голодной смерти. Мы начали анализировать и пришли к выводу, что мать умерла примерно в то же время, когда меня спасла Татьяна. Неспроста все это, заключили мы, и сели за дастархан — круглый стол, я прочитал суру

из Корана, посвятив ее духам родителей, родственников, предков и святых Марал ишана и Салык муллы.

Мне пришлось некоторое время скрываться в ауле. Благо, аул в койтасах был затерян в степной глубинке и лежал вдали от райцентра — города Степняка — почти в двухстах километрах. Этот край был на границе нашей области, а дальше начинались окраины другой, Павлодарской области. И там на несколько сот верст почти не было населенных пунктов, и таким образом, наши овцекамни были полузабыты, считались районами бесперспективными. Там практически не было Советской власти, потому что уклад жизни был старинный. Люди в основном занимались скотоводством.

В ауле было тихо и спокойно. Не было рыскавших по степи в поисках врагов народа салпанкулаков и агентов. Во всем чувствовалось какое-то смягчение, ослабление железных клещей власти. Понятное дело, после смерти Сталина наступило другое время. Смерть вождя, по существу, спасла миллионы людей, в том числе и меня.

На первое время, на всякий случай, жена вручила мне документы двоюродного брата Тахтауихана, умершего в начале войны. Началась война, властям было не до него, и его смерть не была задокументирована нигде. По документам он числился в живых! Его никто не искал. С его документами чувствовал себя спокойнее, хотя никто и не искал меня. А от любопытных аульчан умело скрыл историю о плене и бегстве из лагеря, объяснив свое позднее возвращение участием в боях с японцами, лечением от ран и воинской службой. Они даже не подозревали, что я присвоил себе имя двоюродного брата. В степи годами никто не проверяет документов, и наша легенда была просто подстраховкой.

Когда я вернулся, моей жене Халиме было уже сорок семь лет. Она одна растила пятерых наших детей и терпеливо переносила все невзгоды лихолетий.

Наши дети стали взрослыми, дочери вышли замуж, сыновья женились. Внуки бегали вокруг дома, звонкие голоса наполняли радостью наши сердца.

Много джигитов из нашего рода не вернулись с фронта. Некоторые погибли, так и не успев обзавестись семьей, не оставив потомства. А вдовы несли свою трагическую судьбу, скрывая слезы.

Сноха Каримжана Рахия, оставшись вдовой, даже слушать не хотела о новом замужестве. Тяжелая доля выпала ее мужу, младшему нашему брату, сыну Каримжана. Он верой и правдой служил в государственных органах, добровольцем отправился на фронт в самом начале войны и пропал без вести. Двадцатитрехлетняя Рахия осталась с тремя детьми на руках. Мы потом только узнали, что наш любимый брат пал смертью храбрых в 1942 году.

Она сказала всем родственникам, что полюбила навеки своего мужа, погибшего в первые месяцы

войны, и только ему будет принадлежать в двух мирах. Никому не позволит войти в его дом хозяином. Не хочет, чтобы ее дети стали чьими-то пасынками. Попросила всех сородичей уважать память погибшего и больше не беспокоить ее по этому вопросу. Нежная, благородная женщина стала закаленной, как сталь, и растила детей.

Вдова еще одного двоюродного брата, милая Нагима, с двумя детьми долго, целых девять лет ждала своего любимого с фронта. Ждала и надеялась, а Халима, оказывается, скрыла похоронку, полученную в мае сорок пятого, накануне Победы. Не хотела убить зыбкую надежду бедняги. И только теперь, после моего возвращения, в пятьдесят четвертом году, мы вместе с сородичами сообщили Нагиме о героической гибели мужа.

Она горько оплакивала любимого мужа, до последнего верила и надеялась, что он вернется живым. Особенно ее надежда усилилась, когда вернулся я, тоже пропавший на целых девять лет без вести. Тяжело было видеть и слушать плач вдовы, заново пережить всю трагедию войны.

Прошло какое-то время, и вокруг нее начались всякие разговоры. Симпатичной, обаятельной женщине было всего тридцать четыре года. Некоторые овдовевшие мужчины начали свататься к ней. Но безуспешно. Тут есть одно очень важное обстоятельство: казахи никогда своих вдов не отдавали представителям чужого рода, дабы их дети не стали сиротами на чужбине. У казахов не было детских домов, и уважающий себя род никогда не бросал своих сирот на произвол судьбы, на попечение чужих. По закону степи, если у женщины умирает муж, то через год, после окончания траура, она должна выйти замуж за брата мужа. Если братьев несколько, женщина имеет право выбора. А если нет родных братьев, то на ней женился кто-нибудь из самых близких сородичей. Закон этот был суровым, но справедливым — род заботился о своем потомстве. Однажды родственники Нагимы приехали к нам и поставили вопрос ребром: либо — либо. То есть, или кто-то из мужчин нашего рода женится на ней, или они забирают ее. Вот такой поворот жизни! Дело в том, что все взрослые мужчины нашего рода погибли в кровавые годы. Остался я один, пятидесятичетырехлетний беглец из лагеря. А молодые были намного младше вдовы. Они были воспитаны в духе социализма, поэтому законы и понятия у них были уже другие. Да, некому было жениться по обычаю предков на Нагиме! А с другой стороны, не могли же мы отпустить ее с двумя детьми. Духи наших предков содрогнулись бы и не простили бы нам этого.

Вот тут моя многострадальная Халима нашла единственно верное решение. Она сказала, чтобы я женился на Нагиме.

Тогда с глубокой болью еще раз осознал, что от нашего рода из старших остался я один! Во-первых, я был уже пожилым человеком, во-вторых, у меня была своя семья. А двоеженство в советском обществе осуждалось морально как пережиток прошлого и по закону считалось преступлением.

— А мы перехитрим такой закон! — твердо сказала Халима.

И я втихаря женился на Нагиме, обойдя советские законы. Мулла по шариату объявил нас мужем и женой. Мы в ЗАГС не обращались. А на всякий случай, если потребовалось бы, у меня были документы давно умершего брата! Официально я был не я! По закону, был мужем только Халимы, а мужем Нагимы был покойный Тахтауихан!

Получается, мы, казахи, не могли, не имели права жить по своим обычаям. Нам навязали абсолютно чужой закон, которому мы обязаны были подчиняться.

Почему одни народы диктуют другим свои законы? Что поделаешь, мы терпели и жили.

Мой старший сын Кабдош родился в 1927 году, а после него родились еще двое сыновей и две дочери. Сызмальства им пришлось пережить общенациональные трагедии — голод тридцать второго, репрессии тридцать седьмого. А затем война, самая страшная за всю историю человечества. Когда я уходил на фронт, Кабдошу было четырнадцать, остальным и того меньше. Самому младшему было всего три года — это он родился в том тридцать восьмом году, когда меня арестовали. Время взвалило на детские плечи такую ношу! Но они выдержали. Потом, когда вернулся домой, дети взахлеб рассказывали о пережитом.

Во время войны в казахские степи депортировали много людей разных национальностей со всего Советского Союза, в том числе немцев из Поволжья. И вот, несколько семей немцев попали в наш аул. А затем старших как врагов народа быстро отправили в Карлаг. Оставшиеся несколько женщин и дети жили в ауле — добрые казахи помогали им, как могли.

Судьба, что поделаешь! Получается, пока я воевал с немцами, родственники приютили немцев. Среди них была девочка Полина. Когда подросла, Полина стала высокой, стройной красавицей, и мой старший сын Кабдош, табунщик-коневодец, эдакий степной батыр-богатырь, страстно влюбился в нее. Весь наш род был против этого брака — она не была казашкой, мусульманкой, а самое главное — она была немкой! Слишком глубоко сидела обида и ненависть к фашистской Германии в сердцах и памяти людей, поэтому никто не одобрил этот выбор молодого табунщика. Вот так столкнулись было лбами Кабдош и жители аула, каждый твердо стоял на своем, но судьба опять обыграла всех. Полина оказалась

беременной, и теперь всем пришлось искать компромисс. И решили аксакалы, что если Полина примет ислам, то быть ей снохой нашего рода. Пригласили Абсаляма-хаджи, и Полина приняла ислам и новое имя — Мариям. После этого хаджи совершил религиозный обряд бракосочетания, а Кабдош и Мариям стали мужем и женой.

Я так хотел держаться подальше от немцев и русских! Но жизнь распорядилась иначе.

Волею судьбы немецкая девушка Полина стала казахской снохой Мариям, затем стала матерью казахов. Она родила десять детей — пятерых сыновей и пятерых дочерей. Ей было присвоено высокое звание «Мать-героиня». Она вместе с мужем Кабдошем летом жила в степи, в юрте, была верной помощницей в трудной и романтической работе табунщика. Они вместе с детьми пасли сотни голов лошадей на просторах Кенаши, стали Героями Труда и прославились на всю республику. Мариям доила кобыл, и приготовленный ею кумыс — целебный напиток из кобыльего молока — считался одним из лучших на Кокшетаушине. Однажды молодая казашка, направленная руководством совхоза в помощницы, неумело подоила кобылу. Говорят, увидев ее, Мариям воскликнула по-казахски: «Посмотрите на нее! Она доит кобылу стоя, как немцы и русские!» Народ хохотал над ее словами! Да, казахи законно считали ее своей! Она говорила по-казахски удивительно образно, с интересным немецким акцентом. Старшая из снох, она беспрекословно уважала меня и Халиму, называла ата — дедушка и апа — бабушка. Вначале я относился к ней более чем сдержанно — не мог забыть образ врага-немца. Но, время — великий лекарь, и Мариям своей добротой и честностью добила большого уважения, а любовь к внукам вовсе растопила мое сердце. И Мариям заняла достойное место в нашей семье.

Ее девичья фамилия была Сауэр, и казахи подшучивали: «Сауэр — сауыр болды, баринен тауыр болды, немес — казак бауыр болды!» — «Сауэр пришла, как апрель-весна, оказалась лучше всех, и казахи с немцами стали братьями!»

...В тысяча девятьсот пятьдесят пятом году вышел указ Верховного Совета СССР об амнистии военнослужащих, бывших в плену у немцев, осужденных на различные сроки. Благодаря этому указу я был оправдан, восстановлен в правах инвалида войны, мне вернули боевые награды и назначили пенсию по инвалидности. Вдохнув свободно полной грудью, я вступил в новый этап — в спокойную осень своей жизни.

Вскоре, в шестидесятом году, мы переехали в районный центр, город Степняк. В это время набирала обороты целинная эпопея — освоение целинных и залежных земель в Казахстане. Явление это нельзя характеризовать однозначно. С одной стороны, под-

няли край, построили новые совхозы в степи. Действительно, это была целая эпоха в истории двадцатого века. Но, с другой стороны, миллионы пришельцев нахлынули в Казахстан. Плуг железного коня — трактора перевернул землю, подрезал корни казахского древа жизни, а гусеницы перемололи почву — устою национальной самобытности, смешивая все в единое советское, социалистическое месиво.

И казахи стали меньшинством на родной земле. В нашей области, в районе мы составляли только одну треть от всего населения. Большинство стали русские, украинцы, белорусы и другие народы Советского Союза.

Был создан Целинный край, объединяющий пять целинных областей Казахстана — Акмолинскую, Кокчетавскую, Северо-Казахстанскую, Кустанайскую и Павлодарскую. Административным центром края был город Акмолинск, впоследствии переименованный в Целиноград. Край не хотел считаться с правительством КазССР, поскольку подчинялся напрямую Москве. Председатель Совета Министров Казахской ССР, истый казах Жумабек Ташенов своим сильным волевым решением заставил руководителя края признать власть республики, на чьей территории находился край.

Первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев как-то выразился о главной цели и сути целинной эпопеи. «Мы сделали плугом то, что не смог сделать царь пушкой!» — восторженно ликовав руководитель Страны Советов.

В народе легенды ходили о бесстрашном патриоте Жумабеке Ташенове. Говорят, Хрущев пригласил Ташенова в Москву. Он ласково поговорил с ним о дружбе народов, о территориальном единстве Советского Союза, и тихонько предложил передать Целинный край под юрисдикцию РСФСР — России! На что Ташенов деликатно ответил, что Казахстан — целая республика и ее территория неделима по Конституции! Хрущев раздраженно заметил, что все мы — единый Советский Союз, и все, что принадлежит республикам, является собственностью СССР! Просто по Конституции, для формальности, нужно постановление республиканского Совета Министров о присоединении Целинного края к РСФСР! И потребовал довольно резким тоном, чтобы Ташенов беспрекословно исполнил волю первого руководителя страны! Иначе его запросто могут выкинуть с высокого поста. Но Ташенов, глыба, герой, непоколебимо встал на защиту родной земли и сказал, что даже постановка такого вопроса на повестку дня противоречит Конституции и закону СССР!

Хрущев был человек крутого нрава и разразился громом и молниями. Все боялись его. Он угрожал Ташенову и говорил: «Мы не нуждаемся в постановлении Совмина республики, можем вынести решение на союзном уровне прямо в Москве!»

Но Ташенов был тверд и ответил Хрущеву: «В таком случае я подам на вас в международный Гаагский суд!»

Хрущев ничего не смог поделывать, не смог проглотить казахскую землю. В ярости он снял с должности Ташенова и устроил гонения. Но Ташенов выстоял и еще при жизни стал легендарным народным героем! И вся пропагандистская машина компартии и советской власти не смогла очернить эту легенду!

При Хрущеве была спущена команда сверху: каждая казахская семья имела право держать только одну лошадь или корову и три барана. И опять над нашим народом сгустились тучи, всем казалось, что тени прошлого нависают над степью. В страхе некоторые зарезали лишний скот: «Да хоть поедим мяса вдоволь, а там будь что будет!» А многие переписывали лишнюю голову на имя родственников, у которых не было скота. Помню курьезный случай. Мы спрятали одну корову у дальних родственников, живущих по соседству. Тут приезжает уполномоченный на велосипеде проверять наличие скота. Это был русский мужик, немного подвыпивший. Мы показали свой двор, он осмотрел и все аккуратно записал в кожаную толстую тетрадь красным карандашом. Вежливо распротился и вышел. Во дворе родственника играли наши внуки. Он подходит к ним и спрашивает: «Корова есть?!» Дети были польщены, что такой большой начальник — русский обращается к ним с уважением и спрашивает о важном деле. Они наперебой, стараясь быть полезными, закричали: «Корова?! Есть! Есть, конечно!» И повели уполномоченного в сарай, где была спрятана лишняя корова. Но их путь преградила та самая вдова Рахия — хозяйка дома. Она говорит: «Коброба нету, коброба нету!» — и не пускает в сарай. И тут, как назло, корова как замычит во все горло! «Вот ты говоришь, нету, а она, коровушка-то, мычит!» — смеется уполномоченный. А Рахия не теряет и повторяет: «Коброба нету! Раз я говорю нету — значит, нету!» Покачал головой этот русский, видать, прошагавший войну, вздохнул глубоко, сел на свой велик и укатил дальше. О чем он думал, что чувствовал, нам не известно, но факт: корову все-таки не записал в свою кожаную тетрадь красным карандашом! И оставили нас в покое.

Время Хрущева еще запомнилось хлебными давками в магазине Конного двора.

За хлебом в магазине выстраивалась огромная очередь с раннего утра. Люди рвались к заветной полке магазина и дрались буквально за каждый метр. Кто покрупнее, посильнее, вытесняли остальных и добивались первыми, но получали всего по две буханки хлеба на руки. Завоза хватало только половине очереди, а оставшиеся без хлеба уходили, матеря всех лысых на свете.

Однажды моя внучка добровольно пошла за хлебом и попала в самую гущу разъяренной голодной

толпы. Ее чуть не раздавили, и она, еле живая, выбралась оттуда, пришла домой вся в слезах. На нее смотреть было жалко. И мы после этого никого из своих не пускали за хлебом и пекли его дома. Было и такое.

Степняк, хоть и имеет официальный статус города, больше похож на большой поселок. Он раскинулся во всю ширь, согласно своему названию, в степи, и как бы состоит из множества объединенных в одно целое аулов. Булак басы — Исток родника называется наш аул, а дальше — Абай, Ирмовка, Казуул-Казахский аул, Жоке аяк-Джукайяк, Капай, Кирпичный сарай, Шанхай, Центр, Октябрь, Первомайка, Конный двор...

В шестидесятые годы добыча золота уже заметно снизилась. Но элеватор работал в полную мощность, и его вентиляторы гудели на всю округу, особенно когда кипела уборочная страда.

В Степняке особенно выделялся Дом культуры. Он был интересной архитектуры — большая часть двухэтажная, а крайняя, сценическая часть — как бы трехэтажная, с высокой крышей. Построили ДК еще в тридцатые годы из камня и кирпича на славу. Сказывают, что в первый год после естественной осадки здания одна стенка дала трещину, и инженера осудили за это аж на двадцать лет. А Дом культуры до сих пор стоит! Народ ходит туда на концерты и в кино.

Общественная баня в Степняке была в центре. Одноэтажное здание, построенное давным-давно, было очень крепким и теплым. Баня имела два мочечных отделения — мужское и женское, парикмахерскую — и работала бесперебойно, точно по расписанию. Самое потрясающее — там продавали морс, газированный чудо-напиток. Золотистые пузырьки из граненого стакана взмывали вверх, заставляя ребятишек, затаив дыхание, делать большой глоток прохладной, освежающей чистоты и восхитительной сладости! Ни до, ни после степнякской бани я нигде не встречал такого отменного газированного напитка!

На стадионе проходили футбольные матчи на кубок района. В них постоянно участвовала команда Первой автобазы, которая была почти бессменным лидером района. С ними соперничали команды ДЮСШ, Второй автобазы и некоторые совхозные команды. И матчи были бескомпромиссные, азартные. Зрители разделялись на несколько групп и драли глотки, поддерживая своих любимцев.

Народ жил, трудился, развлекался и с надеждой смотрел в будущее. А будущее нам обещали светлое — коммунизм.

А мы жили в бараках, построенных где-то в тридцатых, сороковых годах. И нам в голову не приходило, почему мы живем в бараках? Барак был достоинством народным, высшим достижением строительства социализма. Барак олицетворял советское ла-

герное общество, социалистическое общежитие. Был некой моделью. Толстенные, крепкие каменно-кирпичные стены казались незыблемыми. Наши дети, внуки родились в бараке, для них он был родным домом. И мы думали, что проживем там до самого ухода в мир иной!

Маленькая комната и кухня, узкий коридор — вот и все. Слишком тесноватым кажется нам сейчас, а тогда иметь такую крышу над головой — было чуть ли не пределом мечтаний. В бараках жили в основном золотодобытчики — шахтеры и служащие, не каждый мог добиться желанного красного ордера на жилье. Бараки были очень крепкие, низенькие, на несколько семей, то есть в одном бараке было несколько квартир. Стены толстенные и аккуратно сложены из природных камней, да так крепко, что позже, после развала СССР, когда хотели снести некоторые бараки, бульдозеры долго не могли разрушить их. Посредине каждой квартиры была большая печь, и в зимнюю стужу выдыхала она тепло жизни. Вообще люди жили спокойно, мирно и счастливо — после всех общенародных бедствий, голода и репрессий, войны и хлебных карточек, застойный период правления Брежнева для многих простых людей казался раем. Сизый дым, уходящий прямым столбом в синее, чистое небо в морозный день, еще издали манил к себе, радовал душу... Со временем людям, в том числе и нам, расширили жилплощадь, разрешив соединить две квартиры в одну, и тогда получалось целых пятьдесят квадратных метров.

У меня было много товарищей и друзей других национальностей, среди которых выделялись Николай, русский, и Лион, немец. Николай был водителем грузовика марки ЗИС — Завода имени Сталина, а затем ЗИЛа — имени Ленина, на автобазе, а Лион — сварщиком, мастером на все руки. Мы с ними были соседями — жили в одном бараке. Посередине — мы, справа — Николай, слева — Лион. Вот опять играла со мной судьба — вокруг опять русский и немец!

Три мира, три нации — в одном бараке, под одной крышей!

Николай Борисович Нестеров был родом из России. Выходец из простой рабочей семьи, он прошагал всю войну, был дважды ранен, имел ордена и медали. Огромного телосложения, рослый, сильный физически, он был уравновешенным, спокойным человеком. Большие синие глаза его излучали душевную доброту, он был очень отзывчивым и чутким. С ним было приятно беседовать и даже спорить. Потому что он умел слушать, терпеливо выслушивал собеседника и был по-своему справедливым. Отвечал искренне, без обиняков выражая свое согласие или несогласие, и самое замечательное в нем было то, что он никогда не переводил спор в ссору! Несмотря на все несогласия с мнением другого, на всю

жесткость наших дебатов, в жизни он оставался таким же другом, каким был всегда!

Он был на двадцать один год младше меня и относился ко мне с почтением. Но это не мешало нам общаться по-соседски и дружить. Пользуясь привилегиями старшего по возрасту, я относился к Николаю и Лиону как к своим младшим братьям.

Николай иногда называл шутя Николаем Третьим. Вначале ему становилось не по себе, но со временем так привык, что, выпив, любил бахвалиться этим именем. Иногда даже знакомился с новыми людьми так:

— Николай... Не Второй, так Третий!

И заливался здоровым мужицким смехом.

Соседи, кто помоложе, обычно называли Николая «дядь Колей».

Мне очень нравились пирожки с квашеной капустой, которые мастерски пекла его жена Люба и щедро угощала нас. Она была очень жизнерадостной женщиной. Дородная, статная, крепкая домохозяйка, уверенная в себе, всегда говорила правду-матку, невзирая на лица. Гостей встречала всегда приветливо, но, если кто, перебрав рюмку-другую, начинал безобразничать, могла любого поставить на место. Даже мужа, храброго воина Николая, останавливала метким словом, остудив излишний пыл. Открытую, с веселым нравом соседку уважали все. Ну, одним словом, была она настоящая русская баба из сказок.

У них было трое детей — мальчик и две девочки.

Дальний родственник моей снохи-немки Мариям Лион Вильверт, прозванный в народе Лейке, был интересным человеком. Я его называл куда — сват. Он был лет на тридцать младше меня, почти свободно говорил по-казахски. Удивительно, что немцы быстрее других осваивали наш язык, но говорили своеобразно, с большим акцентом, и речь у них была необычной. Наверное, смешивались логика и языковые особенности двух наций.

Однажды приехали к нему гости. Соседи-казахи спрашивают: кто приехал? Лейке думает, мучается, как поточнее объяснить им, и как ляпнет: «Ой, алги... катындыкы катын!» Дословно: «Ну, эта... бабья баба!»

Оказывается, приехала боле — кузина его жены из Белоруссии.

Добродушные казахи долго смеялись, подтрунивая над Лейке. Но тот не унывал и неустанно выдавал устные шедевры казахско-немецкого языка.

Его фамилия — Вильверт — напоминала нам слово вельвет — бархат, и казахи так и называли его: Лейке Белбет.

Его любимой немецкой пословицей была: «Реден ист зилбер, швайген ист голд!» — «Слово — серебро, молчание — золото!» Когда он говорил это по-немецки, потом переводил нам, мы с Николаем всегда удивлялись. До чего созвучны пословицы на-

родов мира! Николай приводил свою версию на русский манер: «молчание — золото», а я вспоминал казахское: «Аз соз — алтын, коп соз — комир!» — «Мало слов — золото, много слов — уголь». Эта мудрость помогала всем нам в жизни, особенно в обществе. Но мы, три соседа, меж собой не очень-то придерживались этого правила и болтали сколько хотели, иногда даже смешивая русско-немецко-казахскую речь. Дело в том, что Лейке рос среди казахов в ауле и хорошо знал наш язык, а Николай тоже давно жил в Казахстане и многое понимал, хотя не мог говорить, как Лейке. И благодаря Лейке, который мастерски вставлял в свою русско-казахскую речь сочные немецкие выражения, мы с Николаем обогатили наш фронтовой немецкий меткими словами языка Гёте и Гейне.

Сварщик Лейке был в почете, как и шофер грузовика Николай. Один подвозил кому что надо, а другой приваривал сломанные железные вещи, необходимые в домашнем хозяйстве. Однажды, рассказывал Лейке, его убедительно попросила одна апа — бабушка починить очень нужные, важные вещи. Приезжает Лейке к ней домой на своем «Урале» — трехколесном чуде-мотоцикле того времени, нагруженный аппаратурой для сварочного дела. Смотрит, бабушка выносит во двор алюминиевую миску и кружку с дырочками на дне! Усмехаясь, из уважения к ее возрасту пытаюсь сдержать свое возмущение, что его побеспокоили такими мелочами и вынудили притащить целый багажник оборудования, он с трудом объяснил бабушке, что эти вещи не подлежат сварке. Бабушка не могла поверить, что такой мастер, тем более немец, не может подчинить такие простые вещи, как миска и кружка! Лейке убеждает ее, что теперь ее кружка и миска пригодны только для полива цветов. И он продырявливает дно миски и кружки еще в нескольких местах гвоздем. Бабушка, добрая душа, и этому рада!

— Это лейка Лейки! — рассказывала она потом всем соседям.

Вот такой он наш сосед, немец Лион — по-казахски Лейке!

Его жена Зоя была белорусской. У них было четверо детей — два сына и две дочери, и все говорили по-казахски.

Оба моих соседа любили наш кумыс и казыкарта — конину. Их дети, а позже и внуки, стали любителями нашего курта — сушеного творога.

Изредка мы, трое соседей, устраивали себе праздник. Николай растапливал свою баньку, запащались выпивкой, хорошей закуской, и мы отдыхали на славу.

Я водку пить начал еще при Советской власти, в далекие двадцатые годы. Ну, а на войне фронтовые сто граммов стали нормой для солдата. В зимнюю стужу, в сырых окопах без них было туговато. А дер-

нешь сотку, и светлее становится, и чувствуешь себя героем! Даже под огонь идти легче.

— Ну, чё, жахнем по стопочке? — было нормой общения, признаком доброжелательности.

Но также важно было знать норму и не перебарщивать, ибо водка не терпит баловства. Девиз древнего мудреца Солона — ничего чрез меру — тут как раз кстати. Что поделаешь, такова правда — водка была нашим спутником жизни, вакциной, наркотой, называйте, как хотите. Мы запивали водкой душевную боль, горечь судьбы и украшали радости земные.

Парились от души — полдня не выходили из бани. Раздевалка была просторная, и мы обожали сидеть там подолгу после парилки. Болтали о том о сем, травили анекдоты, даже политические, и смеялись над идиотизмом любого пошиба. Иногда затрагивали очень сложные темы и тогда спорили до хрипоты.

Особенно блаженствовали в зимнюю стужу. Заходишь с мороза в парилку — ох, какое это удовольствие! А как напаришься — бегом на задворки, на мороз — повалиться в чистом снегу! Сравнить русскую баню ни с чем невозможно! После снежного объятия — опять в парную — бой-бой-бой!

Баня для нас была не просто баней. Она была потайным местом, где мы прятались от мирских сует, самодурства власть имущих, да и от всего прочего. Там могли дать волю голой правде, распирающей грудь, раздирающей душу. Сидя в старенькой, деревянной баньке, своими смелыми словами сотрясали каменные стены Кремля и толстенные устои диктаторского общества. Дело в том, что в шестидесятые годы наступила так называемая хрущевская оттепель, и поэтому мы могли уже говорить более свободно.

Народ, воодушевленный оттепелью, когда был развенчан культ личности Сталина и в стране стало свободнее, уже начал поднимать голову. Помню, как в середине шестидесятых годов в нашем ауле Булакбасы — Черкале, совершали тасаттык — религиозный обряд, когда мусульмане приносят в жертву барана или корову и молят Всевышнего, чтобы он направил на их землю обильные дожди, дал богатый урожай хлеба и сена. И вот, собрался народ, в большом казане — котле варится мясо, аксакалы — белобородые старейшины восседают на холме, а в центре Абсалям-хаджи в окружении мулл проповедует шариат — исламский кодекс. Он был на один мушел — цикл годоисчисления в двенадцать лет — старше меня, и тогда ему было уже под восемьдесят. Вообще его звали Габдусалам, но народ переименовал на казахский лад это арабское имя — Абсалям. Он при жизни стал легендой, два раза пешком совершив паломничество в Мекку.

И случилась с ним невероятная история. В тридцатые годы к нему домой приходит хороший знако-

мый и просит спрятать какую-то котомку до определенного времени. Абсалям-хаджи, как настоящий мусульманин, бережно хранит доверенный ему узелок, даже не спрашивая о содержимом. Оказывается, там было спрятано алтын — золото, ворованное из рудника. Вскоре бдительные органы арестовали вора, и в ходе следствия выяснилось, что золото находится у хаджи. Приехали, обыскали, нашли и изъяли золото, завернутое в тряпье. И привлекли Абсаляма-хаджи к уголовной ответственности как соучастника преступления, дали срок и посадили в тюрьму. Советские работники были рады, что избавились от хаджи, народ недоумевал. Никому из ответственных товарищей в голову не приходило, что они таким образом спасли его от неминуемой гибели! Дело в том, что через некоторое время в стране начались репрессии и гонения — многих религиозных деятелей расстреляли или посадили на очень долгие сроки. А Абсалям-хаджи отсидел свой срок как обычный уголовник и вернулся домой.

Потом еще много раз его подвергали гонениям, требуя, чтобы он отказался от своей религии. Но Абсалям-хаджи стойко выдержал все испытания и стал настоящим духовным лидером нашего края. Его почитали не только казахи, но и все мусульмане — татары, ингуши, балкарцы, независимо от национальности. Он был достоин высокого имени религиозного наставника, его предки, выходцы из рода Курсары Керей, были известными в округе хаджи. И вот теперь, воспользовавшись тем, что время жесточайших репрессий ушло, хаджи решил помочь высушающей земле и напомнить своим землякам о религиозном обряде тасаттык. Он говорил о могуществе и милости Аллаха, голос его звучал твердо. И тут подъехали на мотоцикле трое милиционеров в служебной форме. Люди встревожились, все-таки тень недавнего прошлого еще беспокоила всех. Милиционеры были казахами, увидев, сколько аксакалов во главе с самим Абсалямом-хаджи собрались здесь, они побавили свой пыл. Подойдя к собравшимся, они с почтением поздоровались.

Милиционеры не смогли прямо говорить о цели своего визита и уклончиво объяснили, что их направило сюда районное руководство, встревоженное запахом дыма в степи. На что аксакалы ответили, что они осторожны и не допустят пожара, и пригласили товарищей милиционеров отведать мяса курбандык — принесенной жертвы. Те поблагодарили и поспешно ретировались.

Люди совершили обряд тасаттык полностью, помолвились Всевышнему и съели мяса. Это событие взбудоражило не только наш район, но и всю республику. Неслыханная дерзость в Стране Советов, руководимой Коммунистической партией — публично приносить жертву Аллаху и массово молиться! Вскоре появился фельетон в республиканском журнале

политической сатиры «Ара — Шмель», и начались разборки по инстанциям. Естественно, в открытую наказать Абсаляма-хаджи, авторитетного в народе аксакала, не могли. Но зато досталось многим другим, якобы допустившим такое безобразие. Те отговаривались как могли и приводили весомый довод — дожди-то, причем обильные, после тасаттык все-таки были! Таким явлением природы тайком были довольны и в райкоме, сказывал народ, и поэтому особо жесткие меры по отношению к виновным не принимались.

Двое сыновей Абсаляма-хаджи, работающие водителями на автобазе, под влиянием отца начали совершать намаз. Об этом стало известно в райкоме партии. Секретарь райкома по идеологическим вопросам вызвал братьев в свой кабинет и отчитал беспощадно, подверг, так сказать, идеологической обработке. Он напомнил им: Маркс говорил, что «религия — опиум для народа», и посоветовал побыстрее протрезветь, пока им не промыли мозги до костей!

— Если Ленин сказал, что Бога нет, значит, Бога на самом деле нет! Компартия продолжает дело вождя. Мы, коммунисты, — атеисты, и терпеть Бога и всякие таинственные силы не намерены! — пригвоздил главный идеолог района. И чтобы честные трудяги поняли важность вопроса, заключил без обиняков: — Если вы сейчас же не прекратите ваши религиозные рвения и агитацию среди населения, то будете высланы из нашего края в течение двадцати четырех часов!

Работяги пригорюнились, пришли к отцу и рассказали всё как есть. Мудрый хаджи, переживший гонения и судилища, посоветовал сыновьям до поры до времени скрывать свои религиозные взгляды.

Да, в то время мирные трудяги тихо, спокойно жили и терпели все сумасбродства верховных вождей и их приспешников, рожали и воспитывали детей. Но упорно, сознательно, целенаправленно внедряли в сознание и душу своих детей родной язык и культуру, религию и традиции. Это была наша, народная борьба за самосохранение.

Вот, например, в школе наши дети клялись: «Честно-пионерски! Честно-комсомольски! Ленински-сталински!» Это считалось высшей формой клятвы, и вроде никто не нарушал ее. Так учила советская школа. Но дети есть дети и частенько нарушали свои клятвы, данные именем советских вождей. Но когда наступал момент истины, когда детям приходилось клясться друг другу по-настоящему и убеждать в верности своей клятвы, они клялись именем Всевышнего: «Оллаи, билляи!» И все знали: клятва навек! Ее никто не смел нарушать!

В старинных деревянных, обутых железом крепких абдыре — сундуках хранились раритеты прошлого — память предков. Там были редкие руко-

дельные серебряные, иногда золотые изделия ювелирных мастеров Степи и Востока. Встречались женские украшения — кольца, браслеты из царских целковых, серебряных монет. Были и монеты, просто продырявленные с края. Женщины пришивали их к своей одежде или, продев в дырку ниточку, носили как подвески. Изредка можно было в бабушкином сундуке обнаружить какую-нибудь рукопись, испещренную затейливой арабской вязью, а то и маленькие пожелтевшие книжки, изданные в царские времена в издательстве Казани. А найти большую старинную книгу было удачей. И мне однажды повезло — нашел «Киссас-уль анбия» Рабгузи, изданную в Казани в конце девятнадцатого века.

Пожелтевшие страницы раритета уносили вглубь веков, во времена пророков, и я снова чувствовал себя маленьким мальчиком, слушающим притчи и легенды Алтын-апа в одинокой зимовке в бурную ночь.

И читал историю пророков внукам и правнукам, чтобы они, ученики школы безбожников, соприкоснулись с вечной истиной, почувствовали размеренное дыхание древности.

Один известный клязник рассылал анонимки во все инстанции по любому поводу и на кого угодно. Он был в тридцатые годы шолок бельсенды — горестивым, а впоследствии — салпанкулак — стукачом НКВД. Интересно, все знали, что он клязник, но делали вид, что уважают его. Некоторые побаивались его, а другие просто не хотели связываться с ним. И вот этот анонимщик додумался до того, что накатал несколько бумажек наверх о том, что руководители-казахи нашего района совершают религиозный обряд сундет — делают обрезание своим детям. Чтобы не быть голословным — сказывался опыт энкаведешника — он следил за детьми в общественной бане! Подсматривал за ними и мотал себе на ус: «Ага, дети таких-то начальников-казахов обрезаны!» А тех, кого не смог встретить в бане, подждал, когда они возвращались со школы домой. И обманывал ничего не подозревающих ребятешек: «Покажи-ка мне свою писульку, а я тебе за это конфетку дам!» — и машет карамельками перед носом обалдевших мальчиков. «Ну и дурак! На, смотри сколько тебе хочется, только давай конфету поскорей!» — думают детишки, радуясь сладкому угощению. А клязник, таким образом собрав факты, накатал бумажку в область. Ох, какой был шум, какая разборка! С обкома партии, из областного центра Кокшетау, раньше назывался Кокчетав, приехала комиссия. Собрали весь актив района и давай разбираться. Солидный партработник, инспектор обкома, начал давить на районных руководителей: «Товарищи, как это так?! Партия и правительство доверяют вам ответственные руководящие посты, а вы чем занимаетесь? Компартия борется с пережитками прошлого, вся-

кого рода проявлениями национализма и религиозного фанатизма, призывает искоренить любые признаки противоречия марксизму-ленинизму! А вы допускаете обрезание детей в районе! Более того, сами подаете пример населению, совершая этот дикий, устаревший мусульманский обряд в своих семьях! Это несовместимо с нашей советской моралью, противоречит коммунистической идеологии! Этого терпеть никак нельзя и надо прекратить обрезание и подрезать корни такого обычая!» В этом месте не выдержал доселе угрюмо молчавший первый секретарь райкома партии: «Что вы говорите, товарищ инспектор?! Обрезать — можно, подрезать — нельзя!» Все захохотали, а инспектор растерялся и, глотнув воды, посмотрел на кляузника, ища у него поддержки. Но не тут-то было! Поднялся с места первый секретарь райкома партии Алпысбай Жакупов, бывший фронтовик, раненый, имеющий боевые награды, испытанный и закаленный в огне войны огромный телосложения человек, эдакий степной батыр-богатырь и начал расстегивать штаны. Все, весь районный актив и комиссия обкома, обомлели. «Подойди-ка сюда, товарищ правдоискатель-анонимщик, и снимай живо свои штаны, не то я сам сдеру их с тебя! И вы, товарищ инспектор, и вы, уважаемая комиссия, снимайте штаны и покажите всем, да и посмотрите сами хорошенько! А ну-ка, давайте, все разом!» Тут инспектор пришел в себя и, смягчив тон, начал успокаивать разбушевавшегося как бура — самец верблюда — ветерана войны, а кляузник от страха чуть не залез под стол. Немного успокоившись, первый секретарь снимать штаны не стал, но, держа руку на ширинке, продолжил в том же духе: «Ни для кого не секрет, что все казахи обрезаны, и это не мешает им хорошо работать на благо родины! Передайте привет руководителям области и республики, пусть сначала посмотрят на себя! Что, у коммунистической партии и советского правительства нет других проблем, кроме как бороться с обрезанием казахских ребятишек?! Наш народ вместе с братскими народами Советского Союза трудится на славу, собирает богатый урожай и умножает богатства страны! И не заглядывает никому в штаны! Так кому какое дело, если казахи обрезают своих детей?!»

Вот так, не побоявшись немилости высших инстанций, дал отпор этот грубоватый, громадный мужик нелепым обвинениям. Комиссия уехала ни с чем, да, наверное, им стало как-то не по себе, а там, наверху, тоже нашлись разумные люди, и история с обрезанием казахских ребятишек так и осталась без последствий. Народ смеялся над идиотизмом партийно-советских идеологов, жил и работал, растил и обрезал своих детей.

А первый секретарь Алпысбай Жакупов, около двадцати лет руководивший районом, стал легендой!

...В то время подверглась гонению домбра! Этот древнейший двухструнный музыкальный инструмент, спутник казаха на протяжении многих веков и в радости и в печали, вдруг оказался негодным Советской власти. Ее неофициально окрестили пережитком прошлого и дали понять, что пропаганда народной музыки нежелательна. И всё, домбра сначала ушла в тень, а затем постепенно исчезла. Представляют, на родине величайшего народного певца, композитора Биржан-сала, в городе, где покоится его прах, школьники в середине шестидесятых годов днем с огнем не могли сыскать настоящую домбру! Да и в школах уже не особо приветствовалась игра кюев — степных симфоний на домбре — и пение народных песен в ее сопровождении.

Я смастерил из простых сухих досок домбру, склеил, сделал струны из тонкой кишки козы и начал учить внуков как мог. Так я сопротивлялся мракобесам от Советской власти!

Только через несколько лет, усилиями разумных патриотов-казахов домбра опять приобрела свой высокий статус.

Переживая вновь в памяти всю свою вековую жизнь, поймал себя на мысли, что, при всей кровавой тирании и несправедливости, жизнь есть жизнь, и в ней есть как плохое, так и хорошее. Если задать прямой вопрос, чего же было больше — зла или добра, я бы затруднился ответить. А кого больше встречал — хороших людей или подонков? Тут вообще невозможно ответить однозначно. Дело в том, что один и тот же человек в одной ситуации проявляет себя молодцом, а в другом случае оказывается, мягко говоря, не совсем на высоте. Такова жизнь, и таков людской род, и с этим ничего не поделаешь. Надо принимать всех такими, какие они есть, и стараться самому оставаться человеком.

Может, я ошибаюсь, кто знает. Но в одном уверен — выносить однозначный приговор целой эпохе отдельного народа или такой сложной страны, как Советский Союз, где жило много национальностей, нельзя! Объективно это невозможно, а судить субъективно и предвзято, загонять в узкие рамки многогранную историю глупо. Даже жизненный путь одного человека не вмещается в судейский приговор обвинителей прошлого. Все было в ту эпоху: хорошее, прекрасное, возвышенное, а также плохое, гнусное, отвратительное. Что поделаешь, таково величие жизни, такова история, которая не знает «если...».

...В семидесятые годы наступили времена облегчения — худо-бедно, но люди зажили по-человечески. Иногда кажется, что эти лет пятнадцать были подарком судьбы многострадальному советскому народу за все лишения и муки. И народ жил, отдыхал от души. Мирный труд, твердая зарплата, сравнительно неплохой жизненный уровень радовали мас-

сы. По вечерам все прилипали к своим черно-белым телевизорам, голубой мираж манил своей магией, уводя мысли и чаяния в неизведанную даль, отрывая от шероховатой реальности.

Период правления Брежнева до начала перестройки и развала СССР почему-то называется застойным периодом. Застойный период — застойный период, говорили в народе. Ох, посчитать бы на компьютере, сколько человеко-часов просидели и сколько проели-пропили в те годы граждане Советского Союза! Сидели как могли! А что делать! В то время все сидели — одни за большим столом руководили нескончаемыми заседаниями, другие жадно ловили взглядом в маленькой щелке железной решетки кусочек белого облака, лениво проплывающего мимо. А многие сидели за большим дастарханом — накрытым столом и ели-пили, пили-ели. И говорили не умолкая обо всем на свете. Так мы отводили наши задыхающиеся в железных тисках советско-коммунистической диктатуры души.

Народ пировал и потихоньку спивался.

Вообще, застойный период — застойный период заслуживает особого внимания. Время было интереснейшее! Это сейчас хаотят его на разный лад. А тогда жилось весело!

Легенды ходили о похождениях руководителей. Прodelки начальников, прикрытые политическими лозунгами, — целая история!

Рассказывали, что такой-то хороший оратор, очень образованный человек, умел лучше других вешать лапшу на уши, а цитаты, подобранные с умом и используемые точно к месту, придавали его словам вес и поднимали авторитет в глазах прямолинейных партийцев и наивных масс.

Жизнь народная была вольная. Душа нараспахку. Все всегда были готовы помочь друг другу бескорыстно. Никто денег не брал за оказанную посильную помощь. Брать деньги, особенно у своих земляков, считалось позором. Об этом даже и не думали. Зато обмывать сделанное дело было в порядке вещей. Это был неписанный закон застойного времени, некий кодекс чести. Подвез человек на машине солону соседу, починил велосипед или еще чего сделал — бутылку на стол и пошло-поехало. Задушевные беседы переходили иногда в жаркие дискуссии с мордобоем, а примирение поссорившихся соседей назавтра становилось отличным поводом для похмелья. Самое интересное, деньги на водку находились всегда.

А столько интересного происходило вокруг.

Добрые соседи, мы с Николаем и Лионом были друг для друга и неким моральным судом. Если казах натворит чего-нибудь, они начинали подтрунивать надо мной: «Ей, Асеке! Что такое, а? Ваши там, говорят, того... хе-хе-хе!» Я тоже не оставался в долгу, и когда русский или немец, украинец или белорус об-

лажался, непременно высмеивал соседей. Бывало, мы своих стыдили за дурные поступки или слова: «Как тебе не стыдно? Что скажут русские, если узнают?» «Прекрати! Немцы будут смеяться над нами!» Нередко мы слышали, как русские или немцы отчитывали своих: «Не позорься перед народом! Казахи будут высмеивать нас!»

Удивительно, но это действовало. Даже самые бессовестные, которые своих не стыдились, вроде привыкли перед ними быть такими, какие есть, стыдились показать другим народам себя с плохой стороны. Им не хотелось ударить лицом в грязь перед представителями других народов, и это было неким моральным ограничителем. Мы были открытыми, гласность и свобода слова были полные, говорили правду-матку друг другу в лицо, полушутя-полу-всерьез, может быть, иногда даже злорадствовали. Но не было у нас ненависти! Не щадили друг друга, подтрунивали над недостатками, спорили до хрипоты, но вражды как таковой не было ни у кого. Мы жили вместе и уживались, делили радости и горе, делились хлебом и солью... и шутили, шутили друг над другом!

Иногда, будучи навеселе, Николай и Лион подтрунивали надо мной, истолковывая на разный лад мое двоеженство.

Мы со старшей женой Халимой жили вместе с младшим сыном Айгали, снохой Баян и внуками в бараке. Вторая жена, Нагима, жила рядом, в неказистом старом саманном доме. Ее старший сын и дочь, дети нашего погибшего на войне брата, к тому времени уже обзавелись семьей и жили и работали в областном центре Кокшетау. Через два года после нашей женитьбы Нагима родила мне сына, с которым она и жила теперь. По существу, мы были всегда рядом, вместе.

— Вот, кайф у Асеке! Две жены под боком! Хоть куда поворачивайся — благодать! И там, и тут! Да, никуда не убежишь! — подшучивал Николай.

— А зачем ему бежать-то? — продолжал Лейке в том же духе. — Это нам с тобой бегать по бабам! А у него все дома!

— Асеке, кто слаще, байбише — старшая или то-кал — младшая?

— Когда как! — в тон им отвечал я. — Человеку хочется иногда сладенького, иногда соленького! Вот, старшая подсаливает, а младшая подслащивает! Или, наоборот, по настроению!

Они хохотали, сотрясая смехом деревянную баньку.

— А вообще-то правильно делали казахи! Взяли законно четыре жены, народили детишек, растут четыре аула! И всё по совести! — говорил Николай полушутя. — Не надо гулять на стороне! А мы что делаем?

— Женюсь на одной, клянусь в верности и ходим налево, грешим! — размышлял вслух Лион.

— А кто вам мешает? — прикидываюсь дурачком. — Берите по второй!

— Ойбай, кто нам даст? — вздыхали друзья.

— Что, состарились уже? — подтруниваю над ними. — Тебе, Колька, только за пятьдесят, а тебе, Лейке, за сорок всего!

— Нет, дело не в нас! Дело в законе! — оправдывается Николай.

— В понятии! — вторит ему Лейке. — Во-первых, никто нам не позволит иметь вторую жену! Ни закон, ни обычаи, ни жена, ни общество — никто!

— Во-вторых, это считается дикостью! — горячится Николай.

— Ну это с какой стороны посмотреть! С нашей — так дурно, а с нашей — вполне нормально! Вся беда начинается тогда, когда один народ навязывает другому народу свои законы. А что в этом плохого, если каждый народ живет по-своему?! Вам что, хуже от того, что казах по закону шариата будет иметь четыре законные жены и растить свое потомство?! Если все согласны и довольны, то кому какое дело?!

— Да нет, мы не против!

— Нам бы тоже не помешало! — отвечали соседи.

— А знаете, почему запретили законное многоженство? Хотели препятствовать размножению казахов как нации! Мало того, что уничтожили столько, так еще и пресекли рост численности нашего народа!

— Да ну, Асеке, вы перегнули палку! — возражал Николай. — Наоборот, Советская власть дала свободу женщинам Востока!

— Какую свободу? От кого?

— Ну, это же правда, что женщинам дали равенство, свободу! — поддержал Николая Лион.

— Женщина может быть равноправной по закону государства, да. Но она не может быть равной мужчине по закону природы!

Даже такую серьезную тему добрые соседи превращали в шутку.

Шутки давали нам силы, здоровый юмор спасал нас от психологического надлома. А было над чем шутить, жизнь выкидывала такие невообразимые фортели! Однажды несколько специалистов районного среднего звена, после хорошего застолья, умудрились на фургоне «Москвич» взлететь ввысь и зависнуть на дереве! Это в центре города, на главной улице имени Ленина! Недалеко от райкома партии, перед райотделом милиции, напротив райисполкома, рядом с поликлиникой! Говорят, когда их снимали оттуда краном пожарники, они пели песню про космонавтов! И вот пошли слухи, узункулак — длинное ухо работало свободно даже во времена жестокой цензуры. Оказывается, главному специалисту по строительству выдали новенькую служебную машину и он стал на радостях обмывать ее с

друзьями. А был он казах, и Николай с Лионом стали подтрунивать надо мной. Вечером, когда мы сидели перед домом, любуясь закатом, они торжественно поздравили меня с полетом первого казаха в космос.

— Молодцы казахи! — говорил совершенно серьезно Николай. — Догнали и перегнали Америку! Даже они не додумались бы до такого!

— Улететь с асфальта в центре города и приземлиться на дереве могут только каз — гусь, и казах! — вторил ему Лейке Бельбет.

Я отвечал им, что, мол, сами не можете, вот и завидуете.

— А что делать казаху, если вы не даете ему полететь в космос даже с собственного космодрома в Байконуре?

Но назавтра ситуация окончательно прояснилась. Оказывается, «космонавтов» было трое! И что интересно, вместе с казахом «летали в космос» немец и русский! Причем за рулем был русский! Теперь уже я был на коне и спуску не давал милым соседям!

— Эй, слушайте! Вот видите, как всегда, все из-за вас, русских и немцев! Бедняга-казак, простая душа, просто оказался между вами, чтобы вы ненароком опять не натворили бед! Ну, куда только не полетишь под руководством русских, да при поддержке немцев!

Посмеялись добрые соседи и поставили бутылку.

На Пасху соседи нас угощали крашеными яйцами, а на праздник айт — приходили к нам и ели лепешки со сметаной. Помню, однажды был курьезный случай. Я ездил в Кокчетав по делам и зашел на базар. Смотрю, женщина, русская, торгует красивыми кругленькими хлебушками. Намазанные белым кремом, они притягивали взгляд. Спрашиваю: «Свежие? Вкусные?» Женщина кивает головой и удивленно смотрит на меня. Я купил целую кучу. Приезжаю домой, вручаю гостинцы снохе Баян. Она накрывает стол, готовит чай, и мы все собираемся есть эти кругленькие булочки. И вот тут сын Айгали и сноха Баян начинают хохотать, посмотрев повнимательнее на привезенные гостинцы. Оказывается, это были куличи, которые русские специально пекут на Пасху! Что делать, не выбрасывать же! Я соскреб ложкой все нарисованные кремом кресты с булочек, произнес бисмилляхи! Теперь эти булочки стали мусульманскими, и мы с удовольствием, посмеиваясь над незадачливым аксакалом-старцем, то есть надо мной, съели их. Вот тебе толерантность!

Не нужно превращать дружбу народов в голый лозунг. Нельзя умалчивать о противоречиях или сглаживать шероховатости. Можно не любить отдельного человека, но нельзя эту неприязнь переносить на весь народ. Невозможно искренне дружить с

человеком другой национальности, если не уважаешь его народ. Можно бороться против политической власти другого народа, но нельзя позволять себе ненавидеть весь народ. Народ не виноват и не отвечает за злодеяния политической верхушки!

Но все не так просто в жизни, и сколько раз история доказывала, что ее путь непредсказуем. Размеренное, тихое течение мирной жизни народа нарушили тревожные слухи. С каждым днем нарастали как снежный ком разговоры о том, что Советский Союз ввел войска в Афганистан и начал войну с американцами и афганцами! Мы были потрясены и напуганы. Как так, что за война, зачем, за что? Подобные вопросы задавались втихаря везде, и никто не мог ответить толком. Стало еще тревожнее, когда начали говорить, что отправляют на войну в далекую жаркую страну солдат, которые были на воинской службе в Туркмении. Двое моих внуков в это время служили в Кушке, и они могли попасть в эту загадочную страну Афганистан. Я переживал и молился за них. Говорили в народе, что афганцы, пуштунские племена, очень воинственны и никто никогда не побеждал их. Все, особенно те, чьи дети были в армии, беспокоились и переживали. Точной информации не было, и от этого слухи становились все тревожнее. Через некоторое время стали приходить первые печальные вести, говорили о погибших из нашего района, и военные привозили тела в оцинкованном гробу и, не разрешая вскрывать, так и хоронили. Иногда возвращались домой раненые или контуженые парни. Слава Аллаху, мои внуки вернулись домой после окончания срока службы. Один наш земляк из степняцкого аула Булакбасы Мадай все-таки оказался покалеченным этой войной. Он вернулся инвалидом, без одной ноги. Их отряд попал в засаду, и в разгар боя взрыв пуштунской мины достал-таки его. Подошла помощь, афганцы отступили. Мадай, раненого, вытащили санитары. Он, оказывается, лежал без сознания, истекая кровью, на бронетранспортере. С трудом уловив признаки жизни, врачи отвезли парня в госпиталь, прооперировали, ампутировали левую ногу, почти полностью оторванную взрывом. Чудом остался жив Мадай. Ему сделали протез, он научился ходить, устроился на работу учителем в сельской школе. Через некоторое время женился, родились дети. Обожженный огнем войны, Мадай мужественно перенес личную драму и стал настоящим человеком. Я недоумевал и возмущался, как после той страшной Второй мировой войны, всеобщей трагедии, человечество опять может стрелять друг в друга! Кто играет судьбами народов, кто заставляет людей с оружием вторгаться в чужие страны?!

Я этого до сих пор не понимаю, наверное, так и не пойму...

Абсурд, возведенный в абсолют

Через лет десять—пятнадцать после освоения целины начались гонения на казахский язык. К концу шестидесятых — началу семидесятых годов стали повсеместно закрываться казахские школы, под предлогом недобора школьников. Поощрялся переход местного населения в русские школы. Начали открыто говорить на всех уровнях власти и в народе, что нет будущего у казахского языка, что скоро все будет только на русском. Родителям внушали, что будущее их детей связано только с русским языком, и если их чадо не будет знать его, то и шагу не ступит в жизни, не говоря о карьерном росте. Дело в том, что во всех вузах и предприятиях, да и во всех сферах жизни говорили и писали только на русском языке. Даже в аулах со стопроцентным казахским населением школьное обучение было переведено на русский язык. В районном центре, городе Степняке, от шести казахских школ осталась только одна — средняя школа имени Абая. Самым ужасным следствием такой диктаторской, шовинистической политики было то, что дети, выросшие и воспитанные до семи лет в чисто казахской семье, не сразу усваивали русскоязычное обучение, и в результате выросло целое поколение людей, находящихся в каком-то раздразе.

Понимавшие политическую подоплеку такого подхода взроптали, возмутились, некоторые протестовали, но не могли выступить открыто и организованно, противостоять целенаправленному натиску могущественной машины власти мировой сверхдержавы.

Замаскированное и открытое гонение на религию, язык и культуру казахов усиливалось с каждым днем. Осуждались ураза — пост и намаз — каноническая молитва, печатались антирелигиозные статьи в газетах. А об ономастике, топонимике невозможно было даже заикнуться — всюду целенаправленно насаждались русскоязычные названия местности, населенных пунктов и улиц, чуждые казахам. Именами людей, не имеющих никакого отношения к Казахстану, назывались города, поселки и проспекты. Мы понимали, что это тоже проявление политики русификации и ассимиляции, кипели от негодования, говорили даже открыто, но власти нас и слушать не хотели.

Когда в первый раз встретил казаха, не знающего родного языка, я вначале не поверил. Думал, он разыгрывает нас. Когда убедился, что он настоящий казах и, тем не менее, не знает ни слова по-казахски, мне показалось, что мир перевернулся. Это было так неестественно, так дико, что у меня не хватило слов объяснить. Я-то думал, вот, конь ржет, корова мычит, а собака лает, точно так же казах говорит по-казахски, русский — по-русски, немец — по-немецки.

ки. Я наивно полагал, что родной язык человека рождается вместе с ним!

Нам оставалось только молча негодовать. Иногда мы жарко спорили об этом с Николаем Третьим. И Лион был часто моим союзником. Он шутил: на войне казахи и русские вместе воевали против немцев, а теперь казах с немцем атакует русского! Самой главной темой наших споров был национальный вопрос.

Это был самый острый вопрос нашего времени, своеобразный гордиев узел, который все предпочитали обходить стороной, не разрубая.

По словам Николая выходило, что наша страна — СССР — есть образец справедливого общества, братства и дружбы народов.

— Как бы не так! — отвечал я ему. — Братство, дружба — да! Но равенства-то нету-у! А если нет равенства, то и справедливости тоже нема!

Он, бычился, начинал доказывать свою правоту, аргументируя фактами процветания Страны Советов за послевоенный период и приводя в доказательство достижения компартии и советской власти в области национальной политики.

— Вон, смотрите, сколько городов и совхозов построили в голой степи! Надо быть слепым, чтобы не видеть все это! А сколько казахов получили высшее образование и выросли в крупных руководителей! Надеюсь, вы не отрицаете прогрессивную роль России в истории народов СССР, в том числе и казахов?!

— Нет! Но это не дает право русским поглощать другие народы! Говоря о прогрессии, мы не должны забывать об агрессии и репрессии!

— Ну, не перебарщивайте... Никто никого не проглотил и не собирается...

— Но посмотри сам, Николай... Каждой нации, по Конституции, дано право на самоопределение. А где оно, это самоопределение на самом деле?

— Ну... это... значит, никто не хочет самоопределяться! Все народы видят свое будущее только вместе, в составе СССР!

— Да нет, просто никому не дадут реализовать это право! Оно только на бумаге! Вот алашордынцев, да и всех патриотов своего народа, советская идеология обвинила в национализме и уничтожила. Ты хоть подумал, попытался разобраться, в чем там национализм? В чем заключается их вина? Ведь они всего-навсего хотели свободы и равенства своему народу! Мы, казахи, мирный народ, хотим сохранить себя как нацию и жить в дружбе со всеми народами земли! Мы самый доброжелательный народ в мире! Мы не хотим подчинять себе, унижать, поглощать другие народы! Мы всего-навсего хотим оставаться самими собой! И если это вы считаете национализмом, то да здравствует такой национализм!

Николаю это явно не нравилось, но он, насупившись, молчал. Я продолжал говорить о накипевшем.

— И еще смотри... Вот дается право каждой нации учить своих детей на своем родном языке! А все вузы обучают только на русском! Везде, вся работа в Казахской ССР идет на русском! И как быть нам? А потом идеологи партии и власти трубят на весь мир: мол, сами казахи не хотят отдавать своих детей в казахские школы! Какое политическое коварство! А ведь один народ не должен проглатывать другой! Когда один народ ассимилирует другой, не может быть разговора о равенстве и справедливости! Ты понимаешь это?!

Удивительно, но Николай этого не понимал! Он никак не мог допустить такие мысли! Дело в том, что в семидесятые годы идеологи партии начали усиленно насаждать теорию о слиянии наций — это было политической программой страны.

Такие предметы в вузах: диалектический и исторический материализм, научный коммунизм, толком никто не понимал псевдонаучные выкрутасы этих лжеучений. Но одно мы, колониальные народы, понимали четко и ясно, но выводы делали по-разному, учитывая все плюсы и минусы. Постулат о дальнейшем сближении братских советских народов и слиянии наций звучал со всех трибун и на первый взгляд казался единственно верным для всего человечества.

— Да ведь это здорово! — восклицали наивные ура-патриоты. — Весь человеческий род — единое целое! Не будет нации, не будет и националистов! Никаких проблем!

Они даже не задавали себе вопроса: а на каком языке будет говорить этот единый советский народ? Естественно, на языке большинства, то есть на русском! А это справедливо? Об этом не думали, но с энтузиазмом приняли такое положение и рьяно стремились реализовать поскорее, всячески содействуя бредовой шовинистической идее ЦК КПСС. Сами быстро начали забывать родной язык, обычаи и традиции своего народа, обучали собственных детей на русском языке и воспитывали в интернациональном советском духе, то есть плясали под дудку компартии. Подобные им вторили:

— Раз ЦК считает так, значит, так оно и есть! По-другому быть не может! Не должно быть, понимаешь?! Если ЦК решил сливать все нации в одно целое, значит, будем сливаться!

Что поделаешь, ассимиляция шла полным ходом. А другие, и мы в том числе, поняли, что за этим кроется коварнейшая политика русификации всех наций СССР. Мы были возмущены и воспротивились этому. Нет, открыто не кричали об этом, да и в то время нигде, ни в одном СМИ невозможно было возроптать против политики центра. В стране железного занавеса и цензура была железная. А мы потихоньку воспитывали своих детей и внуков в духе традиций своего народа дома! Всеми силами старались

внушить нашим детям сызмальства, что мы казахи и должны оставаться казахами!

— А что в этом плохого? — потянулся Николай, когда я рассказал ему об этом: — Не надо делить наш советский народ на национальности. Мы все единый советский народ. Какая разница в том, на каком языке говорить? Лишь бы понимали друг друга и были вместе!

Меня задело его слова, но больше всего удивляло, что он говорил искренне! Он верил в то, что говорил! И я не выдержал:

— В начале века я воевал против русских — царских карателей, белых, красных, в общем, всех мастей русских. Затем воевал вместе с русскими против фашизма, проливал свою и чужую кровь, защищая русскую землю. Вот живу тихо-мирно с вами по соседству. Но почему вы нам не даете жить спокойно своей жизнью? Вам мало того, что вы имеете? Зачем вы ущемляете наш родной язык? Почему хотите уничтожить нашу культуру, насаждая свою? Почему вы хотите проглотить нас? Вот ты говоришь, что для тебя нет разницы, на каком языке будет говорить советский народ! Это ты говоришь, будучи уверенным, что все народы будут говорить на русском языке. А что бы ты сказал, если б тебя заставили забыть свой родной русский язык? Вот подумай, а? Посмотрел бы я на тебя тогда! А ведь все народы также любят свой родной язык. Все хотят создавать, сохранять, развивать свою культуру! Мы всего-навсего хотим сохранить себя как нацию, как народ! Мы не хотим раствориться в этом мире подобно толпе, сброду без рода и без племени! И нам очень больно, обидно, когда видим, как нашу одурманенную коммунистическими идеями молодежь все сильнее затягивает в жизнь чужого народа!

Николай угрюмо сидел в тяжелом раздумье.

— Прости, Асеке! — промолвил он наконец. — Действительно, я даже не думал, что вы так переживаете.

— Дружба бывает только между равными. Если мы будем все это скрывать, не выскажем всю правду друг другу, то не будет искренней дружбы, взаимопонимания между нами. А я не хочу обманывать соседа!

Я продолжил:

— Вот ты говоришь, что Советская власть, компартия многое дали народам Советского Союза, в том числе казахам! Да, несомненно, это исторический факт! Но, скажи честно, ради бога! Какой смысл во всем этом, если завтра исчезнет мой язык? Не будет культуры? Обрусеет моя нация?! Так зачем такая жизнь?!

Я умолк.

Николай грустно покачал головой и неожиданно сказал:

— Я вас понимаю! Теперь понимаю, только теперь... Раньше как-то не думал... что для вас это так важно! Теперь буду изучать казахский язык!

— А мы давно по-казахски калякаем... шпрехен! — вставил молчавший до сих пор Лейке и налил по полной.

— Спасибо, что понял наконец! Но какой прок от того, что один или несколько русских будут говорить по-казахски, когда сами казахи будут забывать родной язык?! — произнес я грустно.

— Я больше ничего не смогу сделать для вас! И очень жалею об этом!

Николай глубоко вздохнул и залпом выпил. Я последовал его примеру. Нам было немного неловко после разговора, и мы оба старались переменить тему. Выручил Николай.

— Ну, вы нас все равно не перепьете! — буркнул он, закусывая.

И пошло-поехало. Мы все загорелись и начали пить уже на спор — кто кого перепьет: казах, немец или русский? Выпили до последней капли водку — наше лекарство, а может, и отраву, и разошлись с миром. Идти в магазин и продолжать не хотелось, мы с Лионом прекрасно понимали, что в этом деле за русским богатырем нам не угнаться.

А политика слияния наций продолжалась, и в восьмидесятые годы начали сгущаться тучи над единственной казахской школой имени Абая в Степняке. В восемьдесят пятом угроза стала реальной — власти собирались закрыть ее, поскольку был недобор учащихся.

Школьников было мало во всех классах. Казахпатриоты встревожились не на шутку. Директор школы Оспанов и учителя обратились ко мне, ветерану, попросили пойти в райком и поговорить с руководителями.

И я, злой, пришел в райком.

Новый секретарь по идеологии райкома партии Зигмунд Збигневич Качановский был поляк по национальности. Его имя и отчество было для простых казахов-аульчан очень труднопроизносимыми, и народ прозвал его просто и мудро — Зигзаг и Кочан. Называли иногда Зигзаг, иногда Кочан, смотря по обстоятельствам. Ну, просто — да, а почему мудро? Да потому что он был очень гибким человеком. Он никогда ни с кем не спорил. Никому не говорил нет, кажется, у него в лексиконе не было такого слова.

Качановский старался никому не делать зла. Никого ни за что не притеснял, не подвергал гонениям и был честным и справедливым сотрудником, разумеется, в тех пределах, которые позволялись Советской властью и компартией.

Когда я вошел, он широко улыбнулся, привстал со своего кресла, выказывая уважение восьмидесятипятилетнему старцу, и воскликнул:

— О, какие люди! Здравствуйте! Присаживайтесь!

Буркнув «здрась», я остановился в центре кабинета.

Он удивленно посмотрел на меня. Наверное, он видел меня впервые в таком мрачном состоянии. Я стукнул березовой крепкой палкой об пол и произнес злым голосом, еле сдерживая приступ ярости.

— Зигмунд Збигневич Качановский! Почему ты так не любишь казахов? Что мы плохого сделали тебе?

Прямой вопрос — как кинжал. Зигзаг заволновался, его правый глаз широко распахнулся, а левый, наоборот, зажмурился, и он, по обыкновению, поднял свой длинный указательный палец вверх и воскликнул:

— Да вы что, дед Асанбай! Вы же меня знаете! Какая нелюбовь? Наоборот, очень уважаю казахов! Казахи помогли нашему народу, полякам, в трудные годы! Я родился здесь, всю жизнь живу с казахами! Да мы же почти породнились!

— А тогда почему ты закрываешь наши школы?!

— Да не я же! Вы же знаете! — Качановский показал пальцем вверх.

— А кто же тогда?! Иванов, Петров, Сидоров?! Да все они говорят одно и то же: «Не мы закрываем школы! Мы уважаем казахский народ!» Так ответь по-партийному честно, по-советски прямо: если вы все так уважаете казахский народ, то тогда почему не позволяете этому народу на своей земле, на своей родине учить своих детей на своем родном языке?!

Зигмунд Збигневич покраснел и начал нервно тереть ладони.

— Дед Асанбай, и вы поймите нас, — произнес он просительным тоном, что смягчило мой гнев. — Это требование времени! Установка сверху! Решение партии и правительства!

При упоминании Коммунистической партии и Советской власти перед глазами промелькнули железные комиссары жестоких времен репрессии, которые под прикрытием лозунгов классовой борьбы и социальной справедливости вырезали весь цвет нашей нации. Это было продолжением той политики. Да, было понятно, что за закрытиями казахских школ кроется далекоидущая политическая цель — дальнейшая колонизация и русификация казахской степи.

— Требование времени, говоришь?! А кто создал такие условия, кто установил эти требования?

— Да сами казахи хотят, чтобы их дети учились в русских школах! Сейчас ведь без великого и могучего русского языка никто и шагу не сделает в нашей необъятной Стране Советов! Как ни больно это признавать, но факт остается фактом — у вашего и у нашего языков нет никакой перспективы!

— Нет, казахи никогда не хотели и не хотят забыть свой язык и слиться с другими народами. Просто создали такие условия, вынуждающие наш народ изучать в первую очередь чужой язык!

— Да ладно, не нужно слишком драматизировать. Почти все народы СССР уже отходят от своего языка, русеют. Вон мои дети уже почти не знают польски ни слова! Обидно, но что поделаешь!

— Послушай, Зигмунд Збигневич, у тебя есть целая Польша! Родина всех поляков, хранилище языка, культуры польской нации! А у меня кроме Казахстана ничего нет! Ты понимаешь это?!

Никогда не думал, что выступлю с таким политическим заявлением в райкоме партии, в кабинете секретаря по идеологии. Ну, довели! Когда вопрос стоял о жизни и смерти родного языка, а значит, всей нации, наверное, каждый казах думал и переживал как я.

Разговор принес пользу. Зигзаг почти полупешотом сказал мне, что еще не все потеряно. Если до начала учебного года, за две недели, в первый класс наберут семерых, а в остальные существующие классы дополнительно по нескольку учеников, по закону никто не посмеет закрыть школу.

— Так что действуйте, Асеке! Только тихо, а я обещаю поддержку!

И мы начали искать и собирать детишек.

Обратились к родственникам, знакомым, живущим в совхозах, где были казахские школы, попросили отправлять своих детей в Степняк, в интернат, чтобы заполнить пустующие парты во всех классах. Нашлись все-таки казахи, которые беспокоились о будущем нации и отправляли своих детей в единственную в районе среднюю казахскую школу имени Абая.

Но беда была в том, что во многих казахских аулах, совхозах не было казахской школы! В ауле Кеннаши, где жил мой сын, герой-коневода Кабдош, почти девяносто процентов населения были казахи, но школа была русская. Все десять детей Кабдоша и Мариям учились по-русски. В ауле Бирсуат, центре совхоза «Восточный», где жила моя старшая дочь Майке, школа была тоже на русском. Восемь ее детей тоже учились по-русски. Представьте себе, дети до семи лет росли в казахской семье, говорили по-казахски, а затем началась для них совсем другая жизнь. Надо сказать, что они все-таки сохранили свой родной язык, но большинство только на разговорном уровне. И это было драмой, которая неумолимо перерастала в общенациональную трагедию. Все мои дети в свое время учились по-казахски, но уже внуки и правнуки разделились — многие из них ходили в русские школы, поскольку в тех местах, где они жили, попросту не было казахской школы. И я, их дед и прадед, глава рода, не мог ничего поделать с таким положением вещей. Единственное, что было в моих силах, постоянно говорить с ними на родном языке, рассказывать о культуре, истории и традициях. Мои потомки знали родной язык, правда, некоторые тоже только на разговорном уровне.

Невзирая ни на что, все пятеро детей младшего сына Айгали, с которым жили вместе, учились в казахской школе в Степняке.

А мой второй сын Темырбек, учитель литературы и языка, жил в ауле Сауле, где почиталось все казахское. Поющий аул называли Сауле в народе. Школа была казахская, почти весь аул играл на домбре, и четверо моих внуков тоже пели свои песни. Но вот младшей дочери в этом плане не повезло — она жила и работала в городе Петропавловске. Ее муж, наш зять, учился в русской школе, рос среди русских и плохо знал родной язык, обычаи и традиции казахов. У них росли трое детей, и все они говорили только на русском. Я много раз возмущался этим, говорил откровенно с дочкой и зятем, бывало, метал громы и молнии, но ничего не помогало. Зять и дочь развели руками и обреченно признавались: «Это веление времени! Мы живем и работаем в русскоязычной среде, там казахский язык попросту не нужен! Да, понимаем, что надо знать родной язык, беречь культуру, но не знаем, как быть?! Ничего не можем поделаться!» О чем говорить дальше? Вот так история, творимая не нами, играла с нами.

Время брало свое, и политика слияния наций засасывала всех. И уговорить многих казахов, живущих в казахском райцентре, отдать своих детей в первый класс казахской школы, стало трудной, даже невыполнимой задачей.

Помню, как мы с директором школы Оспановым и двумя учительницами казахского языка навещали каждый дом, где были дети, собирающиеся в первый класс. Хозяйева встречали радушно, по обычаям гостеприимства. Но когда начали объяснять цель нашего визита, они менялись на глазах, их лица становились каменными. Помню, были и душевные беседы с молодыми родителями, и прения, и скандалы. Воспитанные советской школой, обученные на русском языке, обрусевшие молодые папаши и мамыши и слушать не хотели нас. Директор Оспанов, честный коммунист и патриот своего народа, был человеком эмоциональным, и даже на партийно-советских собраниях не очень-то скрывал свою обеспокоенность судьбой родного языка. Он говорил с родителями откровенно, пробуждая в них национальные чувства, и просил, даже требовал, чтобы те отдали своего ребенка в казахскую школу. «Будущее родного языка под угрозой! Ну, будьте людьми, пожертвуйте одного ребенка ради своей нации!» Да, дошли даже до таких разговоров! Но не тут-то было! Одна молодая мамаша заявила нам прямо в лицо: «У казахского языка нет будущего! Скоро все будет только на русском! И не хочу калечить своего ребенка, забывая его голову никому не нужными вещами! Учить своего ребенка где хочу — мое право!» Такой цинизм был похлеще фашистских издевательств в плену и злобных взглядов эзков в Сусумане. Оспанов по-

краснел от ярости, но сдержался, понимая, что дальнейшая ссора окончательно испортит все. Учительницы тихо вытерли крупные капли слез. Мы молча покинули этот дом, осознавая, что обрусевшие молодые родители — жертвы и плоды колониальной политики империи — теперь начали выполнять ту программу, которая была заложена в них — рубить корни своего народа! На нас давило чувство обреченности.

Но шли до конца, и в двух домах нам улыбнулась удача. После нашего серьезного разговора и горячего монолога Оспанова молодые родители, сами выпускники школы Абая, твердо решили привести своих малышей в нашу школу.

И так, всеми правдами и неправдами, мы набрали шестерых, а седьмого никак не могли найти. И опять случайность помогла мне найти решение. Помню, сидел я перед своим баракком и напряженно думал об этой проблеме. Вдруг кто-то здоровается со мной по-казахски. Смотрю, мальчонок Герольд, семилетний младший сын соседа Лейке. Он пришел играть с моим правнуком. И меня осенило — а почему бы его, Герольда, свободно разговаривающего на нашем языке, не привлечь в нашу школу?! Я разговорился с ним, он так прекрасно отвечает, что просто любодорого слушать. Спрашиваю, не хочет ли он учиться в казахской школе? Он неожиданно обрадовался такому предложению и охотно согласился. Оказывается, он подрался с несколькими русскоязычными мальчишками, будущими одноклассниками, во время игры в футбол, и теперь ему не очень хотелось учиться с ними в одном классе. А мой правнук, который тоже собирается в первый класс, заступился за него. Они с рождения жили рядом и росли вместе. Такой казахско-немецкий союз был мне на руку, и теперь оставалось только уговорить Лейке и Зою.

Я поговорил с ними. Мой куда — сват Лейке, помнивший доброту казахов в тяжелые для немцев времена, глубоко задумался. Ответ дал назавтра. Ну, просто молодцом оказался этот работяга немец Лион Вильверт! Когда он понял, что единственная казахская средняя школа, носящая имя великого поэта Абая, может закрыться навсегда, вскипел от негодования и по-черному ругнул и Советскую власть, доведшую до этого, и казахов, чужающихся своего родного языка. И в самый критический момент Лион со своей женой, белорусской Зоей, которая свободно, но с акцентом говорила по-казахски, привели младшего сынишку, своего позднего ребенка Герольда, в первый класс казахской школы! Так, без громких слов, мы поняли, что они решили помочь казахам в критической ситуации.

— Гёте поддерживает Абая! — воскликнул я, вспомнив далекий тридцать седьмой год.

Герольд стал настоящим героем среди казахов. Он учился хорошо, говорил свободно, сочно по-

казахски, знал наизусть много стихов и декламировал мастерски. Среди школьников Герольд всегда блистал знанием казахского языка и литературы, и все прозвали его бильгир — знаток. Даже седые учителя баловали его, обращаясь уважительно — Герече! Герольд бильгир — знаток закончил школу уже в новое время и стал известным казахстаноязычным телеведущим независимого Казахстана.

...В середине восьмидесятых годов объявили перестройку, а потом вышло постановление ЦК партии о борьбе с пьянством. С полок магазинов начали исчезать привычные для глаз приятные бутылочки. Зато стали процветать подпольное производство и торговля подделками, прозванными в народе самопалом. Трудно было достать хорошую водку для дорогих гостей, да и для себя. Казалось, мы были в тупике. Но выход нашел Николай Третий.

— Как пили, так и будем пить! — отрезал он. — Только по уму будем делать это!

И мы, три добрых соседа, начали подпольно гнать самогон. Николай привозил остатки пшеницы в кузове, собрался солидный запас, и по мере надобности аккуратно готовил бражку. Я вносил свою лепту сахаром, а Лион, мастер на все руки, приготовил прекрасный самогонный аппарат. Помню, как в первый раз гнали самогон. Впервые в жизни видел, как это делается. Николай и Лейке были главными действующими лицами, а я был прикрытием. Любой милиционер не осмелится войти в наш барак, оттолкнув восьмидесятипятилетнего инвалида войны. В строжайшем секрете держали мы нашу затею, и когда, глубокой ночью, пошли первые капли из змеевика, меня охватило непонятное волнение.

— Первач! — смачно произнес Николай. — Самый смак, сила!

И мы, три соседа — русский, немец и казах, не дожидаясь конца процесса, пропустили по полстакана первача и захрустели соленым огурчиком! Ох, не забуду этот огненный, отменный вкус! Мне за свою вековую жизнь не удалось пробовать виски — не встречался. Так вот, мне потом рассказывали, что у виски примерно такой же вкус. Но, мне показалось, что первач из чистой пшеницы, наша отрада и наша отрава, лучше всех спиртных напитков.

Это был наш негласный бунт против произвола партии и власти. Но не все могли рисковать, как мы. За самогон судили строго, могли и срок дать. Поэтому мы редко позволяли себе рискнуть и гнали запасы на несколько месяцев. Многим приходилось туго, и каждый находил свою лазейку как мог. Приключения в поисках выпивки в перестроечные времена — это целая народная трагикомедия!

Тогда достать водку для народа стало проблемой номер один. У кого была водка про запас, тот и заказывал музыку. Тому первым подвозили уголь, дрова,

сено и солому. Парадокс — хотели понизить роль водки, а получилось, подняли очень высоко.

Как известно, русские на похоронах поминают усопших стопкой водки. Ну, кто будет держать в подвале на такой случай целый ящик? Даже если старухи припрятали где, все равно старики, да и постарше кто, нашли бы и выпили за здоровье и долголетие этих же старушек.

Поминки, понятно, дело серьезное, и власти тут не могли пренебрегать традицией. По негласному решению райкома и райисполкома, на каждые похороны выделялся ящик водки, и в райпотребсоюзе выдавали этот заветный ящик за наличные деньги строго по списку и только по справкам о смерти близкого человека. Тонкость ситуации в том, что такая привилегия не была предусмотрена для мусульманской части населения. Да и не нужна эта водка на мусульманских похоронах. Но нашлись люди, думающие иначе. Воспитанные в духе советского интернационализма, они увидели в этом разделение и ущемление людей по национальным и религиозным признакам. И некоторые из них начали требовать в райпотребсоюзе, вместе с необходимыми товарами для похорон, этот злосчастный ящик русской водки! Вот до чего доводит ассимиляция сознания! Получив категорический отказ от руководства потребсоюза, они напрямик шли к Зигмунду Збигневичу Качановскому. Как-то одна женщина-казашка потребовала от него на полном серьезе:

— Сын женится. Мы с мужем сызмальства работаем в совхозе, наверное, заслужили внимания, помощи от правительства. Так вот, помогите нам получить в райпотребсоюзе ящик водки на свадьбу и приплюсуйте положенный нам ящик водки по случаю смерти свекра! Мы тогда не брали!

— Какой положенный?! — возмутился, не выдержав, Зигзаг.

— По закону! По общему порядку! — не отступала боевая женщина.

— Нету такого порядка! Это мы просто помогаем людям в трудную минуту! — пытается объяснить Кочан, закрыв левый, вытарашив правый глаз.

— Так помогайте всем! — не унимается аульная женщина. — А вы разделяете людей!

— Но вы же мусульмане, казахи! И вы же не пьете водку на похоронах! — взрывается Кочан.

— А это наше дело! Но что положено, то положено! Свекор помер, значит, вы должны выдать нам ящик водки!

Бедный Зигмунд Збигневич! Наверное, со времен Речи Посполитой ни один поляк не вступал в такой спор и не встречал такую железную логику! Качановский объясняет и так, и сяк, но женщина стоит на своем.

— Вот недавно умер же деверь нашей соседки Наташи, так им сразу дали ящик водки!

— Но они же русские! — взмолился Зигмунд Збигневич.

— Ах, вот как! Если русский умер, значит, положено ящик водки! А казах помер — не положено?! Что, нерусским поминать покойников нельзя?! Выходит так, по-вашему?! — ярится женщина пуще прежнего.

И она обвиняет преданных идеям и заветам Ленина коммуниста Качановского в предвзятости, разделении советских людей по национальности и по вере.

— Накатаю-ка на вас в обком бумажку! Компартия учит, что мы единый советский народ. Значит, у нас должны быть одинаковые обычаи! А вы мешаете этому!

Я представляю себе Зигзага при этих словах. Он как огня боялся всякого рода бумажек наверх. А такая угроза вообще убила его. И он позвонил председателю потребсоюза и попросил, чтобы выдали этой женщине два ящика водки — один на свадьбу сына, а второй по случаю смерти свекра. Гордая победительница зашагала поспешно в сторону продснаба, а Качановский, качая поникшей головой, потянулся к графину с холодной водой.

А вообще, под давлением обстоятельств, Зигзаг проявлял большую гибкость и отказывал, кому можно, стыдя людей несоблюдением обычаев предков. Но когда чувствовал, что ему не просто отделаться от назойливых просителей, особенно женщин, уступал, но с умом. Вот так иногда водочный вопрос перерастал в политический, с национальным оттенком.

Перестройка и постановление о борьбе с пьянством были не очень понятны народу. Народ не воспринимал смысла этих шагов правительства и терялся в догадках — что же за этим кроется?

На всякий случай многие местные начальники переставили мебель в рабочих кабинетах, перекрасили стены, окна, пол и потолки. Помню, посмеивались между собой — раньше столы для совещаний стояли Т-образно, а теперь их переставили П-образно! Вот и перестроились!

Но время неумолимо диктовало свое и незаметно для нас приближались большие перемены. В декабре одна тысяча девятьсот восемьдесят шестого года в тогдашней столице Казахстана Алма-Ате произошли известные декабрьские события. Решением Москвы руководителя республики Кунаева сняли и поставили русского Колбина. Случился взрыв негодования. Молодые казахи, в основном студенты и рабочие, вышли на центральную площадь выразить свое несогласие по этому вопросу. Это был неслыханный массовый открытый протест решению ЦК Компартии в Советском Союзе, который потряс тоталитарную систему власти огромной страны.

Казахская молодежь потребовала от ЦК и Советского правительства: каждому народу — своего руководителя! То есть первым руководителем Казахстана должен быть казах!

Но власти не прислушались к гласу народа. Внутренние войска и милиция силой разогнали безоружных молодых людей, вышедших на площадь выразить свой гражданский протест против произвола кремлевских диктаторов. Потом начались гонения. Наказывали студентов, исключали из вузов, сажали в тюрьмы.

В дальних уголках республики пока ничего толком не знали об этом. Степь наполнилась слухами. В те дни узункулак — степной телеграф — заработал всюю, потому что официальные источники молчали. Мало того, власти старались затыкать рот всем говорящим и вопрошающим на эту тему. Узнать судьбу своих детей-студентов родителям было нелегко. Телефонную и почтовую связь перекрыли на некоторое время, кажется, власти были серьезно встревожены и подстраховались на всякий случай.

А слухи были один страшнее другого. Говорили, что в город ввели войска, солдаты били саперными лопатами демонстрантов, поливали из водометов, убитых и избитых до полусмерти студентов вывозили за город на грузовиках и «черных воронках» и выкидывали на мусорные свалки, оставляя в морозную ночь на произвол судьбы. Погибших и искалеченных было немало, а многих молодых казахов — парней и девушек — просто хватали и бросали в темные подвалы, в каменные тюремные камеры, где избивали до полусмерти и издевались. Алмаатинский горком и райкомы партии дали тайное указание всем трудовым организациям, чтобы те вооружали своих рабочих-неказахов железными арматурами, чтобы быть готовыми дать отпор казахской молодежи. И очевидцы рассказывают, как раздавали эти обрезки арматур прямо на рабочем месте. Никто точно не знает, сколько железных прутьев обогрилось кровью безоружных студентов. Как выяснилось потом, в этих ужасных слухах было много преувеличений, и все же была и доля правды.

Чуть позже появились статьи в официальных центральных и республиканских газетах, которые назвали эти события беспорядками и обвинили казахскую молодежь в национализме, хулиганстве, алкоголизме и наркомании. Было ясно, что так власти пытаются очернить первых ласточек свободы и демократии.

Я остро переживал эти события и сразу вспомнил шестнадцатый год, когда молодые казахи восстали против произвола царизма и пошли против пушек, пулеметов и винтовок с простой березовой палкой — соилом, и погибали в неравной схватке. Сердце обливалось кровью, и я молился за нашу молодежь.

Но поднять глас было невозможно, никто и слышать не хотел нас. Многие, до мозга костей преданные делу партии и заветам Ильича патриоты Советского Союза, в том числе и казахи, охотно верили официальной версии и открыто обвиняли молодежь в заблуждении. По их мнению выходило, что студенты, поддавшись провокации чуждых советскому обществу элементов, покусились на святая святых нашей необъятной страны, сплоченной навеки Великой Руси — единство и дружбу народов, нарушили мир и покой, пытались разжечь межнациональную рознь.

Мы, три соседа, сначала тихо обсуждали это событие на кухне, а затем завелись и продолжили в баньке у Николая. Николай и Лейке были ошарашены таким неожиданным проявлением «казахского национализма».

— Казахи были всегда интернационалистами! Что это вдруг нашло на них? — вопрошал недоуменно Николай.

— Такой терпеливый народ, и на тебе — взорвались! — удивленно пожимал плечами Лейке.

— Значит, накипело, наболело десятилетиями! — как можно спокойно ответил я соседям. — Чего только не терпел наш многострадальный народ! И вот наконец его прорвало!

И высказал многое соседям. Не скрывал, что солидарен с декабристами, что методы подавления молодежи советских политиков и силовиков граничат с жестокостью кровавых диктаторов.

— Так и надо! Так надо поступать со всеми, кто против нас! — возразил Николай. — Это политика, а не балет на льду!

— Тогда это антинародная политика! Шовинизм с элементами деспотизма! — взорвался я. — Как можно молодежь своей страны вот так запросто избивать, изгонять, растаптывать?!

— А нечего было высовываться! — не унимался сосед. — Вот скажите, зачем, ради чего надо было бунтовать, будоражить всю страну?!

— Ты лучше подумай, зачем, ради чего надо было доводить до этого?! — парировал я. — Неспроста все это! Значит, накопилось немало проблем в национальной политике! И придется все это исправить, ответить когда-то!

— Перед кем? — возмутился Николай.

— Перед историей... Перед Богом... Перед памятью... Перед совестью человеческой, в конце концов!

Разошедшись, я начал рассказывать добрым соседям об исторических преступлениях в степи. Они молча слушали, но когда речь пошла о голодоморе, Николай не выдержал и прервал меня:

— Да ну!.. Если произошла бы такая грандиозная катастрофа, то мы непременно услышали бы об этом! Раз до нас не дошло никаких слухов, значит, не очень-то громкое дело было!

Такая логика выбьет из колеи кого угодно, но я удержался и продолжил свой рассказ об увиденном и пережитом в голодный год. Николай покачал головой.

— Тогда почему мы об этом не знаем? Раз мы не знаем об этом, значит, этого не было!

— Вот те на! — не выдержав, возмутился я. — Логика грёбаная! Выходит, если ты не знаешь чего-то, значит, этого нет? Если ты о чем-то не слышал, значит, этого не было, да?

— Да! Тогда этого и в помине не было! А теперь вот заявляется! Нет, я этому не верю! — сказал он твердо.

— Да просто все это было закрыто, запрещено властями! А в действительности это факт! Причем исторический! И документально подтвержденный, между прочим! Весь народ знает и шепотом говорит об этом!

— А я не верю этому! И точка! — невозмутимо произнес Николай, обливаясь холодной водой.

Вот попробуй пробить, изменить такое железное убеждение. Мое спокойствие и терпимость претерпели и такие испытания.

Оказывается, он ничего не знал о голоде тридцать второго! Он вообще об этом не слышал! Николай также ничего не знал о многих злодеяниях царских, а затем советских властей в отношении казахского народа! И Лейке не знал!

Мне пришлось драть глотку, рассказывая о национальных трагедиях казахов, произошедших в бескрайней степи. Они слушать-то слушали, но с каким-то недоверием. Объясняя им, русскому и немцу, пережитое нами, казахами, вдруг я понял, что все это для них так не важно. То, что больно, очевидно для нас, для них казалось какими-то внеисторическими, сомнительными легендами. Как будто что-то полоснуло по сознанию, и я понял простую, но жестокую истину: трагедия одного народа — в лучшем случае просто исторический факт для других народов! Страдания одной страны — статистика для других!

— Зачем вы все это ворочаете? К чему клоните? Мне совсем не нравится такой разговор! — наконец не выдержав, резко сказал Николай.

— А хочу высказаться! Чтобы все знали правду и имели мужество прямо смотреть на нее! — ответил я спокойно и твердо. — Затаенная обида приводит к озлоблению, вранье — к недоверию! Надо высказать всю правду о событиях в истории и сделать выводы, идти вперед и жить дальше! История вражды должна учить нас дружбе! История войны должна учить миру! Пора положить конец разным кривотолкам и спекуляциям по казахско-русско-немецкой войне!

— Ну, ладно... Но все это ведь в прошлом... А сейчас-то тишь да благодать! — вымолвил Николай.

— Какая тишь, какая благодать! — воскликнул я в сердцах. — Ты что, не слыхал о ядерных испытаниях на Семипалатинском полигоне?

— А что? Военная необходимость! Для самообороны бомба нужна!

— Оборона, говоришь... Но где, какое государство, какая власть подвергает свой народ такому ядерному испытанию, обрекая на мучительную смерть и страшные болезни?! Вот столько десятилетия взрывали Святую землю, и на тебе, многострадальный народ ответил взрывом души!

Лейке угрюмо молчал. В то время эта тема была запретной. Николай почесал в затылке, покачал головой и грустно произнес:

— Вот я тоже думаю... это ужасно! Бомба-то... атомная... ядерная... не выбирает национальностей. Она — общая беда!

— Да, никто нигде не спрячется от нее! — поддержал Лейке. — Само ядерное испытание в степи — преступление!

Нам всем стало страшно, и, как всегда, в трудную минуту пришла на выручку верная обманка — водочка. Затем попарились, хлестая друг друга веником и вымещая таким образом всю бессильную злобу и обиду.

И тут мне вспомнилась история, связанная с баней, которую тут же рассказал соседям.

— Однажды на разведке мы тихо, незаметно подошли к неизвестному хутору. Понаблюдав основательно и убедившись, что немцев нет, постучались в крайнюю хату. Хозяин обрадовался и испугался одновременно, увидев нас. Сказал, что к вечеру придут фашисты попариться в баньке. Мы спрятались за хутором, в лесу, и терпеливо ждали. Вечером подъехали на трех мотоциклах офицеры и солдаты. Они громко разговаривали и хохотали. Потом вошли в приготовленную баню, оставив одного часового. Мы подождали чуточку, затем тихо подошли ближе. Ребята быстро убрали часового, заняли позиции, а мы с Иваном вошли в предбанник, где висели одежда и оружие фашистов. Здоровяк Иван, наш командир, резко открыл дверь в парилку. Голые немцы обомлели, увидев нас. Иван молниеносно схватил одного фашиста, вытащил его и бросил мне. Я скрутил его, накинул немецкую шинель. Перед уходом посмотрел на немцев в парилке. Они застыли в растерянности и широко раскрытыми глазами смотрели на нас. Кажется, еще толком не понимали, что случилось. Обычные человеческие лица, горячий пар, запах березовых веников невольно напомнили мне о простой земной жизни. Но в следующий миг Иван бросил связку гранат в парилку, хлопнул дверь, и мы выскочили. Прогредел мощный взрыв, пламя и дым окутали баню. «Какая ужасная смерть! Война, что поделаешь!» — утешал себя. Но почему-то этот эпизод врезался в сознание, и не могу забыть об этом...

Николай Борисович Нестеров загрустил и тоже начал рассказывать.

— Однажды мы переходили фронт...

Он умолк и долго сидел молча, упершись взглядом в бревенчатую стену. Видно было, что ему трудно дается этот разговор.

— Нет, я все-таки должен рассказать об этом. Никогда никому не рассказывал... но, хватит молчать!

Николай продолжил тихим голосом:

— Мы переходили фронт, шли в тыл фашистам и вдруг наткнулись прямо на огневую точку. Пулемет был искусно замаскирован ветвями и травой. Мы тихо легли и прижались к земле. Ждем, смотрим — тишина. Присмотрелись, а там фашист у пулемета спит. Ну, командир приказывает мне — убрать его. Подполз к нему, смотрю, спит молодой, даже совсем юный немец. Вытащил я нож, чтобы всадить ему в шею, но никак не могу ударить его. Не знаю, что на меня нашло, но рука не поднимается. А он спит себе так мирно, сладко. Ну, говорю про себя: «Ах ты, фашист проклятый! Ты пришел на нашу землю! Ты убил столько мирных людей! Кровопийца, изверг!» Нет, никак не могу злиться на этого мирно спящего пацана! Что же делать? Приказ есть приказ, надо исполнять. Если ты не уничтожишь врага, то он уничтожит тебя! Таков жестокий закон войны. Я приставил острие ножа к сердцу юного немца и надавил со всей силы. Нож мягко вошел в молодое тело, как в масло. И тут юнец широко открыл глаза, посмотрел на меня. Я оцепенел и не мог оторвать взгляда от таких невинных глаз! Он молча помер! Тут подошли наши, и мы пошли дальше выполнять боевое задание. Но этот взгляд юнца на всю жизнь остался в моей памяти. Бывает, забываю надолго, а затем, в один миг, всплывает этот взгляд, и я мучаюсь, не сплю ночами...

Загрустили мы, загрустил и Лейке. Заглушили душевную боль, как всегда, водкой. Ничего не поделаешь, что случилось, то случилось. Такова, значит, наша судьба!

— Странно все! — вымолвил наконец Лейке. — Получается как... Вот мы, три соседа, живем тихо, мирно, в дружбе и согласии... А что было бы, если бы встретились там... на передовой... лежали в окопах по разную сторону?! Стреляли бы друг в друга, а?!

Каждый из нас представил себе, как бы это могло быть, и мы некоторое время сидели молча.

— А что поделаешь, коли прикажут?! — произнес Николай глухим голосом.

— Но что тогда дружба? Добрососедство? Прикажет какой-то психопат, и что, палить будем друг в друга? — взорвался Лейке. — И потом потомки будут обвинять: вот какой вы сволочной народ, нацисты, шовинисты, националисты?!

— Да успокойтесь! — воскликнул я на правах старшего. — Не надо обвинять народ, целую нацию

во всех грехах! Жизнь не раз убеждала меня в том, что нет плохих народов, а есть плохие и хорошие в каждом народе. Нет плохих народов, а есть плохая политика! Нет плохих людей, а есть плохое поведение. Плохие поступки людей — плод плохого воспитания.

— Понимаю вас, Асеке, и поддерживаю! — произнес Лейке. — Однажды, в ауле, осенью сорок четвертого года, меня чуть не убили казахи!

Мы с Николаем раскрыли рты.

— Да, те самые добрые казахи, которые нас приютили, поддерживали. Случилось так, что в один дом пришла похоронка. Родственники оплакивали погибшего солдата, весь аул, в том числе и депортированные народы разделяли их горе. Но через несколько дней двое братьев павшего на фронте солдата, юноши на год-два старше меня, четырнадцати—пятнадцати лет, встретились со мной за аулом, в степи, во время поиска коров. Они злобно посмотрели на меня и начали ругать, оскорблять, называя фашистом, кровопийцей, душегубом. Я отвечал, что я не фашист, а мирный немец. Они говорили, что все немцы — дурная кровь, убийцы, одного поля ягоды!

— Ну, вот об этом и говорю! — воскликнул я. — Когда один человек ненавидит другого человека — это драма. А когда один народ ненавидит другой народ — это трагедия. Путь ненависти — нечеловеческий путь, она никогда к добру не приведет!

— После словесной перепалки озлобленные гибелью брата парни яростно набросились на меня. Они были старше и крупнее, повалили на землю и начали бить, пинать. Не знаю, убили бы или нет, но покалечили бы точно. И тут послышался резкий окрик, и братья отпрянули. Я встал и отскочил подальше. Они собрались было опять напасть, но тут между нами встала Батима-апа — бабушка, ваша мама! Она грозно отчитала парней, те не смели перечить ей, успокоились. Батима-апа сказала им, что эти бейшара — бедняги немцы не от хорошей жизни приехали к нам.

— Они не виноваты в этой войне. Не все немцы фашисты. Лейке не виноват в смерти вашего брата. Одумайтесь и помиритесь! Живите дружно! — призвала нас суровым голосом. Братья ушли, ничего не сказав, но больше не приставали ко мне. Вот так ваша мама спасла меня в трудную минуту!

Я был глубоко тронут рассказом Лейке. Николай тоже покачал головой.

— Знаешь, Лейке, — наконец произнес я. — Чуть позже твоего случая, в ноябре сорок четвертого, я попал в плен. Немец-офицер хотел меня пристрелить. Он стоял в нескольких шагах и игриво перебрасывал свой парабеллум с одной руки на другую. Я тихо молился. И тут обратился к офицеру и попросил за меня казах-легионер. Офицер некоторое вре-

мя раздумывал, затем подбросил парабеллум в воздух, прокрутив несколько раз, ловко поймал его на лету, вложил в кобуру и махнул рукой, оставив меня в живых! Не могу объяснить, но, кажется, между этими событиями есть какая-то неведомая нам таинственная связь! Моя мама, спасая тебя, наверное, спасла и меня! То есть ее доброта в отношении тебя, немца, вернулась через немецкого офицера и сохранила мне жизнь!

— Кто знает, кто знает! — пробормотал потрясенный Николай.

Мы некоторое время сидели молча, заново переживая драму далеких лет, и, как всегда, запили все горькой водкой.

И хотя прошлое временами напоминало о себе и заставляло заново переживать те далекие события, жизнь продолжалась и шла своим ходом.

...Однажды ко мне обратилась с удивительной просьбой соседка Зоя, жена Лиона. Она очень волновалась. Переборов себя, сказала на одном дыхании, что в магазин поступил цветной телевизор. И ее дети очень хотят приобрести такое чудо. Но цветной телевизор — товар дефицитный и не продается свободно. Не каждый имеет, во-первых, финансовую возможность завладеть магическим экраном. А во-вторых, такие дефициты распределяются строго по спискам. И в первых рядах этого списка числятся инвалиды и ветераны Великой Отечественной войны. А первую строчку в этом почетном ряду занимал, как вы думаете, кто? Асанбай Бектемиров, то есть я, который прошел всю войну, трижды раненный и имеющий множество боевых наград — орденов и медалей. Логика соседки была железной: Ардагер — ветеран идет к председателю райпотребсоюза, тот подписывает бумажку, и завмаг отпускает такой вожеленный многими цветной телевизор доброму старикашке. А по приезде домой Лион встречает его, и уже в этот же вечер весь барак — три семьи-соседи — дружно будут смотреть разноцветные передачи из Москвы, чокаясь и закусывая хрустящими огурцами.

Мне стало не по себе от такой просьбы, но не мог отказать доброй соседке, матери нашего героя Герольда.

Председатель райпотребсоюза встретил меня радужно. Выслушал внимательно и ответил:

— Кому, как не вам, положено цветное диво!

И без лишних слов позвонил завмагу и поручил единственный большой цветной телевизор продать мне.

Когда я пришел в магазин, там собралась небольшая группа женщин. Они встретили меня не очень дружелюбно, поздоровались для приличия и стали зорко следить, что будет дальше. Стало как-то не по себе. Завмаг неохотно указал на красивую коробку и выдавил из себя:

— Вот он... ваш красавчик. Семьсот пятьдесят пять рублей! Оплатите утром и забирайте к черту! А сегодня оформляем новый товар — делаем таксировку!

В то время советский рубль уже начал падать в цене, стал в два раза дешевле, но все еще был в силе. Я сказал «хорошо» и собрался уходить. И тут прозвучал робкий голосок:

— Почему весь дефицит выдаете только ветеранам?

Не успел обернуться, как люди заговорили наперебой:

— Надоели уже эти ветераны! Все подряд забирают!

— А нам крохи достаются!

— Как будто молодые не люди!

Я растерялся от такого лобового наскока. Женщины наседали.

— А что, цветной телевизор нам не по цвету?

— Аташка, вы же тот раз взяли стенку для дочки!

— И теперь еще телевизор!

— Да, ладно уж, если бы себе покупали! Зачем для других стараетесь?

— Вы что, талон на дефицит?

— Вот мы все против того, что вы стараетесь для соседей! Постыдились бы своей седины!

Я, кажется, пробормотал что-то невнятное и поспешно ретировался. И вдогонку доносилась азартная ругань разгоряченной толпы.

— Да они совесть потеряли совсем!

— Или выжили из ума!

Наверное, я так не убегал даже от фашистских пуль. Мне хотелось поскорее удалиться от них, спрятаться в уголке и укрыться большой черной шубой из овчины. Но, ясное дело, от словесных пуль нигде не укроешься. И меня начала мучить совесть. Как я, почтенный аксакал, подобно глупой рыбе, попался на крючок мелочных склок?

Вот тут пришла интересная мысль. А кто вообще первым выживает из ума? Тот, у кого много ума, или тот, у кого его нет? Если ума нет, то из чего выживать-то?! Тогда получается, что умные первыми и выживают из ума?! Так, так, продолжил я свою мысль, посмеиваясь над собой, народ прав, как всегда, и ты, наверное, потихоньку, сам того не замечая, сходишь с жизненного пути, то бишь с ума! Нет, так не пойдет!

И решил отказаться от этой затеи и открыто сказал об этом соседям. Они немножко сникли, но приняли мой отказ, да и что им оставалось! На этом можно, даже нужно было поставить точку.

Но вот тут-то на сцене появилась моя любимая сноха Баян. Логически она рассчитала точно. Зачем пропадать полученному от председателя райпотребсоюза разрешению? Раз отказали соседке, так она, сноха, имеет полное право на этот телевизор. Мои

любимые детки ласково уговорили меня не отказываться от цветного телевизора, а приобрести его для себя, как полагается. А черно-белый продать кому-нибудь и наслаждаться всей семьей светиком-семицветиком. Я опять растаял и дал добро.

Но не тут-то было. На горизонте появился еще один старый хромой ветеран войны. Он несколько лет назад переехал в Степняк из аула Тассу — Каменьвода, который разваливался, а впоследствии вовсе перестал существовать. Получив отказ от председателя райпотребсоюза, он пошел прямо к Зигмунду Збигневичу Качановскому. Зигзаг, как обычно, с хитрецей выслушал его и, покачивая головой, пообещал разобраться. Он был не на шутку встревожен предстоящим столкновением двух авторитетных ардагеров-ветеранов, которое могло перерасти в громкий скандал областного, а то и, по Кочану, республиканского масштаба. Зазвенели натянутые нервы Зигзага. За это не поглядят по голове. Не обеспечить ардагеров — ветеранов войны самыми необходимыми вещами быта, создать дефицит товаров! Да вы понимаете, что это такое!

В магазине нас встретил сам Зигмунд Збигневич Качановский. Он был заметно взволнован:

— Некрасиво получается как-то! Боюсь, нас не поймут.

Он многозначительно поднял указательный палец вверх, вытаращив правый и зажмурив левый глаз.

Вот так я невольно оказался вовлеченным в скандал, чего очень не любил и всю жизнь старался избегать, считая, что всякого рода склоки и распри людские в корыстных целях, особенно из-за мелочей, пустячных выгод, ниже человеческого достоинства. Я сознательно отказывался от таких мелочных схваток и всегда спокойно оставлял материальный объект вождения страстно жаждущим. Но на этот раз случай был особенный — столкнулись интересы женщин двух семейств, и мы, бедные ветераны, оказались меж двух огней, как на фронте.

Я вообще не понимал, как люди могут враждовать из-за каких-то вещей-товаров. И всегда иронизировал над теми, кто штурмом брал бетонные склады райпотребсоюза, чтобы достать импортную шмотку, или с кровавой пеной у рта разрывал глотку в многолюдных очередях из-за какой-то дефицитной мебели или красочного тряпья. Но что поделалось, это была наша реальность, наша жизнь.

«Тогда, на фронте, мы делились куском хлеба, куском свинца и осколком вражеского снаряда. А теперь драться за это дерьмо?! Мы что, остались в живых, чтобы ссориться из-за дефицита?!» — подумал я. Стало противно.

И нашел единственно верный выход из этой тупиковой ситуации — добровольно отказался от цветного телевизора. Качановский так радовался моему решению, хромой ветеран, который был лет на два-

дцать младше меня, торжествовал. А сын и сноха дулись пару дней. Зато люди, кажется, зауважали меня еще больше.

«Ветеран ветерану рознь! Молодец, аташка, не позорится — не зарится на барахло!» Было приятно это слышать, и легче стало на душе.

Иногда мне казалось, что жизнь играет со мной в лотерею. Бывало, я выигрывал крупно, но и проигрывал солидно. Но, при всех плюсах и минусах, эта была моя жизнь, и я любил ее.

Сейчас не помню точно когда, но в послевоенные годы власти выделяли легковые машины марки «Запорожец» инвалидам войны. Но не всем, конечно. Там были специальные статьи, имеющие очень много извилистых ответвлений, как в древнем критском лабиринте, так, что не каждому было под силу пройти весь этот загадочный путь закона, где в любой момент из-за угла мог выскочить чудовищный Минотавр и поднять бедолагу на острые рога. Но были и редкие счастливики, которые приезжали домой на новеньких, поблескивающих на солнце «Запорожцах».

И вот, накануне дня Победы Айғали и Баян загорелись идеей пустить в ход инвалида-отца, то есть меня, и завладеть автотранспортом. В то время собственная машина была такой редкостью, которая даже и не снилась многим. Но я-то хорошо знал, что мне по закону не положено.

В то время документы имели силу закона, и никто не смел изменить даже букву на бумажке, подписанной представителем советской власти и скрепленной гербовой печатью. Милой снохе Баян пришлось столько мытарствоваться, чтобы исправить одну нелепейшую ошибку в паспорте. Она родилась в далекой зимовке чабана, и отец приехал за документами через несколько недель. В конторе он радостно говорит, что дочь родилась в последний день второго месяца зимы. Секретарь сельского совета каким-то чудом записал в метрике фантастическую дату рождения — тридцатое февраля! И все! Баян окончила среднюю школу, получила паспорт, поступила в медучилище, получила диплом, военный билет как медсотрудник, работала в больнице, в поликлинике и нигде никто не задавался вопросом — а ведь тридцатого февраля не существует! Когда мой сын Айғали собрался жениться на ней, в ЗАГСе не захотели менять документ! Несмотря на все доводы молодоженов, им выдали свидетельство о браке с датой рождения тридцатого февраля. Документ советский, значит, изменению не подлежит! Да, все согласны, что нет тридцатого февраля, но документ есть документ!

И только после перестройки мне удалось добиться правды — документы наконец-то переделали и написали правильную дату — двадцать восьмое февраля.

И сын все время подтрунивал, мол, надо было записать двадцать девятое февраля, чтобы тратиться на подарки только раз в четыре года!

Шутка шуткой, но грозный пункт закона «Не положено!» не подлежал обжалованию. «Не положено!» — и всё. После такого четкого ответа никто задавать вопросов не смел.

Но сын и сноха не унимались. Айғали обижался, Баян молча упрекала взглядом. Их можно было понять.

— Отец! — воскликнул однажды сын. — Неужели тебе безразлично, что твои дети и внуки ходят пешком? Ты же воевал, прошагал всю войну, проливал свою кровь, защищая Родину, нас. Думаю, ты заслуживаешь не одну, а десятки машин!

— Но я же воевал не ради машины!

— Воистину это так! Но раз государство дарит достойным ветеранам легковую машину, почему ты отказываешься получить свое?!

Сын кипел от негодования, а сноха молча слушала нас и только изредка кивала головой, слегка вздыхала, как бы раздувая огонь ярости мужа.

— Но ты же знаешь, что мне не положено, — привел я последний аргумент, чувствуя, что теряю позицию.

— Это еще с какой стороны посмотреть — положено или не положено! — вдруг вмешалась в разговор звонким голосом Баян. Я к ней относился как к родной дочери — она была воспитана в лучших традициях казахской семьи, уважала и заботливо ухаживала за нами. Трудяга необыкновенная. Мы не могли ее остановить во время работы — за что ни возьмется, не знает отдыха и покоя, пока не доведет до ума. Мать пятерых моих внуков, она заслуженно занимала свое почетное место в нашей семье. Вот из-за нее я был почти готов пройти медкомиссию и попросить этот не положенный мне «Запорожец».

— Да она говорит дело! — воспрял духом сын.

— Вот пожалуйста... хромой фронтовик из Тасу... получил же машину! — продолжала сноха. — А вы говорите, положено — не положено! А он-то... не на фронте закопал свою левую ногу! — возмущалась сноха.

— Да все знают об этом! Он после войны... спяну попал в аварию на мотоцикле! — подхватил сын. — Прошло лет двадцать, очевидцев почти не осталось, и вот тебе — нашлись влиятельные родственники, тихо подделали документики и пожалуйте! Катается он на «Запорожце» и в ус не дует! А чем ты хуже? У тебя заслуг, да не простых, а кровных, перед матушкой-родиной побольше будет! Ты же чуть Героем Советского Союза не стал! Тогда почему ты должен на старости лет ходить пешком?

— С другой стороны, кажется, вы тоже правы! — соглашался я. — Но что поделаешь, не положено!

— А вы только согласитесь идти на комиссию! Остальное — наше дело! — с жаром воскликнул сын. — В наше время легко сделать так, что «не положено» станет «положено».

— И что ты имеешь в виду?

— А мы нашли людей, готовых нам помочь! Вы просто покажитесь медкомиссии, а остальное они сами доведут до ума!

— Прекрати сейчас же! И не смей больше даже думать о таком! — отрезал я. — Я свою кровь на фронте по благу не проливал! И не буду по благу брать эту машину!

Айгали стиснул зубы и с трудом промолчал, но по его виду ясно было, что он хочет сказать: «Ну и дурак же ты, отец! Дураком жил, дураком и помрешь!»

Баян тихо всплакнула и начала убирать со стола. Айгали молча вышел.

Я остался один и предался тяжелым размышлениям, облокотившись на подушку из гусиных перин. «Позвольте хоть остаться честным перед памятью боевых товарищей!»

И вдруг, что странно, внутри меня заговорил Салим:

«Честность, говоришь? Так перед кем? Перед этой жестокой советской властью, которая потопила в крови нашу степь, уничтожила миллионы ни в чем не повинных людей?»

«Может, совесть вождей не чиста, но кровь солдатская, пролитая на той войне, священна!» — отвечал я ему про себя.

Как-то неловко было нам всем после этого разговора. Как бы ни старались сгладить все, какой-то осадок оставался. Особенно остро переживал Айгали, и каждый раз, как надо было куда-то ехать, тонко подкалывал.

— Ну, что, аксакал? Кого сегодня попросим довести нас до аула? Может, хромого из Тассу? А был бы свой «Запорожец», ехали бы с ветерком!

И мне становилось неловко. Особенно перед снохой, которую любил как родную дочь. Она ничего не говорила, но перед каждой поездкой казалось, что она тоже упрекает меня.

Наконец я сдался. Сын со снохой с радостью повезли в областной центр Кокчетав, и я предстал перед комиссией. Признаться, был взволнован и ругал себя за отступничество, но комиссия приняла с почтением. Осмотрели все бумаги, проверили здоровье, пошептались, почесали затылки и объявили свое суровое решение:

— Ата, у вас заслуг — на десятерых, болезней — на пятерых. Было бы справедливо, если всем таким, как вы, дали по машине. Но, по Положению, вам не положено! То есть ваши ранения не подпадают под эту статью! Вот если бы вы были ранены в ногу и стали хромым, тогда другое дело! А так... простите нас и живите долго!

Ответ был получен, и сын сам все слышал. Сгорая от стыда, я долго молчал по дороге.

— И что за дурацкое положение! — возмущенно произнесла наконец Баян. — Вот смотрите сами. Если человек ранен в ногу — ему дают машину! Если в голову — не положено! А ведь голова-то важнее ноги!

— Из-за ноги! Из-за ноги! — покачал головой Айгали. — Эх, отец, почему вы не подумали об этом, когда воевали?! Зачем голову подставили под пули? Надо было ногу подставить!

Мы расхохотались. Историческую обиду инвалидов и ветеранов войны выражало это слово! Ну, хоть посмеялись!

И опять все решил случай.

Я выиграл автомобиль «Москвич» в лотерею!

Республиканские денежно-вещевые лотерейные билеты, стоимостью в тридцать копеек, нам, пенсионерам, почти насильно навязывали на почте, когда мы получали пенсию. Это было в порядке вещей. Каждый месяц нас загружали на несколько копеек. Подкидывали цветные открытки с пропагандистским лозунгом, марки, и тому подобное. Я всегда брал одну лотерею — азартно все-таки, интересно, авось выиграю! Аккуратно клал этот хрустящий красивый билет в свой большой кожаный бумажник и бережно хранил до публикаций результатов очередного тиража выигрышей. Старшая жена Халима высмеивала меня каждый раз, когда я проигрывал, а младшая Нагима тихо улыбалась, поддерживая ее. Внуки радовались, что им достался такой красивый билет, и играли с ним, как с деньгами. Но я все же надеялся, что когда-нибудь выиграю и, получив приз, посмеюсь над женушками. С каждым проигрышем тайная надежда усиливалась, ибо должно же было мне повезти после стольких поражений. Но о такой победе мечтать и не мог!

Как-то пришел на почту за пенсией. Была небольшая очередь из одних пенсионеров. Передо мной получал пенсию тот самый ветеран из Тассу, которому мы уступили цветной телевизор. Он отсчитал свои деньги и уже собирался положить их в карман. И тут кассирша и говорит ему заговоришки:

— А лотерейка?.. Лотерейку-то забыли!

Такое предложение не очень-то понравилось хрому ветерану, но он нехотя согласился.

— Ладно. Давай на копейки.

— Копеек-то как раз не хватает, — воскликнула повеселевшая кассирша. — Придется рубчик заменить!

Медяки, до сих пор точно помню, пять пятаков, она со звоном положила на полку перед ним. Ветеран с сомнением посмотрел на свои деньги — там были одни десятирублевые хрустящие красные ас-

сигнации. Видно было, ему не хотелось разменивать их из-за пяти копеек.

Он взорвался и начал отчитывать кассиршу:

— На кой черт мне ваша латари! Надоело уже! Каждый месяц суете латари, а мне ее куда совать? Нет ни выигрыша, ни копейки!

С этими словами он отбросил лотерейный билет.

Пожилая, опытная кассирша твердым голосом ответила:

— Вы поймите меня, это я не для себя делаю! Нам дают план, и мы его должны выполнить! А кто, как не вы, поддержит нас, а? Как пенсию выдаем, так мы хорошенькие, а чуть нагрузку даем, сразу плохие! Нехорошо как-то получается!

И обиженно отложила билет в сторону. Ветеран, соскребя с деревянной полочки свои медяки, ушел, прихрамывая и что-то бормоча себе под нос. Мне стало как-то неловко перед кассиршей, уже столько лет неустанно отсчитывающей нам пенсии. Получая свои деньги, сказал ей дружелюбно:

— Давай мне два латари!

Она вмиг повеселела и вручила мне два лотерейных билета, один из которых был тот самый, который не взял скандальный ветеран.

— Удачи вам! — сказала она. — Возьмите и назло этому жмоту выиграйте машину!

И я выиграл! Именно этот, отвергнутый хромым, билет оказался выигрышным!

«Москвич» был для нас не только средством передвижения, но и мерилом социальной значимости. Наверное, невозможно сосчитать, сколько тысяч километров степной пыльной дороги мы исколесили на своем «железном тулпаре — скакуне»!

...В девяностые годы начал падать советский рубль. Никто вначале не верил, что рубль, который казался незыблемым, может обесцениться. Но процесс был необратимым, и рубль стремительно терял свой вес и цену. Многие, хранившие деньги в сберегательных кассах, в считанные недели потеряли все сбережения. Помню, как один скотовод, десятки лет копивший деньги для покупки легкового автомобиля «Жигули», обращался к Зигзагу за помощью. Он накопил двадцать две тысячи рублей и все ждал своей очереди на приобретение заветной машины. Только подошла его очередь, а тут — инфляция, и все его накопления стремительно упали в цене. Зигзаг, по доброте душевной, предлагал ему купить большой холодильник, который стоит на складе потребсоюза за двадцать тысяч рублей. Трудяга разозлился: «Вы что, издеваетесь?! Я копил деньги на машину, а не на холодильник! Так давайте мне машину!» Зигзаг отвечает, что это уже им не под силу, цены на машину немислимо взлетели. Трудяга не верит, что компартия и советская власть не могут урегулировать цены, что рубль стал «деревянным»! Так и не взял холодильник, надеясь на авось, а через пол-

месяца этот же холодильник стоил уже сто шестьдесят тысяч рублей! Так и сгорели накопленные честным трудом деньги бедняги. Да не он один, а почти все население в какой-то степени потерпело убытки в то время. Наш терпеливый народ пережил и это.

Падение рубля было предвестником больших перемен.

И в это время в космос полетел первый казах. Мы ликовали. Тридцать лет казахи ждали этого. Сколько советских и зарубежных космонавтов, начиная с Гагарина, летали в космос с космодрома Байконур, расположенного в казахской степи! И среди них не было ни одного казахского джигита — молодца! Мы тихо роптали и смело мечтали, терпеливо ждали, что когда-нибудь справедливость восторжествует. И вот настал этот час, когда Тохтар Аубакиров взмыл в космос и дух казахского народа вознесся до небес! Интересно, что он оказался первым космонавтом-казахом и последним космонавтом СССР! Еще интереснее, что казахский батыр — герой полетел в космос вместе с русским Александром Волковым и австрийским космонавтом Францем Фибеком! Ну, опять казах, русский и немец вместе, теперь в космосе! Нам, добрым соседям, было еще веселее от этого, и мы за них пропустили пару лишних стаканчиков, попарились и почувствовали себя словно парящими в космосе!

Через некоторое время прошло торжественное собрание в районе, посвященное полету нашего космонавта. От имени ветеранов восторженно выступил я.

— Это событие запишем в архив истории района! Особо отмечу вас!

Качановский произнес эти слова с выражением, подняв правый указательный палец вверх, широко раскрыв правый и крепко зажмурив левый глаз. Я об архиве раньше не знал и спросил:

— Так, значит, все, что происходит в районе, записывается и хранится?

Зигзаг заулыбался загадочно, поднял вверх длинный указательный палец, цокнул языком.

— Не все, не все, дорогой... В архив, в историю района пишется только то, что считается нужным и важным!

— А какие события вы считаете важными и нужными?

Зигзаг завилчал.

— Не я считаю... Считают райком партии и местные советы. Прежде всего наиважнейшими считаются события, в которых принимают участие руководители Центра, области и района!

— Значит, на события, в которых не принимает участие начальство, вы не обращаете внимание? — вырвалось у меня.

— Это как сказать... как посмотреть... — Зигзаг начал юлить, сбивая меня с толку. — Конечно, есть

мероприятия, проходящие по той или иной причине без участия начальства, которые мы все-таки отмечаем в архиве. Но когда принимают участие первые руководители, совсем другое дело! — Зигзаг осторожно посмотрел по сторонам, указал пальцем в потолок, да и сам робко посмотрел туда, и произнес почти полупрошептом: — Это будет уровень!

На этом уровне мы попрощались, но я потом долго размышлял над услышанным от Зигмунда Збигневича Качановского. Это было для меня открытием. Вот как, оказывается, создается архив, пишется история! А ведь партийно-советская контора является прямым преемником царской конторы! Метод-то один — что считали нужным и важным царские, а затем коммунистические писари, то и записывали в историю и хранили в архивах! Вот почему про наших предков в царские времена, а также о казахских талантливых личностях, народных любимцах в советский период нет ничего толкового в архивах. Наши архивы создавались строго по инструкциям, историю казахского народа писали по своему усмотрению конторщики имперской власти! Конечно, я не отрицаю важность и объективность архивных документов, но эта объективность односторонняя, тенденциозная. Дело в том, что вся истинная казахская народная жизнь не интересовала никого. Настоящая история бурлящей жизни во всем своем многообразии не вмещается ни в какие архивы! Поэтому наш народ всегда сохранял свою историю сам, из уст в уста передавая будущему поколению опыт жизни отцов. И меня поражает позиция некоторых историков, считающих слово, записанное на бумаге, историческим фактом, а незаписанное — легендой. А если просто подумали бы, проанализировали бы, то поняли, что слово, которое записано на бумаге, когда-то тоже было устным словом. Кто записал, когда записал и вообще, правда ли все то, что записано? А если записана неправда? Хуже того, мог же тот, кто говорил эти слова, соврать, ошибиться или преднамеренно исказить факты?! Так что слепо верить архивным документам и писать историю только по ним нельзя — это необъективно.

...А время шло своим ходом, подкидывая новые интересные материалы для людских архивов. Происходили громкие политические события, одно круче другого. СССР разваливался, один за другим бывшие союзные республики объявляли о своей независимости. Мы с тревогой ждали новостей.

Независимость

В морозный декабрьский вечер 1991 года до нас дошла весть о независимости нашей Родины — Казахстана.

Когда мы впервые услышали по телевидению эту весть, не поверили своим ушам. Через мгновение я тихо присел на кошму. Присел, наверное, чтобы не упасть. Я почувствовал сильнейшую усталость и душевное умиротворение, всем своим нутром почувствовал, что случилось великое историческое событие — родилось новое независимое государство, мечта всех сознательных казахов на протяжении последних трех веков!

Тихая, глубокая радость медленно, тяжело наполнила измученную душу, все уголки запуганного сознания.

Назавтра я пригласил Николая с Любой и Лиона с Зоей в гости. Халима с Нагимой сидели рядом со мной, правнуки радовались гостям и баловались. Предварительно по моему заказу Айгали купил большую бутылку русской водки, а Баян приготовила отменное мясо по-казахски — конину.

Мне исполнился девяносто один год, а Николаю — семьдесят, Лиону — шестьдесят. Тоже, согласитесь, солидный возраст. Но мне, с высоты моих лет, они всегда казались молодыми людьми. Николай уже растолстел, волосы поседели, врачи нашли у него несколько хронических заболеваний, и он постоянно подтрунивал над собой:

— Асеке, у меня — гастрит, панкреатит, эзофагит, бронхит, артрит — столько итов! Наверное, это казахские ит — собаки, накинулись на меня и хотят растерзать бедолагу из русской глухомани!

— Это дают о себе знать осколки фашистских снарядов и солдатские сухие пайки в сырых окопах! Казахский ит тут ни при чем, они не кусают гостей! — отвечал я своему извечному оппоненту.

Мы смеялись над своей старостью и своими болячками.

Сегодня, как мне показалось, Николаю Третьему было не до смеха. Он был озабочен и даже не поздравил меня с независимостью.

— Ты чё, Третий Николай, хмурый такой? Голова болит али с жинкой не поладил, а? — нарочито бодро спросил я, откупоривая бутылку.

— Да, так... анау-мынау... то да сё... — невнятно буркнул он, вытирая пот с изрядно облысевшей головы, заодно прикрывая лицо махровым полотенцем.

— Ты чё, не слыхал новость-то? — наседали я, наливая в рюмочки-неваляшки водочки.

— А что, арестовали кого? — невозмутимо спросил он через полотенце.

— Ан нет! Вот представляешь, как раз освободили! — произнес я с подъемом.

— Казахстан стал независимым государством! — отчеканил Лейке. — И я первым поздравил Асеке! Так что теперь ты, сосед добрый, друг по жизни — гражданин Республики Казахстан!

— Я гражданин Советского Союза! — парировал он.

— Николай, скажи честно, кажется, ты не очень-то рад, что мы отделились и стали независимой страной?! — спросил я напрямик у старого друга. Первоцелинник, трудяга и до мозга костей коммунист, Николай долго молчал и наконец промолвил:

— Да как-то не по себе, если честно... Развалили такую огромную, могучую страну... На обломках корабля далеко не уплывешь!

— Но ведь каждый человек должен иметь свой дом и быть в нем хозяином, да?!

— Да! — вздохнул он.

— А ведь каждая нация, каждый народ должен иметь свою страну, свое государство и жить независимо! Что в этом плохого?! Это же естественно, а, Николай?

Николай ничего не ответил, закурил, затаился глубоко. Тяжелые мысли окутывали его, как дым табака.

— Ты чё, друг наш сердечный, мучаешься как царь Николай Второй перед отречением от престола? Будем жить как жили, в мире и согласии, как равноправные граждане новой независимой страны казахов! Давай, на прощание с русской водкой и властью, налью по полной! — засмеялся я.

Николаю было не до смеха.

— Что было, то прошло! — сказал он грустно. — Но ведь мы, вот уже три века, держали всех вас вот так! — Он показал огромный кулак. — В железных лапах! И теперь раз — всё развалилось! Обидно, как говорится, за державу!

— Ну, если так... Триста лет казахи держали Великую Русь под игом! Может, ты об этом тоже не знаешь? И скажешь, что этого тоже не было?

Николай недовольно буркнул:

— Ну и хрен с ними!

— Были времена, когда наши предки властвовали над Московией, над всей великой Русью. Золотая орда Батый-хана была полна нашими предками — казахскими племенами! И с тобой согласен, почти триста лет казахи были подданными Русской империи! — ответил я спокойно. — История повторяется! Счет ничейный — триста на триста! И мы, кажется, квиты!

Лейке заплотировал.

Николай Третий сначала побагровел, а затем расхохотался.

— Может, хватить властвовать друг над другом? Давайте жить да дружить! Быть равными, просто добрыми соседями! Как ты думаешь? Ведь все равно русским без казахов, казахам без русских не обойтись! Сколько тысячелетий и сколько тысяч километров границы, сколько судеб связывают нас!

— Мы всегда за дружбу! — ответил, успокоившись, бравый сосед-богатырь и посмотрел на меня открыто. Высказав таким образом друг другу свои исторические обиды, мы, два добрых соседа, при

поддержке третьего — Лейке, залпом выпили за дружбу народов. Казалось, мы этим подписывали народный договор о казахско-русско-немецкой дружбе!

— Знаете что, соседи добрые, я решил завязать с этим! — указал я на полупустую бутылку водки. — Советы нас научили пить, так и пусть эта привычка уйдет вместе с Советами!

— Ну, я вам давно говорил, что вы нас, русских, не перепьете! — восторжествовал Николай.

— Твоя взяла! И я рад этому! — ответил я, доливая остаток водки в стаканы. — Спору нет, ты меня перепьешь!

Николай захохотал. Я продолжил:

— Пойми ты правильно. Я решил проводить в последний путь русскую советскую власть и компартию русской водкой!

Добрые соседи понимали меня и молча закивали головой.

Назавтра я начал читать Коран и намаз. Принял непосредственное участие в постановке и продвижении вопроса о строительстве мечети.

Наступило новое время. Наше время независимости. Это какое счастье — быть независимой страной, свободным народом! Но поймет ли молодое поколение нас, старцев, прошедших через все это? Народы, не испытывавшие тяготы зависимости, могут и удивиться нашей радости, но те, кто был под игом другого народа, думаю, поймут нас. Какое счастье верить своему Аллаху, без оглядки на других! Какое счастье сохранять и развивать родной язык и свою культуру.

Несмотря на все невероятные трудности, деды и бабушки, отцы и матери передали все хорошее, что было у казахов, следующему поколению. А партия и власть, которая хотела слить все народы в противостественное единое целое, развалилась и ушла с арены истории.

Это была наша, народная победа!

Сейчас я часто думаю, а ведь эта уникальная, удивительная школа воспитания — традиция наставничества дедушек и бабушек. И я думаю, дедушки и бабушки должны, просто обязаны передать своим внукам и правнукам все то хорошее, чему их научила жизнь, все то доброе, народное, что есть в духовном мире своей нации. Так что, с выходом на пенсию списывать нас, дедов и бабушек, со счетов нельзя. Я даже думаю, что начинается неповторимая, счастливая и ответственная пора: воспитание внуков и правнуков!

Нам всем нужна объективная история, независимая от интересов кого бы то ни было. Какими железными, страшными ни были эти семьдесят три года СССР, это тоже история! Несмотря ни на что, жизнь шла своим ходом, народ мучился, жил, трудился, радовался, любил, выросло несколько поколений.

Много чего добились в те годы выдающиеся люди. Так просто вычеркнуть или вырезать из хронологического порядка мировой истории этот период не удастся никому, а вот допускать всякого рода криво-толки могут необъективные дельцы от науки. История не знает «если», также она не воспринимает нашу оценку — нравится или не нравится. Историю надо принимать такой, какая она есть, и анализировать, понимать и объяснять, а не поносить и вычеркивать.

Как-то сосед Николай Борисович Нестеров поведал нам одну трогательную историю.

— Однажды в бою вражеский снаряд взорвался рядом. Я был тяжело ранен, и моя одежда начала гореть. Думал, все, конец. Вдруг очухался, вижу, меня тащит кто-то. Смотрю, это Сатур Рахимов, боевой товарищ. Он таджик по национальности, плохо говорил по-русски. Тащит меня, а немцы строчат из пулеметов и автоматов. Наконец дошли до наших траншей. Тут я потерял сознание. Очнулся уже в госпитале. Больше не увидел своего товарища по оружию и спасителя. После войны часто думал о нем, хотел встретиться, да где его найдешь? Ни адреса, ни весточки. И вот однажды он приснился мне, и слышу его голос. Он называл какой-то адрес. Я проснулся и быстро записал на бумажке то, что услышал во сне. Написал по этому адресу, и — о чудо! — получил от него ответ! Так нашел боевого друга, теперь брата. Съездил к нему. Славно встретил он меня! Затем приехал ко мне. Вот такая история!

Мы были тронуты его рассказом и подвигом настоящих солдат.

— А сейчас мы — разные страны! — грустно произнес Николай.

— Но это не мешает нам оставаться друзьями! — подбодрил его я.

— Селяви, солай! — сказал Лейке. — Зо ист дас лейбен!

— Да, такова жизнь! — согласился Николай Третий.

Оралман

Летом тысяча девятьсот девяносто второго года в городе Алматы проходил Первый всемирный курултай — сход казахов. И братья казахи со всех концов земного шара вернулись в родные края! Их называли оралман — возвратившиеся!

Мне посчастливилось в составе делегации нашей области принять участие в этом событии. Поставили белые юрты на территории ВДНХ — Выставки достижений народного хозяйства. Перед казахами всего мира вдохновенно и уверенно выступил первый президент нашей независимой страны Нурсултан Назарбаев. Трогательно говорил аксакал из Турции,

первый переводчик Корана на казахский язык Халифа Алтай, который вспоминал, как казахи, преодолевая невероятные трудности, перекочевали с Алтая до Анатолии.

Да, незабываемы дни первого курултая казахов всего мира! Несколько волнительных дней, встречи, возвышенные, выстраданные слова и слезы радости!

В группе братьев казахов из Турции я заметил седобородого старца, который, сильно сгорбившись, еле двигался, опираясь на деревянную палку.

Проходя мимо меня, седобородый горбун вдруг воскликнул:

— Асанбай! Асанбай-ага — старший брат!

Я не поверил своим ушам — это был голос Салима! Но этот старик совсем не был похож на того отчаянного удальца — степного волка! Мы обнялись и долго не отпускали друг друга. Его сопровождал один из его сыновей.

Мы долго беседовали, не только слушая внимательно друг друга, но и горячо перебивая, взахлеб рассказывая о своих приключениях.

— Я приехал под чужим именем. То есть под своим вторым именем! Наверняка я еще числюсь здесь как военный преступник!

При этих словах он бегло посмотрел по сторонам. Я улыбнулся — навыки воина остались те же!

Оказывается, во время войны он в составе Туркестанского легиона был совсем на другой стороне от нас, где-то во Франции. Немцы опасались, что туркестанцы с оружием могут перейти к своим, к советским войскам, и держали их подальше от Восточного фронта. После окончания войны Салим со своими перебрался в Турцию, где и обосновался. Он женился на казашке, родились двое сыновей и две дочери. Растут внуки и правнуки. К сожалению, ему так и не удалось найти своих детей, которые родились у него до войны в туркменских Каракумах.

По окончании курултая я повез Салима вместе с сыном на родину, познакомил их с моими потомками. Он один день провел у нас, всю ночь мы беседовали. Многие слова Салима до сих пор звучат в ушах.

— Мне часто снился наш родной дом, родители и братья, сестры, — говорил он. — Аульчане, ровесники. Во сне я будто еще ребенок, бегал по весенней расцветающей степи. Скакал на своем любимом стригунке, и ветер продувал меня, и слетали с меня одна за другой одежды, военные мундиры, которые носил в разное время на протяжении своей долгой жизни. Они были окровавленные, и стригунок увозил меня, маленького, подальше от всего этого грязного хлама!

Когда он говорил это, мне казалось, что мы — маленькие сорванцы и скачем в степи на своих стригунках вместе со сверстниками.

— В последние годы несколько раз приснилась мне наша сестра Халиля... ты помнишь ее? И тот

царский офицер, которого убил на дуэли! Халиля несколько раз во сне, вся в слезах, умоляла оставить его в живых, но я все время стрелял в него! И просыпался в холодном поту! Может, надо было отпустить их на все четыре стороны? Как ты думаешь, Асанбай?

Я не мог ничего ответить. Это горькое воспоминание из прошлого временами мучило и меня. Перед глазами проплывало светлое личико милой Халили и благородный облик того белого офицера.

— Да, я горько, горько сожалею о том, что приходилось убивать людей! — тихо продолжил Салим. — В молодости тешил себя, считая, что я прав, что все они нелюди, враги кровожадные. Но, по прошествии стольких лет, приходит осознание того, что мы все люди, и могли не стрелять друг в друга, а жить в мире и согласии! Что поделаешь — прошлое не изменишь. Да, брат, нам пришлось испытать слишком горькую судьбу! Только не понимаю, почему, зачем история сыграла с нами такую страшную игру? И вот на закате жизни я прошу прощение у тех, кого уничтожил... По велению времени, по воле судьбы, называй как хочешь! Разве от этого легче?!

Назавтра Айғали прокатил нас на нашем знаменитом «Москвиче» по родному краю — по холмам и оврагам, съездили в Кенаши, а в завершение посетили древнее кладбище в Степняке, в ауле Булакбасы.

Здесь похоронены наши предки. Здесь и памятник Биржан-салу. Мы сели на траву и прочитали молитву.

— Тебе, наверное, не терпится узнать, как стал горбатым, — заговорил Салим. — Когда мне было уже за семьдесят, прогуливался вечером в парке. Был тихий, теплый майский вечер. Вдруг началась стрельба. Шум-гам, топот ног, сирены полицейской машины. Я не успел даже оглянуться, как что-то ударило меня по спине. Не понимаю до сих пор, как очутился на земле, только помню, как корчился от нестерпимой боли. Вскоре меня подобрали, отвезли в больницу, прооперировали, и стал я горбуном. Оказывается, молодчики из какой-то радикальной организации вышли выразить свой протест властям. Начались беспорядки, и они стали стрелять в центре города. Одна из шальных пуль пробила мой позвоночник. Вот видишь, догнала меня все-таки пуля той войны! А может, вернулась моя пуля, выпущенная когда-то в кого-нибудь!

Салим глубоко вздохнул и продолжил:

— Знаешь, что сказал бы, если б мне дали последнее слово, одно-единственное предсмертное слово?! Сказал бы, нет, закричал бы на весь мир: люди, никогда не стреляйте в людей!

Я слушал, не перебивая, Салима, изъеденного временем памятника древности, но он мне казался тем самым безобидным баловнем, с которым беззаботно росли под крылышком родителей. И с трудом

верилось, что воин-сорвиголова, колмерген — снайпер верная рука, говорил такое! Но он говорил искренне, и это были выстраданные слова.

И они были близки, понятны. Мне тоже хотелось иногда кричать на весь мир, всему человечеству: о люди! Никогда не убивайте друг друга!

Салим чуть подустал от долгого душевного разговора, умолк на миг, но, несколько раз вдохнув ароматного степного воздуха, продолжил:

— Знал бы ты, брат, как я молил Всевышнего дать мне возможность посетить родной край, пройти по степи, увидеть родных и близких, прочесть Коран на могиле предков! И умереть! Да, так и молился — увидеть родную землю и умереть счастливым! Ты понимаешь меня, какая тоска по родной земле съедала мою душу все эти долгие годы странствий! И я счастлив, безгранично благодарен Аллаху, что мне суждено поклониться этой земле, поцеловать ее и остаться на ней! Навеки! Ля иляха илля аллах!

Я слушал его внимательно и сначала не понял, что происходит. Салим тихо прошептал молитву и как-то странно поклонился земле, лег ничком, обняв ее распростертыми руками и... замер!

Только в следующее мгновение я понял — он испустил дух!

Так закончил свой долгий, тернистый путь мой героический брат Салим на девяносто первом году жизни. Мы с почестями похоронили его на древнем кладбище наших предков, рядом с Биржан-салом.

Через несколько лет все его дети вернулись на родину, в Казахстан.

Вечность и миг

Новое время породило новые проблемы. Но это уже другая история, судьба нового поколения.

— Не дали спокойно жить, дайте хоть спокойно умереть! — в сердцах сказал я однажды, когда во время выборов хотели меня привлечь на свою сторону разношерстные кандидаты. Мне так хотелось оставаться самим собой, уединиться, жить тихо-мирно среди внуков и правнуков.

В первое время независимости Казахстан испытывал очень много трудностей. Старое развалилось, новое только начиналось. Туго было и в экономике, и в политике, смута была в сердцах людей. По существу, вместо коммунизма пришел капитализм. Нравы изменились, отношения стали другие. Но мы терпели все тяготы времени, воспринимая перемены спокойно, с верой и надеждой смотря в будущее. Ибо понимали, что свобода и независимость — самая главная мечта всех народов. Она не обменивается ни на что, несмотря на все трудности! Не меняется на колбасу и кабалу!

Но нередко раздавались и голоса недовольных тем, что бывшая союзная, а на самом деле колониальная, республика стала свободным государством. Без зазрения совести отщепенцы разных мастей и политические прихвостни шовинистов и великодержавников начали поливать грязью наш народ. Парадокс был в том, что казахи были хорошими, когда были бодан — подданными, а как только стали независимыми, то вмиг стали плохими. Мы возмущались и яростно давали словесный отпор где могли. И вот в такие моменты были очень кстати выступления представителей других национальностей, которые благодарили казахов и поздравляли с независимостью, желали всех благ.

Однажды слушал выступление немца Лиона-Лейке по радио в защиту казахов.

Лейке-Лион говорил резко, эмоционально:

— Если бы не казахи, мы бы все погибли от голода и холода в степи в далеких сороковых годах. Как вам не стыдно охаивать такой добрый, я бы сказал, самый добрый в мире народ, который, несмотря на свои трудности, приютил, накормил, одел и обул, спас от верной гибели столько народа, не разделяя их по национальности и вероисповеданию! Я всегда поддерживаю казахов!

Мы были благодарны ему за эти слова.

Вскоре мы покинули наши бараки. Говорят, их строили пленные японцы, немцы или сталинские зэки под надзором советских солдат. Но строили на славу. Толстенные, почти метровые в ширину каменные стены были незыблемы. Вот их-то начали разрушать. Но не могли разрушить до основания. Сняли крыши, после долгих атак железным молотом трактора кое-как развалили верхние части стены, а низ, фундамент не могли разрушить. Так и оставили. Руины зияли, особенно в сумерках и ночью, устрашающе. Спрашивается, зачем надо было разрушать готовые, мощные строения? Можно было отделать, придать вид и отдать бездомным молодежкам! Обязательно нужно было все старое «разрушить до основания, а затем построить свой новый мир»? А разве нельзя просто продолжить строить дальше, не разрушая старое, воздвигнутое предыдущими поколениями?! Селяви — солай, как говорится....

Мы простились с бараками, построили отдельные большие дома. И опять жили по соседству три добрых соседа — в середине казах Асанбай Бектемиров, справа русский Николай Нестеров, а слева немец Лион Вильверт, но теперь не в одном здании — бараке, а в отдельных домах.

Я люблю смотреть на течение реки, стоя на берегу. Время, как река жизни, течет непрерывно, унося в неизвестность каждое мгновение нашей жизни.

Что есть наша жизнь?

Ясный миг или таинственная вечность?!

В начале пути, когда мы были еще юными, безвинными созданиями, почитали баев — богатых людей. Надо отдать должное им — казахские богачи никогда не оставляли в железных объятиях голодной смерти своих сородичей! Кто-то кормил хорошо, кто-то плохо, кто-то человеком был хорошим, кто-то плохим, но факт: никто при бае не умирал от голода! Да и умирать не могли! Даже если бай был жадным и не хотел делиться едой с бедными сородичами, он все равно не в силах был сделать это. Потому что скот вон, пасется в степи, и табун или отару не спрячешь за пазухой. А когда голод заставляет кочевника сесть на коня, то никто не в силах удержать его на пути к добыче. Так, может быть, лучше не доводить народ до отчаяния и по-братски делиться с ними едой и жить в мире? Мудро и благородно поступали степные феодалы, в трудное время, в голодный год спасая всех от гибели. Но бывали жестокие времена — жут — джут, стихийное бедствие, зимой буквально скашивало весь скот. Даже и тогда народ не погибал от голода, все равно оставалось поголовье скота, достаточное для пропитания.

Но вот произошла революция и буквально все перевернула вверх дном, и уклад жизни, и понятия — теперь богатые считались врагами нового строя. С криком «Ура!» раскулачили и уничтожили всех богачей. И на протяжении семидесяти лет, считай, всю мою зрелую жизнь, нам вдалбливали в голову: богатые люди — угнетатели, кровососы, враги человечества! Самые лучшие, умные, добрые люди — это бедные люди! И выросло несколько поколений советских людей, считающих это единственно верной точкой зрения.

Теперь вот опять все перевернулось, и мы живем при капитализме, с которым боролись всю жизнь. Общество снова раскололось на богатых, середняков и бедных. Люди, невзирая ни на что, устремились к личному обогащению. Богатство стало самой главной ценностью, богачи вновь в почете.

Вот так-то ее величество жизнь показывает человечеству каждый раз, на каждом изломе и взлете истории, на каждом повороте судьбы, что она не вмещается ни в какие рамки человеческого порядка и понятия и течет стихийно по своей извилистой траектории, не известной никому! И никто не в силах предвидеть, тем более предопределить, будущее! Может быть, тем и интересна жизнь?!

Обычно люди делят мир на своих и чужих. Мы тоже делили, чего греха таить. Сначала делили мир на бедных и богатых. Причем бедные всегда казались нам очень хорошими, а богатые — абсолютно плохими. И это несмотря на то, что все сказки обычно заканчивались словами: они стали богатыми и жили счастливо и долго! Все люди тайне мечтают об одном и том же — жить в достатке, не знать нужды ни в чем. Да это же многовековая мечта всех наро-

дов! А молодые советские романтики, под руководством партии большевиков, взяли и разрушили эту мечту, растоптали и осквернили ее. Затем разделили мир на врагов народа и борцов с ними. Еще и еще раз, снова и снова придумывали все новых и новых врагов и разделялись на своих и чужих. Мы не знали, не понимали, что могут быть нейтральные люди, что можно жить в мире со всеми. «Кто не с нами, тот против нас!» — вот боевой клич революционного времени. Потом мир раскололся на два враждебных лагеря — капиталистический и социалистический. Затем появились фашисты и антифашисты. Разрыв между противоположностями был так велик, что засасывал любого, кто пытался как-нибудь наладить отношения, проложить мост.

Мудрый арестант Жакежан-бий сказал мне еще в далеком, кровавом тридцать седьмом году, что легче живется тем, кто примыкает к какой-нибудь группировке. Там все ясно, знаешь своих, знаешь чужих. Держись вместе со своими и мочи несвоих! Лежишь в окопе со своими и знаешь, кто враг, где он, и спокойно стреляешь в него. Вот и вся примитивная, но прагматичная философия. Труднее всех приходится тем, кто понимает, что не бывает ни своих, ни чужих, а есть человечество, и не становится в ряд ни с теми, ни с другими. Их жизнь превращается в сплошное мучение. Так как им попадает и от тех, и от других!

Тогда я, конечно, полностью не осознавал этого. Лишь по прошествии долгих лет, после таких потрясений и испытаний начал понимать эту мудрость жизни человеческой, что все живущие на нашей матушке-земле — братья и сестры, и не надо делить людей по принципу свой — чужой и воевать на этой основе. Но это очень сложная вещь, и, наверное, жить с такой философией многим просто не под силу. А может, такую философию постигают только столетние?!

Не помню, сколько раз мне хотелось уйти в мир иной. Просто тихо, мирно улететь от этого ужасного земного бытия и найти вечный покой. В минуты наибольшего отчаяния эта мысль появлялась вдруг из ниоткуда и вращалась в мозгу. Но я старался отогнать ее прочь и цеплялся из последних сил за эту поганую, полную страданий жизнь. И выживал. Трудно понять вам, молодым, нас, столетних.

Парадокс вот в чем. Когда, бывало, вражеские снаряды разрывались буквально над головой, рядом, то мы прижимались к земле, стараясь спрятаться поглубже, и молились Всевышнему. Тогда нам очень хотелось остаться в живых. А затем, в перерывах кровавой бойни, когда особы начинали дергать за нервы, сдирать кожу, от обиды сердце обливалось кровью. Так хотелось расстрелять их всех и самому застрелиться. Но мы держались, иного выхода не было.

Иногда думаю, сколько людей лично я убил на войне? Точно не знаю, специального счета не вел, было противно, да и невозможно. Стреляли в меня, и я стрелял в них. Если считать, что я выпускал в сторону вражеских окопов всего по десять пуль в день, то за тысячу дней получается десять тысяч пуль, отлитых в казахском городе Чимкенте, то есть девяносто килограммов смертоносного свинца. Вот теперь прикиньте, пусть даже девяносто девять процентов моих пуль пролетели мимо цели, но если оставшийся один процент сразил врага, то получается сто жизней!

А ведь процент попадания в цель, в человека, может быть намного выше, что тогда получается, а? Даже подумать страшно, но это, вероятнее всего, так, ибо мы стреляли именно на поражение врага. Потому что жесточайший закон любой войны: «Убей скорее врага, если ты не убьешь его, то он убьет тебя!» — действовал в той войне особенно четко. Яростно били друг друга советские и немецкие солдаты, не зная пощады. И это всеобщее чувство овладевало мною в кровавой бойне, тогда в голове вертелась только одна мысль: уничтожить как можно больше врагов, чтобы самому остаться в живых. При таком раскладе, если учесть, что я был неплохим стрелком, наверняка несколько десятков пуль из каждой сотни выпущенных моей рукой точно ложились в цель! На склоне лет, к закату жизни, такая простая арифметика часто мучает меня, и я утешаюсь только тем, что это была священная война — мы защищали свою родину, свой народ, а немецко-фашистские захватчики сами вторглись на нашу землю и начали мировую войну. Да, наверное, только это оправдывает нас. Но все равно перед глазами возникают ужасающие картины. Когда мы, озверевшие люди, вырывали глотку и вспарывали живот друг другу, что же происходило с нашими душами, куда девалась вера, гуманизм?!

Жизнь и смерть всегда рядом. В молодости об этом почти не задумываешься, а если появится шальная мысль о бренности бытия, то она мгновенно улетучивается, как только начинались бурные события земной жизни. А с годами, оказывается, закаленная, умудренная душа спокойно взвешивает ценность жизни и смерти — вот и вся философия.

Когда становится страшно от неизвестности и хаоса, только вера успокаивает и спасает душу. Человек устремляется к Всевышнему, несмотря ни на что! Человек устремляется к свету, невзирая на конец света! Он может пройти сквозь кровь и слезы, страдать, падать, быть растоптанным, валяться в грязи, но все равно в его душе сохраняется вера и она ведет его к чистому, светлому!

В итоге — или человек останется человеком, невзирая ни на что, и это его победа. Или падает низко, не выдержав испытания судьбы. Это его трагедия.

Генеральный директор*Олег Болдырев***Художественный редактор***Татьяна Погудина***Цветоделение и компьютерная верстка***Александр Муравенко***Заведующая распространением***Ирина Бродянская*

Отпечатано

в АО «Красная Звезда»

Россия, 123007, Москва,

Хорошёвское шоссе, 38

тел. +7(499) 762-63-02,

факс +7(495) 941-40-66

e-mail: kz@redstar.ru,

www.redstarprint.ru

Подписано в печать:

26.03.2019

Тираж 2 600 экз.

Уч.-изд. л. 13,5.

Заказ № 1113-2019

Адрес редакции:*Россия,**107078, Москва,**Новая Басманная, д. 19***Телефоны***редакции:**8(499) 261-84-61**отдела распространения:**8(499) 261-95-87***Факс:***8(499) 261-49-29***E-mail:***roman-gazeta-1927@yandex.ru***Сайт:***www.roman-gazeta-1927.ru*Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.Отклоненные рукописи
сохраняются в течение года.

Ну, вот, пожалуй, все рассказал, что хотел. Теперь можно и на покой. Смерть не страшна, когда она приходит вовремя. Мудрецы говорят, что человек не умирает, а переходит в другое состояние, в другое измерение. Надеемся, что смерть — это продолжение жизни, второе рождение человека в неведомом мире.

Иногда кажется, что моя вековая жизнь пролетела как один миг! Как будто только вчера был маленьким, самым счастливым мальчиком на свете, а теперь вот, весь белый, как вершина горы, старец, собирающийся улететь в небытие. Но иногда вся эта вековая жизнь кажется мне такой долгой, порою мучительно извилистой дорогой в неизвестность. Как бы то ни было, это моя жизнь, и я принимаю ее такой, какая она есть. Это нам, столетним, можно, наверное, говорить о жизни как о мгновении. Но тогда, когда она прошла, она кажется такой быстротечной. А когда впереди целая жизнь — совсем другое дело!

Бывает и так, что один день, даже один час длится как целая вечность. И я удивляюсь, когда молодые люди говорят о жизни как о чем-то быстро преходящем. Зачем забивать свою молодую голову всякими сумасбродствами, загружать душу лишним греховным грузом сомнений и терзаний? Да вам жить и жить и не тужить! Радоваться земной жизни, с верой и надеждой, любовью и добротой пройти отпущенный отрезок в непрерывном потоке времени. А там посмотрим, что будет с нами со всеми.

Мне думается, что во всем этом есть какой-то высший смысл, неведомый нам. И, кажется, вся прелесть жизни заключена в этой таинственности.

Я ведь филолог по специальности и кое-что читал в молодости, почитываю и по сей день. Задают философы и писатели, идеалисты и реалисты, атеисты и абстракционисты, материалисты и моралисты всякие заумные вопросы типа «Есть бог или нет?!», «Есть бессмертные души или нет?», «Есть вечная жизнь или нет?».

Если нет, то тогда какой смысл в этой жизни, во всем этом? История, цивилизация, вся борьба человечества за прогресс, за лучшую жизнь теряет смысл, если итогом всего будет крах, исчезновение!

Мне запомнились слова матери в детстве. Она говорила, что, когда ребенок плачет при рождении, это значит, что он плачет от огорчения: мол, вот я родился, теперь умру! Развивая эту тему, можно говорить бесконечно. Если так рассуждать, то получается, что мы живем ради смерти, с каждым днем идем к своей кончине. То, что мы строим сегодня, это будущие руины. А если наступит конец света, то вся эта многовековая возня человечества вмиг теряет смысл.

Да, наверное, это самые тяжелые, самые главные вопросы человечества, мучающие столько поколений людского рода, на которых в этой жизни ответа нет. Никто не смог и не сможет на это ответить! Никому не дано увидеть вечность, подержать в руках душу. Так что не надо ломать голову, сходить с ума, а просто надо верить во Всевышнего и прожить эту жизнь достойно, по-человечески.

И никогда не унижать и не уничтожать людей!

Это мой жизненный итог и заветное слово.

2015–2018

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗРЕШИТЕ ЖИТЬ!	1
СКАЗ СТОЛЕТНЕГО СТЕПНЯКА	28

Начало см. на 2 стр. обложки.

ются еще и людьми неба. Привольного и прекрасного, возвышенного и сурового, как и сама казахстанская степь.

Недавно прочитал в «Комсомолке», как знакомая мне журналистка Дарья Асламова спросила у одного индусского ученого, почему, на его взгляд, индийские программисты, индийское программное обеспечение намного обогнали даже своих китайских коллег, притом, что у китайцев усердия, да и таланта, не меньше, чем у индусов?

Ученый ответил: дело не только в природном математическом складе ума, но и в английском языке, в родном языке компьютерного века. В Индии он живет веками. Он здесь до сих пор государственный язык, индеец его знает с детства. Язык и дает этой нации фору в современном электронно-компьютерном мире.

Великий резервный ресурс Казахстана — во всех сферах — русский язык, в силу многих причин практически родной для всех казахстанцев. Прочитайте эту книжку моего нового друга. Вы увидите множество переключков с русской душой и русской прозой. Сам язык Баянпали сочный, *ориентальный* и одновременно — впитавший, как с мо-

локом матери — много русского: ведь Казахстан по знанию нашего языка действительно наиболее «русский» из всех центральноазиатских республик бывшего СССР.

Творчество Баянпали Алимжанова во многом и своеобразно именно этим чудесным перекрестным опылением. Здесь и киргизская «Илиада» под названием «Манас», здесь и родная казахстанская почва, трудное детство и отрочество, изломы судьбы — в 1986-м году молодой Баян вместе с тысячами своих ровесников стоял под декабрьскими морозами на улицах Алма-Аты — то было стояние за возрождение молодого и древнего Казахстана... И навеки сохранившееся в его душе, ведь друг мой родом из Кокчетавской, *целинной* области, а вырос в двукровном междуречье Волги и Иртыша, — русское слово, с его неизменным поэтическим подтекстом.

Это — первая книга писателя в Москве, и я надеюсь, что она найдет родственный отклик у российских читателей.

Георгий ПРЯХИН,
академик, вице-президент Академии российской словесности, секретарь Союза писателей России

